

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

ПРИКЛЮЧЕ-
НИЯ НАРТА
САСРЫКВЫ
И ЕГО ДЕВЯ-
НОСТА ДЕВЯТИ
БРАТЬЕВ

**АБХАЗСКИЙ
НАРОДНЫЙ ЭПОС**

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1962**

Подготовка текста

Ш. Д. Инал-Ипа, К. С. Шакрыла, Б. В. Шинкубы

Вступительная статья

Ш. Д. Инал-Ипа

Перевод с абхазского:

*Г. Гулиа (проза),
С. Липкин (стихи)*

Оформление художника

А. Белюкина

СЛОВО О НАРТАХ

Если вы спросите абхазца или абхазку — независимо от того, кто они и где живут: на берегу ли Черного моря или в высокогорном селении Лата, в верховьях шумного Кодора, на курорте ли Гагра или в индустриальном Ткварчели, — что известно о нартах, то ответ будет, пожалуй, везде один: «Сказания о нартах бесконечны». Таким необъятным представляется абхазцам интересное явление в истории их культуры — героический нартский эпос.

Нартский эпос в своих древних частях восходит, как предполагают, к VIII—VII векам до н. э., но он продолжает жить и поныне в абхазском народе. Бережно сохранил его народ и, несмотря на превратности исторической судьбы, пронес сквозь века, передавая из уст в уста, из поколения в поколение.

Несомненно, имеющий мифологическую первооснову, нартский эпос в обобщенно художественной, нередко фантастической форме рисует правдивую картину исторического прошлого создавших его народов.

Древняя земля Апсны, то есть «Страны абхазцев», в течение тысячелетий испытывала нашествия завоевателей, с которыми приходилось вести непримиримую и часто неравную борьбу, — сюда приходили с целью порабощения древнегреческие колонисты, когорты римских императоров, войска понтийского царя Митридата Евпатора, скифские орды, византийские легионы,

арабские полчища, турецкие янычары и др. Благодаря стойкому сопротивлению поработителям абхазцы сохранили свой язык, свою самобытную культуру. На исходе VIII века до н. э. они создали государство, известное в истории под названием Абхазского царства, которое в продолжение долгого времени являлось одной из ведущих культурных и политических сил на всем Кавказе.

Стремление абхазского народа к свободе и независимости нашло свое отражение в эпосе. Нартский эпос создавался в течение веков — в нем запечатлены разные периоды социально-экономического и культурного развития народа, начиная с эпохи так называемой военной демократии и вплоть до становления и развития феодальных классовых отношений.

Эпос о героях нартах широко распространен у абхазцев, адыгейцев, кабардинцев, осетин и некоторых других народов Северного Кавказа. Многие из созданного за это время разрушилось, многое изменилось, но удивительно стойко сохранялась первоначальная идейно-художественная сущность нартского эпоса, что особенно относится к абхазским сказаниям.

В области духовной культуры для всех народов главным источником творчества является жизненный опыт, исторически сложившиеся условия существования. И абхазские нартские сказания, при всем их сходстве с нартским эпосом других народов, особенно адыгейских, являются оригинальным фольклорным и культурно-историческим памятником. Кроме конкретно исторической специфики, черты своеобразия и оригинальности в разработке тем и образов придают эпосу национальные фольклорные традиции.

Согласно абхазским сказаниям, нартская община состоит из ста братьев и сестры, олицетворяющих собой весь народ. Все они рождены одной матерью, Сатаней-Гуашей.

Хотя нарты являются созданием народного вымысла, тем не менее они покоряют жизненностью характеров; они неразрывно связаны со своим «братством», то есть народом; элементы мифа, сказки, условности растворяются в могучей художественной правде.

В нартских сказаниях наиболее древним и в то же время наиболее художественно совершенным и значительным является образ всемогущей матери нартов Сатаней-Гуаши, которую можно назвать умом и совестью народа. Сатаней — это воплощение черт идеальной женщины, которая «без солнца греет, без луны светит». Сатаней — родоначальница и глава рода, устроительница семейного очага, главная экономка, мудрая прорицательница и чародейка, наконец учитель народа. Говоря словами одного из знатоков нартского эпоса проф. В. И. Абаева, «можно мыслить нартов без любого из героев, даже главнейших, но нельзя их мыслить без Сатаней». Образ Сатаней является одним из самых ярких фольклорных образов в мировой поэзии.

Главным героем абхазского нартского эпоса, несомненно, является Сасрыква. Это его в первую очередь абхазцы называют «афырхаца», что значит «мужественный среди мужественных». Сасрыква — близкий абхазцам народный герой, с его именем связано множество легенд. В сюжетную основу эпоса положены его подвиги и приключения. В разных местах Абхазии на берегах горных потоков до сих пор показывают камни будто бы со следами копыт его волшебного коня, носившего своего могучего седока через горы, реки и моря. По преданию, в урочище Айцера, близ Сухуми, находится древняя каменная гробница Сасрыквы. А сколько создано в народе пословиц и поговорок, прославляющих нартов, прежде всего ни с кем несравнимого Сасрыкву! Одна из них гласит: «Даже горному орлу и тому не под силу состязаться в полете с нартом Сасрыквой».

Сказания о Сасрыкве — самый законченный цикл эпоса.

В отличие от других вариантов нартского эпоса, в абхазских сказаниях Сасрыква — младший и любимый сын Сатаней-Гуаши. Она родила его неестественным образом, вырубил из камня (стихотворный вариант), закалила огнем и железом, дала ему неразлучного друга — коня Бзоу, наделила умом и бесстрашием и сделала непобедимым. Из всех братьев Сасрыква обладает наиболее цельным характером.

В образе Сасрыквы нашел свое воплощение гуманистический миф о Прометее, идея бескорыстного добра. Сасрыква совершает множество подвигов: укрощает дикого коня, к которому люди и подойти боялись, одерживает блестящую победу над прожорливым драконом в подземном царстве и избавляет тем самым весь народ от несчастья. Самым значительным его подвигом является добывание огня. Отважный Сасрыква дважды добывает огонь — сперва небесный, а потом и земной; он стрелою сбивает с неба пылающую звезду, чтобы нарты могли временно отогреться около нее, а сам отправляется на «край света» к чудовищному великану и в бесстрашной борьбе отвоевывает у него настоящий, немеркнущий огонь.

Оригинальной чертой абхазских сказаний являются сложные взаимоотношения Сасрыквы с остальными нартами. Сасрыква по рождению считается неравноправным, незаконным, ненастоящим нартом. Отсюда проходящий через весь эпос непримиримый антагонизм между Сасрыквой и другими нартами, которые не признают его своим братом. Зато Сатаней на стороне младшего сына, благодаря чему он не только противостоит нартам, но и превосходит их во всем. Вместе с тем они завидуют Сасрыкве, который не раз выручал их из беды, и, не желая делить с ним славу, снедаемые завистью, губят величайшего и благороднейшего из героев, выведав его уязвимое место у колдуньи. В абхазских сказаниях находит отра-

жение тот период, когда человек научился плавить руды и делать из металла такие орудия труда, как молот, наковальня, клещи. Культ кузни и железа олицетворен в обобщенном образе великого кузнеца Айнара. Правая рука ему молотом служит, левая — щипцами, а колени — наковальней. Айнар — не просто свободный ремесленник, а художник-творец. Он не только кует оружие и орудия труда сородичам, но с помощью клещей и молота искусно чинит разбитые в бою головы и закаляет людей. Это он, по просьбе Сатаней-Гуаши, выдолбил из скалы Сасрыкву, закалил его в огне своей кузни и сделал непобедимым.

Из абхазских нартских героев выделяются также Хважарпыс и могучий богатырь Нарджхоу — достойные женихи сестры нартов, многоопытный Сит — старший из братьев, бескорыстный Цвиц — скромный, кажущийся иногда даже жалким, а по существу один из самых храбрых нартов; могущественный Шаруан, преисполненный чувства долга и дружелюбия, язвительный Гутсакья и др. Каждый из них имеет свой характер и наделен реальными человеческими чертами.

Для героев нартского эпоса характерны высокие нравственные качества — правдивость, честность, чувство собственного достоинства, свободолюбие, любовь и ненависть, стремление к подвигам, презрение к смерти. Но им свойственны и многие человеческие слабости и недостатки: зависть, гордыня, зазнайство, что лишь подчеркивает глубокую реалистичность обрисовки характеров героев эпоса и не умаляет душевной чистоты и доблести их, гармонически сочетающихся с красотой внешнего облика. В то же время тупые и коварные циклопы — извечные враги рода человеческого — рисуются мрачными красками.

Нартский эпос — эпос героический, он наполнен громом сражений, а нарты — это прежде всего воины-богатыри, презирающие трусость и малодушие. Они совершают бесконечные

походы во имя «добывания славы» в борьбе с иноземными насильниками или великанами-людоедами. Эти походы образуют основные сюжетные линии эпоса. Но ни один поход не совершается ими ради личных, эгоистических интересов или для завоевания чужой земли и порабощения другого народа. В одной нартской песне говорится: «Нарты всегда правду искали, злого раскаяться заставляли, с жестоким — жестокими были, с хорошим — хорошими, с великим — великими, с малым — малыми».

Действующими лицами эпоса являются не только люди, но и животные, птицы и звери, которые принимают иногда решающее участие в жизненной судьбе героев. Кони нартов — араши — нередко наделены речью и разумом, с ними нарты порою советуются. Читающему или слушающему эпос порою чудится мощное ржанье нартских коней, он видит клубящийся из их ноздрей пар, комья земли, летящие из-под конских копыт, которыми перепахана вся земля.

В представлении нартов реальный мир существует как что-то само собой разумеющееся. О сотворении мира богами не сказано ни слова. И вообще богов в настоящем смысле этого слова еще нет — нарты не знают ни молитв, ни жертвоприношений. Существует только неопределенное сверхъестественное начало. В нартском пантеоне мы видим также покровителей лесов и дичи, которые, однако, представляются такими же живыми существами, как и сами нарты. Мировоззрение нартов проникнуто духом исканий и пытливостью, жизнерадостностью, активным отношением к жизни, стремлением пользоваться всеми ее благами.

Жизнь и подвиги главного героя эпоса объединяют абхазские сказания в единое целое, этим создается как бы «сквозное действие». Препятствия на пути героев и их преодоление образуют сложную композиционную структуру и способствуют нарастанию конфликта (например, эпизоды единоборства Сасрыквы с великаном, добывания жены и др.).

В сказаниях ярко выражена эпическая героизация и идеализация героев, прежде всего Сасрыквы. Все нарты, безусловно, герои, и тем не менее они не показаны всемогущими. В эпосе нередко мы видим богатырей, превосходящих по силе каждого из нартов.

У древних эпических персонажей эпоса слабо намечается детальная индивидуализация. Внешне они еще похожи друг на друга; индивидуальность их и характер проявляются преимущественно в подвигах и в действиях, в определенной драматической ситуации, поэтому никто не спутает, например, образы многоопытной Сатаней-Гуаши и светозарной Гунды; отважного и находчивого Сасрыкву с простоватым и добродушным богатырем Нарджхоу и т. д.

Поражают монументальность основных образов эпоса, краткость и глубина характеристик, простота и строгость изложения, драматизм ситуаций. Вместе с тем нартский эпос широко обращается к фантастике как к изобразительному средству.

Важнейшим художественным приемом сказаний является гиперболизация. С ее помощью выражается чувство восторга и преклонения, сила эмоционального напряжения. Гиперболизация достигает наивысшей степени в описании врагов нартов, их внешнего вида, образа жизни и действий. Безобразный облик этих существ — носителей злого начала — вызывает брезгливость; посредством гиперболы подчеркивается их низкая природа и нечеловеческая трудность борьбы с ними.

Нартский эпос не отличается вычурностью стиля, пышностью и декоративностью отделки. Из словесных художественных средств больше используются эпитеты и сравнения. Например, имени матери нартов постоянно сопутствует эпитет «гуаша» («опора», «основа»). Эпитеты «красивая», «прекрасная» являются главным словесным украшением сестры нартов. Вместе с тем в каждом рассказе можно встретить образные сравнения

для характеристики отдельных сторон жизни и внешности действующих лиц.

Нартский эпос абхазцев имеет смешанную, стихотворно-прозаическую форму со значительным преобладанием прозаического повествования. Отдельные фрагменты его исполняют в песнях, играя на народном двухструнном смычковом музыкальном инструменте «апхярце». Но только в немногих своих частях эпос дошел в форме песенного повествования, неотделимого от голоса и музыки (существует особая нартская мелодия), а иногда (например, в «Песне о матери нартов») сопровождаемого и танцами.

Изучение богатого абхазского фольклора стало возможным только после установления советской власти в Абхазии. Собрание и публикация нартского эпоса были начаты сравнительно недавно. Лишь в 1940 году впервые увидели свет четыре нартских сказания в книге абхазских сказок на абхазском языке. Не удивительно, что вследствие такого запоздалого внимания к абхазским нартским сказаниям безвозвратно были потеряны многие, в том числе, быть может, и некоторые из наиболее важных частей этого эпоса.

И только за последние два-три десятилетия Абхазским институтом языка, литературы и истории имени Д. И. Гулиа Академии наук Грузинской ССР проделана большая работа по собиранию и изучению абхазского фольклора, в том числе нартских сказаний. Сотрудниками института, в частности составителями и авторами подстрочного перевода настоящего издания — «Приключения нарта Сасрыквы и его девяноста девяти братьев», было выявлено, записано из уст народных сказителей и обработано большое количество сказаний; ими же был составлен сводный текст нартского эпоса, послуживший основой настоящего издания.

Ш. Инал-Ипа

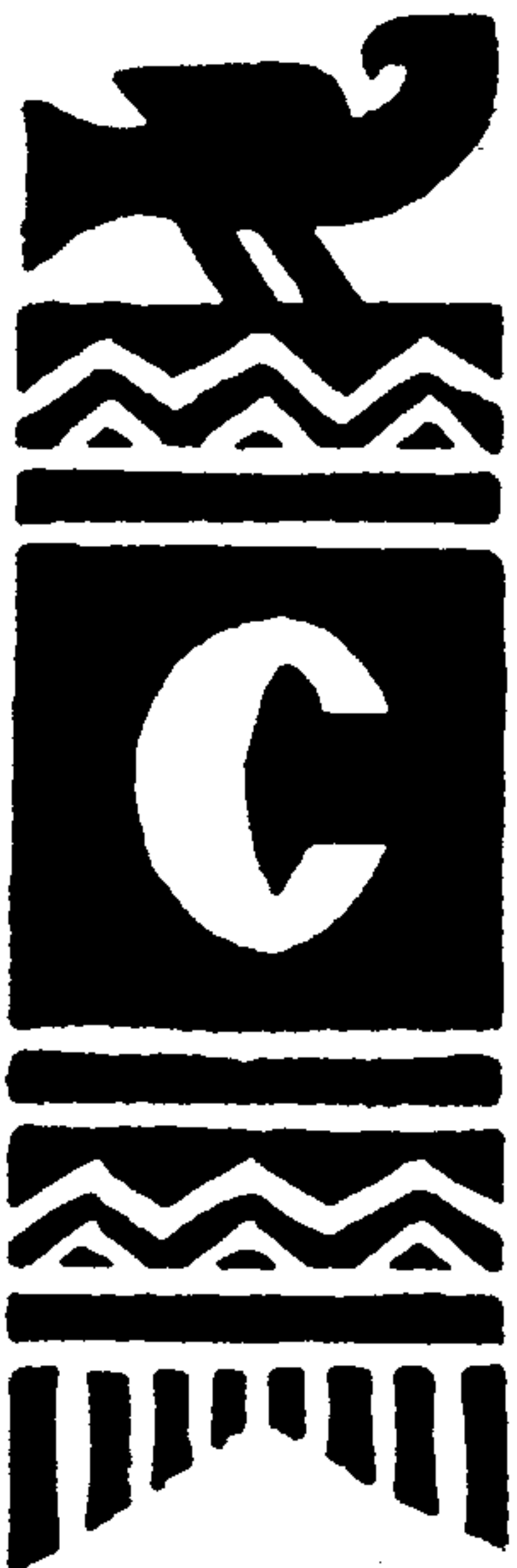
**ПРИКЛЮЧЕ-
НИЯ НАРТА
САСРЫКВЫ
И ЕГО ДЕВЯ-
НОСТА ДЕВЯТИ
БРАТЬЕВ**

1

ИМЯ ЕЕ САТАНЕЙ-ГУАША

атаней-Гуаша была матерью ста нартов-богатырей, а их отца звали Хныш. Слава ее была выше мужней. К ее мудрым советам прислушивались не только нарты, но и весь народ. За ум и красоту Сатаней-Гуашу величали Золотой Владычицей.

Сыновья ни в чем не перечили ей. Мать одна, а их-то сто! Если бы возвысили они свой голос против матери, что она могла бы поделаться с ними? Женщина у апсуа¹ пользуется особым уважением и по сей день. Разве удивительно, что Сатаней-Гуаша в те далекие времена благодаря своему уму и красоте была окружена великим почетом?

Хотя Сатаней-Гуаша и родила сто детей — тело ее, подобно свежему сыру, было тугим и белым. И любой че-

¹ А п с у а — так абхазцы называют себя.

ловек, сдержанный в чувствах и с большим самообладанием, приходил в замешательство, если в глаза ему вдруг бросалась хотя бы частичка ее оголенного тела. Белая кожа Сатаней-Гуаши была такой ослепительно яркой, что отражение блеска ее, падавшее на море и от моря на горы, часто сбивало корабли с верного направления. И немало мореходов погибло именно по этой причине. Обломки кораблей находят и до сего дня на берегу нашего моря.

Для своих прогулок Сатаней-Гуаша выбирала долины рек Бзыби и Кубины¹, особенно Кубины. Она стирала на берегах этих рек, когда это приходилось делать.

Сатаней-Гуаша выходила обычно в долину Бзыби, и шла вверх до самого истока, и через перевал направлялась к истоку Кубины. Затем ее видели у самого устья Кубины. И тем же путем возвращалась она к ее истоку, а оттуда — к верховьям Бзыби и мимо озера Рица — к Черному морю.

В Апсны² уже знали, когда Сатаней-Гуаша купалась в Рице. Подымаясь в горы или спускаясь в долину, она любила окунуться в холодную воду этого озера. И тогда от нагой купальщицы исходил свет, похожий на свет восходящего солнца. По временам чудесные зарницы освещали берег нашего моря. И жители уже знали, что Сатаней-Гуаша — в воде хрустально-чистой Рицы и что скоро прибудет на побережье.

Случалось и так, что Сатаней-Гуаша, прогуливаясь по долинам Бзыби и Кубины, пряла пряжу. Отдыхая, она купалась в реках. И от нее постоянно исходил все тот же чудесный свет, она сверкала без солнца и без луны.

¹ К у б и н а — река Кубань.

² А п с н ы — Абхазия.

Как уже говорилось, одежду своих сыновей стирала она где-нибудь на берегах Бзыби или Кубины. И не раз Зартыжв и другие пастухи зачарованно глядели на Сатаней-Гуашу. А стада тем временем разбегались, и пастухам подолгу приходилось их собирать.

Так проводила время Сатаней-Гуаша в своих путешествиях.

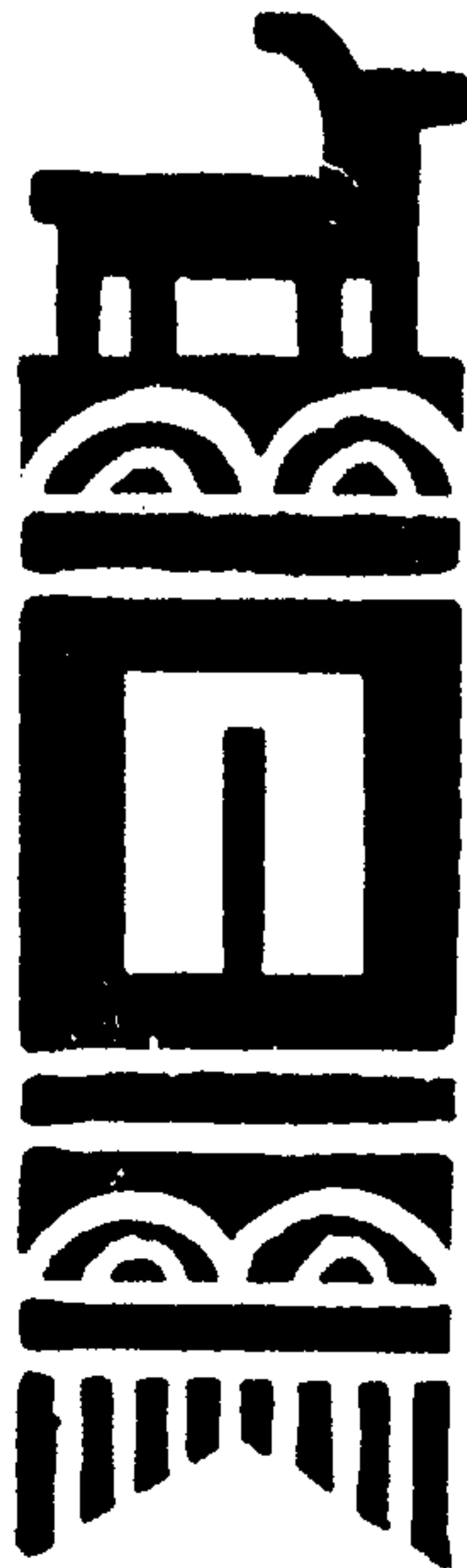
Однако чаще всего находилась она дома, где с превеликим умением и старанием вела немалое хозяйство. Ни утром, ни в полдень, ни вечером не знали ее руки покоя от домашних дел.

2

ПЕСНЯ
О МАТЕРИ НАРТОВ

оутру пробудилась от сна
Сатаней-Гуаша.

Принесли тебе столько руна,
Сатаней-Гуаша!

Говорит ей Акун-молодец:
«Десять сотен остригли овец,
Сатаней-Гуаша!»

Этой шерсти отменной круги
Обмотала вокруг левой руки
Сатаней-Гуаша.

Как ударит по буку пятой —
С корнем вырвала бук молодой,
Превратила в веретено —
Так у пряжи заведено!

Как ударит ногой по скале —
Покатилась скала по земле.

Просверлила скалу без сверла —
Стала пряслом большая скала.

И за пряжу тогда принялась,
По долине речной понеслась
Сатаней-Гуаша.

Там, где Бзыби катился поток,
Отделив от основы уток,
Потрудилась она день-деньской,
На закате вернулась домой
Сатаней-Гуаша.

Только начало вновь рассветать,
Принялась за работу опять
Сатаней-Гуаша.

И основу она и уток
Натянула на ткацкий станок.
От ударов ее затряслись
И земля и небесная высь.
Ткань, казалось, текла и текла —
С удивительной силой ткала
Сатаней-Гуаша!

Вот и кончилась шерсть у нее,
День зашел — и готово тканье,
И в порядок его привела
Сатаней-Гуаша.

Просыпается вновь досветла
Сатаней-Гуаша.

Шить-кроить наступает черед,
Вот и ножницы в руки берет
Сатаней-Гуаша,

Чтоб одежду из ткани своей
Изготовить для ста сыновей.
Солнце рдеет не выше сосны,
А одежды уже сложены —
Сто нарядов, один на другом,

И погладила их утюгом
Сатаней-Гуаша.

Солнце медленно гаснет в реке.

Слышен топот коней вдалеке.

Славой доблестной озарены,

Из похода вернулись сыны,

А добыча сынов хороша,

Не нарадуется душа!

Храбрецы возвратились домой.

Храбрецов осеняет рукой

Сатаней-Гуаша,

Говорит сыновьям дорогим:

«Подходите один за другим,

Вы одежду примерить должны —

Вам придется ли впору, сыны?»

Без примерки шила швея,

Как по мерке сшила швея

Сатаней-Гуаша!

Хороша работа твоя,

Нарядились твои сыновья,

Облекла их плотная тканьь,

Шерстяная, добротная тканьь.

И пустились воители в пляс,

Под ногами земля затряслась.

Вместе с ними стала плясать

Сильных нартов прекрасная мать —

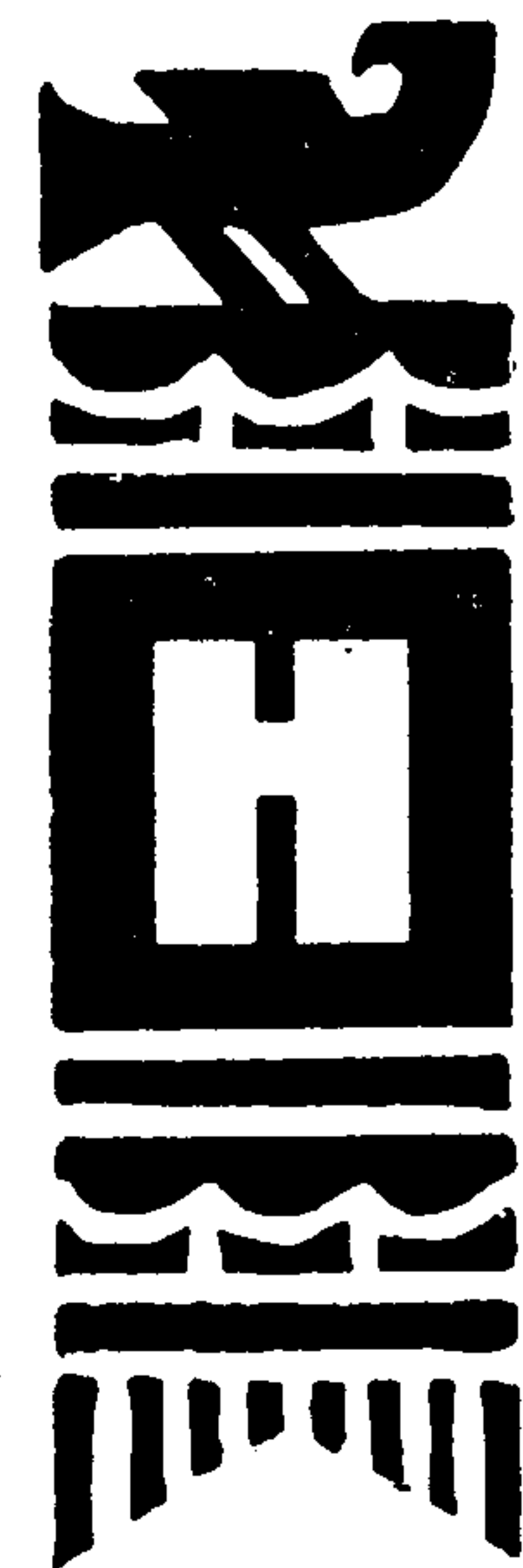
Сатаней-Гуаша!

3

О ТОМ, КАК ПОЯВИЛСЯ НА СВЕТ ГЕРОЙ САСРЫКВА

арт Сасрыква был самым младшим сыном Сатаней-Гуаши. Он был сотым и самым любимым.

Вот как он родился.

Приближался заветный день, когда должен был появиться на свет Сасрыква, и Сатаней-Гуаша принялась ткать полотно из белоснежной шерстяной пряжи. Ткала она так усердно, что содрогался каменный нартский дом. Из полотна она сшила белоснежную черкеску для новорожденного. Да, для новорожденного! И недаром удивленно спрашивали друг друга люди, увидя черкеску, вывешенную на солнце:

— Что это значит?

Она сшила и черкеску и башлык, сшила архалук из шелка, а затем начала кроить и шить рубашки из тонкой нежной ткани.

Она обшивала в течение одного дня девяносто девять своих сыновей. И, разумеется, ей не доставляло большого труда сшить одежду для одного младенца. И все-таки она выглядела усталой и грустной.

Да, она ждала ребенка, и сердце подсказывало ей, что будет он необыкновенным. Но каким именно?

Колыбель, в которой Сатаней-Гуаша поочередно баюкала девяносто девять своих сыновей, была в полной сохранности, но матери казалось, что новорожденный будет достоин иной, лучшей колыбели.

Вот почему Сатаней-Гуаша отправилась к Айнару-кузнецу и сказала ему:

— Случилось со мною, Айнар, нечто такое, что только ты один должен знать, и никто другой. Окажи мне помощь — я нуждаюсь в ней.

— Гуаша, золотоногая, можешь рассчитывать на Айнара: мой молот всегда готов к работе, и наковальня тоже, да и огонь горит в горне, подобно солнцу. В чем же ты нуждаешься, Сатаней-Гуаша?

— Мне нужна колыбель, — сказала мать девяноста девяти нартов, — но не простая. Мне нужна колыбель из железа, но шум ее, когда она будет качаться, не должен тревожить ребенка. Вот что мне нужно!

— Хорошо, — сказал Айнар-кузнец, — но дай мне срок. Надо расплавить железо не простым, а особым огнем, и нужно выковать колыбель не из простого, а из особого железа.

— Приступай же к делу, — сказала Сатаней-Гуаша. — Приступай, и я посмотрю, на что твои руки способны. — И еще добавила Сатаней-Гуаша: — Спасибо, просьбу мою уважил, но я опасаюсь...

AB

— Чего же ты опасаясь, золотоногая Сатаней-Гуаша?

— Я боюсь, что высота, ширина и длина колыбели будут обычными...

— Золотоногая Сатаней-Гуаша! — воскликнул Айнар-кузнец. — Брат нартов, которому суждено родиться, не будет похож на остальных нартов. Его рост не будет равен росту его братьев, а геройством он превзойдет всех. Вот почему его колыбель должна быть необычной. Но зачем же говорить о размерах колыбели до появления младенца? Узнают люди, и злые языки скажут: нарты собираются приручить жеребенка, который еще в утробе матери. Если доверяешь — предоставь это дело мне.

— Я верю в твои золотые руки, — сказала Сатаней-Гуаша. — Даже враги нартов признают твое искусное мастерство. Но я бы хотела сказать еще кое-что.

— Говори же, Сатаней-Гуаша. Когда это бывало, чтобы слова твои не доходили до ушей моих?

— Вот ты примешься за колыбель. Огонь в твоём горне будет гореть и днем и ночью, и молот твой будет греметь, как гром. Мои сыновья могут неожиданно появиться и спросить, чем ты занят. Что ответишь ты им? Неужели скажешь, что куешь колыбель для нарта, который должен появиться на свет. Тогда они спросят меня: «О мать, откуда это дитя?» Что отвечу я им? Пусть уж лучше узнают о нем, когда на свет появится, а потом думают что угодно!

— Не беспокойся, Сатаней-Гуаша, — сказал Айнар-кузнец, — я умею не только ковать, но и тайны хранить. Не будет никакого шума, ведь железо в моих руках — что воск.

Ночью дул сильный ветер. Громыхал гром. По кровлям бил град. Но люди спали спокойно. Спали все, кроме Сатаней-Гуаши и Айнара-кузнеца.

Мог ли уснуть Айнар, если всю ночь ковал железо?

Могла ли уснуть Сатаней-Гуаша, если всю ночь ждала ребенка?

Она родила девяносто девять нартов, но такой тяжелой ночи, как эта, у нее не было. Всех девяносто девять сыновей воспитали, по обычаю, на стороне. Но этого, который должен был появиться на свет, она решила ни за что не отдавать на воспитание чужим.

Всю ночь ходила она взад и вперед: ей казалось, что непременно родится мальчик, и она придумывала имя для него. Наконец выбрала самое звонкое: Сасрыква!..

Начало светать. Прошло ненастье. Лучи солнца коснулись снежных вершин. И вот раздались возгласы женщин:

— Мальчик родился! Мальчик!

Верно, родился воистину необыкновенный мальчик. Огненно-красный, он пылал точно огонь в очаге. Попробуй дотронься!

Одна из женщин поднесла ему грудь и тут же вскрикнула:

— Ой, обожглась!

То же случилось и со второй и с третьей. Нет, невозможно было притронуться к младенцу: не знали, как с ним и поступить! А ребенок, словно взрослый, смотрел вокруг ищущим взглядом, словно кого-то высматривал.

Когда у Гуаши родился ребенок
И стало волнение соседок сильнее,
С известьем пришли земляки к Сатаней:

— В селенье явился на свет жеребенок,
Но он не походит на прочих коней.
Он всех отгоняет, и ржет он сердито,
И смертью грозят нам четыре копыта.
Боимся: не стал бы источником бед!
Подай, златоногая, мудрый совет.

— Растите его! — был Гуаши ответ.—
С ребенком моим он родился на свет,
Несхожим с другими детьми, необычным.
Он сыну, рожденному мною, под стать,
Нельзя жеребенка того убивать,
Он станет конем несравненным, отличным!

Ушли земляки с этим словом назад.
Соседки остались, шумят, голосят.
Сказала Гуаша: — Несхожий с другими
Ребенок, что всех превосходит детей,
Пусть носит Сасрыквы счастливое имя!
Ступайте же в кузню Айнара скорей,
Он знает, что делать. Скорей за Айнаром:
Уменьем своим он прославлен не даром!

...Да, ребенок был горячий, как огонь. Поэтому немедля вызвали кузнеца Айнара. Тот не замедлил явиться — словно на крыльях прилетел.

Он долго разглядывал мальчика.

— Пусть разрастается, не кончаясь, род великих нартов! — произнес Айнар и своими огромными щипцами, которыми вытаскивал из горна раскаленное железо, поднял мальчика за ногу и перенес в свою кузню.

А в кузне у него закипало расплавленное железо. В эту страшную солнцеподобную жидкость он и опустил мальчика.

Это случилось утром, а купался маленький нарт в расплавленном железе, словно в теплой воде, до полудня. И только в полдень Айнар-кузнец решил, что мальчик достаточно закалился в солнцеподобном железе, и вытащил его оттуда. Лишь правая нога ребенка, за которую ухватился Айнар-кузнец щипцами, навсегда осталась незакаленной.

Мальчик закричал:

— Я голоден, мама! Накорми меня!

И Айнар-кузнец напоил его солнцеподобным железом. А потом подал ребенку целую лопату солнцеподобных угольев. И ребенок съел их все до последнего.

— Хочу спать, мама, хочу спать! — закричал мальчик.

Сатаней-Гуаша беспокойно ходила вокруг кузницы. Услышав голос своего сына, заторопилась к нему и на руках понесла к себе. Несла и поражалась: совсем недавно он был горячее огня, а теперь стал теплым, как обыкновенный человек.

— Куда ты меня уложишь, мама? — вдруг спросил мальчик.

— Вот сейчас принесут твою колыбель, дитя мое, — сказала Сатаней-Гуаша и велела послать за колыбелью.

Но посланный вернулся ни с чем, едва переводя дух.

— О золотоногая Сатаней-Гуаша! — воскликнул он. — Я не мог донести колыбель. Она слишком тяжела.

— Ах ты немощный! — сказала в гневе Сатаней-Гуаша. — Как ты смеешь меня обманывать! Неужели детская колыбель не под силу тебе?

И попросила сходить за колыбелью другого. Но и тот вернулся с пустыми руками.

— Неужели ты без костей, словно улитка? — порази-лась Сатаней-Гуаша. — Неужели и ты детскую колыбель не смог донести?

— Оставь их, мама. Мне самому хочется поразмяться. Это говорил маленький Сасрыква. Он был одет в черкеску, на ногах — шерстяные ноговицы, голова повязана башлыком.

— Как? Ты сам притащишь колыбель? — сказала в отчаянии Сатаней-Гуаша. — Что же скажут люди? Скажут они вот что: родился сын у нартов, а колыбели не оказалось для него. Твое ли дело таскать колыбель? Найдем человека для этого.

Однако Сасрыква был уже у ворот.

Мать бросилась за ним.

Маленький — не выше травы — Сасрыква шел себе вперед. А мать, едва поспевая, бежала за ним.

Сасрыква нашел свою колыбель в кузне и вскарабкался на нее. Не успел он в ней растянуться, как колыбель сама стала качаться, усыпляя удивительного ребенка.

В колыбели качается мальчик пригожий,

Дыгу-дыгу¹ направо, дыгу-дыгу налево.

Спит ребенок, на прочих детей непохожий,

Дыгу-дыгу направо, дыгу-дыгу налево.

Сатаней подошла, на дитя поглядела,

Дыгу-дыгу направо, дыгу-дыгу налево.

— Посмотрите, как солнышко, светится тело! —

Дыгу-дыгу направо, дыгу-дыгу налево!

¹ Так скрипит качающаяся колыбель.

Он, как солнышко, светится жарко и смело,
Дыгу-дыгу направо, дыгу-дыгу налево.
И тогда она сладкую песню запела,
Дыгу-дыгу направо, дыгу-дыгу налево:
— Ты, Сасрыква, рожден не как прочие дети,—
Дыгу-дыгу направо, дыгу-дыгу налево,—
Будь зарей на рассвете, весною в расцвете,—
Дыгу-дыгу направо, дыгу-дыгу налево!

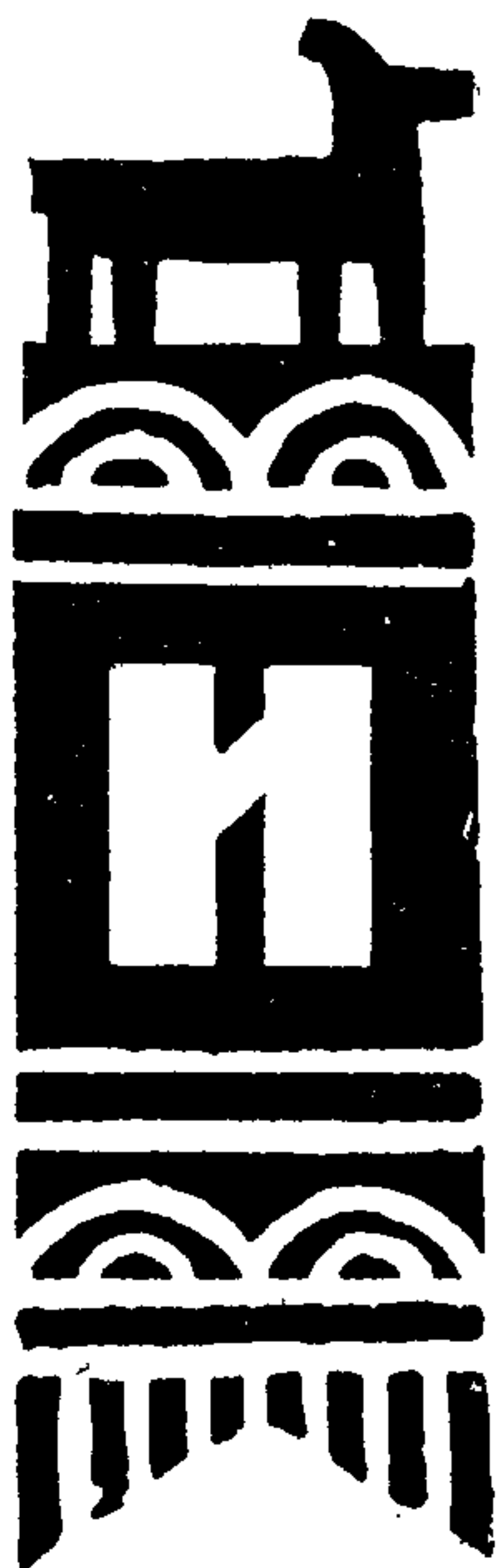
Так, рассказывают старики, родился нарт Сасрыква.
О том, как он родился, сложили еще и песню. И вот ка-
кова эта песня.

4

ПЕСНЯ О ТОМ,
КАК РОДИЛСЯ САСРЫКВА

дет величавая мать Сатаней,
Родившая богатырей.
Не солнце, а солнечным светом полна,
Сверкает, хотя не луна,
Проходит она по долине Кубани.

Пряла неустанно она
И нитки сучила для ткани,
Работая с буковым веретеном
(А прясло из камня на нем),
Старалась она от зари до темна
И тысячу стоп наткала полотна
Из доброго льна.

Так за́ день, бывало, спрядет Сатаней,
Соткет и сошьет, побелив добела,
Одежду для ста сыновей.

Однажды она неутомно пряла,
Прилежно белила холсты,
Потом она долго вдоль берега шла
И там, где темнели кусты,
Почув к полудню усталость,
Разделась она догола —
Осталась в чем мать родила.

Она ветерком наслаждалась,
А тело струило свой свет,
Подобное только что снятому сыру,
А тело струило свой свет,
Как солнце, желанное миру.
Когда же в прохладную воду вошла Сатаней,
Еще оно стало нежней.

В тени, на другом берегу,
Лениво жевали траву на поемном лугу
Спокойные нартов быки.
И, нежась в прохладе реки,
Увидела их Сатаней.
Сказала: «Да вот он, пастух моих ста сыновей,
Я так ему рада!»

Лежал и храпел среди стада
Зартыжв: он у нартов служил пастухом.
На камне лежал он сухом,
Лохматые брови касались травы;
Как взвихрит их ветер Кубани с востока —
Достигнут они головы,
Раскроются очи широко...

«Зартыжв! Ты ли это, Зартыжв?» —
Кричит пастуху Сатаней издалёка.
Проснулся от крика пастух,
Нависшие брови раздвинул,
И берег он взглядом окинул,
И зренье напруг он и слух.
И что-то, что ярче дневного светила,
Ему озарило глаза
И, словно гроза,
Его, оглушив, ослепило.

«Какое же диво средь белого дня
Сильнее, чем солнце, меня озарило,
Потом ослепило меня?» —
Сказал он и, встав перед стадом,
Глаза он спросонок протер,
Внимательным взглядом
Окинул простор,
Увидел: лежит Сатаней на спине,
Купается, нежась в кубанской волне.

Пастух задрожал,
Горячая кровь закипела,
По телу огонь пробежал —
И вспыхнуло тело.
Горит его плоть, его дух.
Что делать? — спросонок поймет он едва ли!
Колеблясь вначале,
Хотел он, чтоб яростный пламень потух,
Но даже здоровый и сильный пастух
Не может быть страсти любовной сильнее.
И вот он воззвал к Сатаней:

«Не ты ли кричала сейчас?
Не мне ли кричала сейчас?»
А надо, правдивый слагая рассказ,
Сказать, что давно не смыкала очей,
Что много ночей
Уже не спала Сатаней,
Пылала, томилась,
К Зартыжву стремилась...

Услышав Зартыжва слова на другом берегу,
Ответила: «Я не солгу,
Да, да, я кричала,
Тебе я кричала,
А что я кричала,— отсюда сказать не могу,
Ко мне переправься сначала!».

Душа пастуха затряслась:
«Не знаю, что делать, Кубань разлилась,
Боюсь, что в реке утону.
Куда ты прикажешь, пойти я готов,
Но страшно пойти мне ко дну».

«Эх, жалкий пастух бессловесных быков!
Уж если, пастух, до тебя снизошла я,
Ты сделаться мог бы, служить мне желая,
Немного смелей!»
Так молвив, как солнце светла,
К воде повернулась лицом Сатаней,
И к берегу, плавно качаясь, она поплыла.
От этого сердце забилося пастушье,
Он вздрогнул, объятый огнем.
Ужели то было не явью, а сном?

Зартыжв, на свое рассердясь малодушье,
Оперся на палку сперва, а потом
С размаху в бурлящую ринулся воду.
Зартыжва ко дну потянула волна,
Не дав ему ходу,
На берег отбросила, разъярена.

Проснулась в нем новая сила,
Он бросился в воду, надеясь реку обуздать,
Но снова река пастуха не пустила,
На берег отбросив опять.

Все жарче волнуется кровь.
Собрав напоследок и мощь и отвагу,
На палку оперся он вновь,
В бурлящую бросился влагу —
Упал на корягу.

Одевшись уже, в это время у края земли
Гуаша стояла вдали
И думала думу, смотря на беднягу:
«Что сбудется с ним? приплывет ли ко мне
Иль гибель найдет он в кубанской волне?»

Когда убедился пастух молодой,
Что с бурной не сладит водой,
Что в сон превращается явь,
Он крикнул: «Доплыть не дает мне поток!
Ты юбку из барсовой шкуры поправь,
Затем подними ты платок,
Ты шею свою обнажи,
Свой облик ты мне покажи».

Исполнив желанье Зартыжва, она
К нему повернулась лицом,
Во всем обаянье представ перед бедным
Пловцом,
Сияя, как солнце, блестя, как луна,
Спросила: «Вот так ты хотел?»

Он молча и страстно глядел
И крикнул: «Идет, эй, идет!»
И, жаркую силу свою напрягая,
Направил в Гуашу стрелу, и стрела
Пустилась в полет,
Как молния, грозно сверкая,
И небо и землю она потрясла,
И громом взгремела от края до края,
И тучей нависла, живое пугая.

За камнем огромным Гуаша укрытье
нашла.

От страха тряслись ее плечи.
Но в камень вонзилась мгновенно стрела
И высекла образ на нем человеческий.
Вновь стала долина тиха и светла
Вблизи и далече.

Гуаша тот камень кругом обошла,
На той стороне, где вонзилась стрела,
Увидела образ она человеческий.
Поняв, что пред нею таинственный знак,
«Я выдолблю образ, его унесу я домой», —

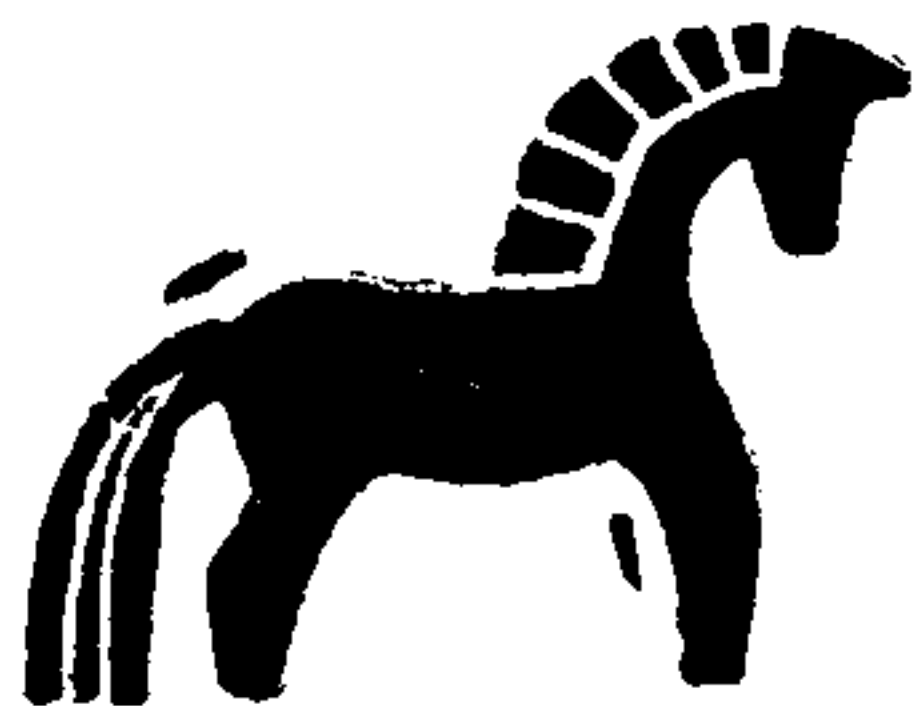
Решила Гуаша, но крикнул ей так
Пастух молодой:
«Поможет тебе лишь кузнец наш Айнар,
Чей мощен удар.
Клещи у него вместо левой руки,
А молот ему — вместо правой руки,
Нога ему стала служить наковальней,
И чтут его близкий и дальний».

Гуаша пошла, кузнеца привела
На берег, где в камень вонзилась стрела.
Присел к исполинскому камню Айнар,
Явил он уменье и дар:
И правой рукою и левой рукой
Три дня проработал кузнец,
И вот наконец
Из камня он выдолбил образ людской.

Он каменный образ вручил Сатаней,
И молвил он ей:
«Когда этот витязь родится на свет,
Родит жеребенка-араша¹ кобыла,
Которой владеет сосед.
В коне будет страшная сила,
Погибельная для людей.
Чтоб ярость людская его не убила,
Обязана ты, Сатаней,
Того жеребенка спасти:
Для нарта, который родится на свет,
Другого такого коня не найти.
Прими мой совет».

¹ А р а ш — огнеподобный крылатый конь.

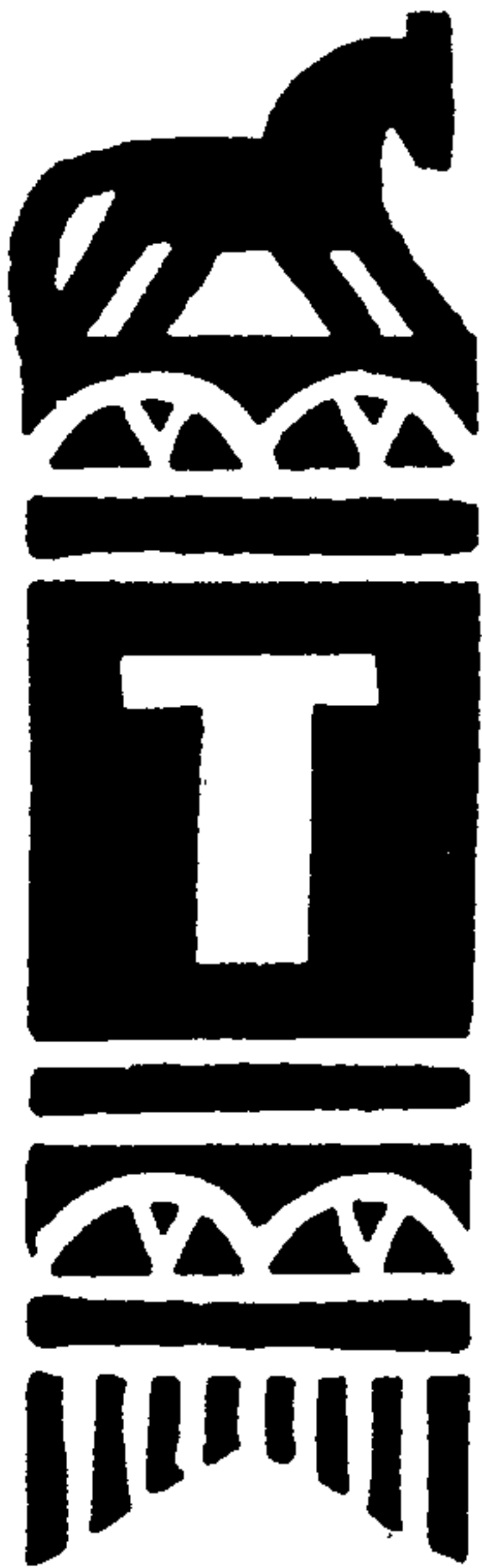
Из камня был выдолблен образ людской.
Под мышку его положив, Сатаней
Пошла с ним домой.
Гуаша, родившая богатырей,
Носила его круглый год,
Таила в тепле, чтоб не видел народ.

5

ОГНЕПОДОБНЫЙ КОНЬ БЗОУ

олько родился Сасрыква, как вернулись из похода его девяносто девять братьев. Они добывали славу и добыли ее. А по дороге домой убили много туров, серн и оленей.

Приближаясь к дому, братья затянули боевую походную песню, давая знать матери, что сыновья ее целы и невредимы.

— Какая радость! — воскликнула Сатаней-Гуаша, — все целы, все здоровы! Пусть умру я за них!

И вот стала она у колыбели в раздумье: «Что скажут сыновья, когда увидят новорожденного? Что отвечу им, если спросят об отце ребенка? Но младенца невозможно скрыть! А раз так — пусть узнают о нем сегодня же».

И Сатаней-Гуаша вынесла колыбель и поставила ее в тени ветвистого ореха.

Въехали сыновья во двор, увидели свою мать, сверкающую без солнца и без луны.

Разом спешились нарты.

Разом ударили кнутами по земле. И удары эти отозвались громом в горах.

Нарты по старшинству вошли в дом. Расселись за столом по старшинству. Выпили за свою мать, превознося ее превыше гор. А тем временем им прислуживали младшие братья. Таков уж был застольный обычай у нартов. А разве иной у нас, у апсуа?

Вот трое молодых нартов вышли во двор. И что же они увидели? Под ореховым деревом, верхушка которого достигала неба, стояла диковинная колыбель: мало того, что была она выкована из железа, она к тому же сама качалась. В колыбели спал ребенок — богатырь с виду.

Один из нартов попробовал остановить колыбель, но отпрянул в сторону, точно его лягнул горячий жеребец. То же самое в точности повторилось и со вторым и с третьим нартом.

— Что же это такое?! — сказали молодые нарты. — Мы побеждали великанов, а тут не можем остановить качающуюся колыбель?

И втроем взялись за дело. Бились они, бились, но остановить колыбель так и не смогли. Утомленные, они тут же повалились от усталости.

А ребенок спал и рос. Он спал и рос. От него веяло богатырским здоровьем. Его ноги уже достигли края колыбели — и он проснулся. Потянулся, ухватился за перекладину колыбели и крикнул:

— Мама!

— Я здесь! — ответила Сатаней-Гуаша, не покидавшая стола, за которым пировали ее сыновья.

— Где мой конь, мама? Где мой конь? — кричал Сасрыква.

Братья удивленно переглядывались. Наконец они поняли, в чем дело. Но никто не высказал ни единого слова вслух.

— В день твоего рождения появился на свет огнеподобный жеребенок — араш, — сказала Сатаней-Гуаша. — Сейчас ты увидишь его.

Она попросила тех, кто помогал ей по хозяйству, привести коня. Один из них побежал на задворки в конюшню и вскоре вернулся, держась за голову.

— Меня лягнул жеребенок, — простонал он.

— Ну и мужчина! — сказала Сатаней-Гуаша и попросила сбегать за конем другого.

Но и этого постигла неудача: его чуть не ошпарило паром, который шел из ноздрей жеребенка, словно дым из трубы.

— И ты не лучше твоего друга, — упрекнула его Сатаней-Гуаша. — Точно из воска!

Но тут вмешался Сасрыква, разгуливавший по двору. Он сказал так:

— Отчего ты волнуешься, мать? Не пойму!
Я-то знаю, где Бзоу, пойду я к нему! —
Говорит Сатаней: — Я лишилась покоя,
Дай мне слово сказать, о дитя дорогое!
Нас кругом засмеют, никогда не простят:
Мол, как только родился на свет нартский брат,
Для себя стал искать боевого коня,
Ибо жадной его оказалась родня...
Эй, пойдите туда, где прозрачные воды,
Скакуна приведите нам нартской породы! —
Верховые направились быстро в табун —

И назад, и предстал пред Сасрыквою вскоре
Под богатым седлом быстроногий скакун.
— Чоу! ¹ — крикнул Сасрыква с отвагой

Во взоре

И, подпрыгнув, проворно вскочил он в седло.
Но ни шагу скакун, стал дышать тяжело,
В землю ноги мгновенно вошли по колено.
— Хайт! ² Соседи меня засмеют несомненно:
Мол, родившись едва, не прожив даже дня,
Младший нарт загубил боевого коня!

Так воскликнув, на землю сошел он с досадой.
— Дорогое дитя мое, сердце порадуй,
Если вправду решил ты коня отыскать,
Так возьми ты уздечку, пусть все убедятся,
Что обычные кони тебе не годятся,—
Лишь единственный в мире Сасрыкве под
стать!

Позовешь — и услышишь ответное ржанье,—
Так сказала ему Сатаней на прощанье.

Молвил мальчик: — Пойду к своему скакуну.—
Взял уздечку и на руку сразу повесил.
Он пришел и в горах разбудил тишину.
— Бзоу! — крикнул Сасрыква, беспечен и
весел.—

Что я слышу: не любишь ты, губишь людей?
Не поверю, что конь мой — такой лиходей!..—

¹ Так абхазцы понукают коней.

² Возглас, выражающий как восторг, так и негодование.

Подошел к нему Бзоу, покорный, счастливый,
И, заржав, прикоснулся к наезднику гривой.
Обуздал его мальчик, повел скакуна.
Сатаней его встретила, счастья полна.

— На, возьми,— говорит, улыбаясь светло,
И железное сыну вручает седло.
Мальчуган оседлал скакуна боевого,
А Гуаша сказала коню свое слово:
— Бзоу, Бзоу, до балки железной расти! —
Бзоу начал расти, вширь и ввысь растянулся
И со ржанием балки железной коснулся.
— Будешь ты знаменит, будешь всюду в чести,
Только сталью литою питайся отныне! —
И дала ему сталь, и скакун молодой
С хрустом, лязгом насытился сталью литой,
И Сасрыква повел скакуна по долине.

Нарты сытно позавтракали поутру,
Перед крепостью начали битву-игру.
— Посмотрите, малыш ростом ниже травинки
За уздечку ведет скакуна по тропинке!
— Чей ты сын, мальчуган? Из какой ты земли?
— Нарты, нарты мои, что за странные речи!
Разве сразу меня вы признать не могли?
Я — ваш брат, младший брат, с вами радуюсь
встрече!
— Эй, не важничай, мальчик, малыш-коротыш,
Эй, не умничай: с нартами ты говоришь!
Мы-то знаем прекрасно, каков младший брат:
Самый младший из нартов — высок да усат!

— Все ж я младший ваш брат, хоть не славлюсь
усами.
В том, что младший я нарт, убедитесь вы сами...
Бзоу, милый мой конь, подожди меня здесь,
Дело есть у меня: ненавижу я спесь!

К нартской коновязи мальчуган подошел.
Но какой из коней для Сасрыквы тяжел?
Он схватил одного и подбросил, как мяч,
И над домом коня полететь он заставил,
И, кругом обежав, быстроног и горяч,
Он коня подхватил и на место поставил.
Одного за другим младший сын Сатаней
Стал бросать девяносто и девять коней,
Через крепость подбрасывал до облаков,
Девяносто и девять проделал кругов,
Девяносто и девять коней мощнотелых
Девяносто и девять подбрасывал раз,
Девяносто и девять воителей смелых,
Нартов, славных мужей, удивил и потряс.

Друг на друга воители смотрят в смятенье.
Сит сказал: — Начинается наше паденье. —
Нарт Хабжноу промолвил: — Не ждите добра! —
Кун сказал: — Это сон колдовской, наважденье! —
Нарт Гутсакья, чья речь и хитра и остра,
Крикнул: — Братья, зачем головой вы поникли?
Разве к нашим бесстрашным коням не привыкли?
Перепрыгнули сами они через дом,
Над землею взлетели друг другу вдогонку.
Я стою среди вас и смотрю со стыдом:
Вы присвоили конскую резвость ребенку! —

Бзоу в это мгновенье, у всех на виду,
Так заржал, роя землю в волненье нежданном,
Будто с неба схватить он задумал звезду!
Из ноздрей его пар поднимался туманом.

— Вы не верите мне? Что ж, готов я опять
Удаль нарта свою показать, доказать.
Не смотрите на то, что годами я молод! —
Так сказал и на Бзоу вскочил мальчуган.
Вместо плети железный служил ему молот.
Конь, как ястреб, взлетел, полетел сквозь туман,
Конь, как ястреб, исчез: нет, не в поле исчез —
Он исчез в неоглядном просторе небес.

Он хотел, чтоб настигла наездника смерть,
Чтоб разбился малыш о небесную твердь,
Но, как только Сасрыква достиг вышины,
Переполз он под брюхо коня со спины.
Бзоу вниз устремился, как бурный поток,
Чтоб о землю разбился отважный седок,
Но Сасрыква опять у него на спине,
Над землей пролетает верхом на коне!
Конь задумал разбить седока о закат,
Но смотрите, каков нартский брат, младший брат:
Оказался Сасрыква на левом боку!
Конь задумал разбить седока о восход,
Но смотрите, как скачет Сасрыква вперед:
Оказался наездник на правом боку!
Бзоу вновь его к выси взметнул голубой,
Чтоб ударился он о нее головой, —
Поднял молот Сасрыква, пылая, как жар,
И по темени Бзоу нанес он удар.

Полетели от молота искры вокруг,
Пред конем закружилась вселенная вдруг,
А в глазах у коня — мрак тяжелый, густой,
И скатился он с неба падучей звездой.
Он слетел на Эльбрус, на вершину горы,
Распластался и брюхом припал он к вершине.
Раздвоился Эльбрус-великан с той поры,
Седловина возникла — осталась поныне.

Стал на отдых Сасрыква на миг на горе,
И ударил он молотом Бзоу, и снова
Устремил он в полет скакуна молодого,
И скакун опустился на нартском дворе.
А Сасрыква сошел как ни в чем не бывало.
Оказалось, пока прискакал с перевала,
Вырос мальчик на локоть и целый вершок.
Нарты смотрят — вот это прыжок так прыжок!
Удивляются, шепчутся старшие братья,
Вникнуть в дело хотят, — не хватает понятия.

— Где находишься ты, наша добрая мать?
Кто пред нами? Скажи, мы не можем понять.
Нет ошибки, — и в этом легко убедиться, —
Нечто нартское в нем, и твоя в нем частица.
Наш отец — дряхлый, слабый, незрячий старик.
Целый век возле печи он греться привык.
От него-то не мог этот мальчик родиться!
Знаем — с матерью так говорить не годится,
Но стыда пусть не ведает нартов семья.
Ты прости, но скажи: кто он? Родом откуда?
Чей же сын этот мальчик, не мальчик, а чудо?

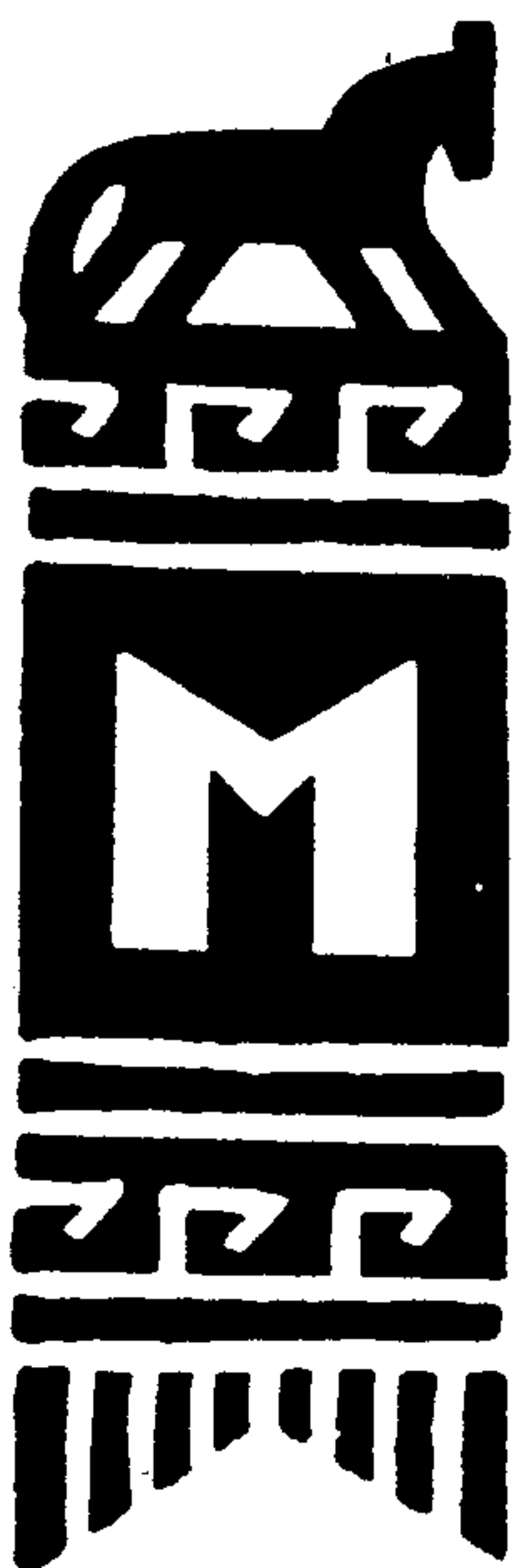
— О великие нарты, мои сыновья,
Ради вас умереть буду счастлива я!
Нарты, вам за него не придется стыдиться:
Мальчик — истинный нарт, вы могли убедиться!
Не уступит он вам, если вас не затмит.
Будет силой и доблестью он знаменит.
Вы достойным себя мальчугана сочтете.
Не из плоти людской, а из каменной плоти
Сотворенный, теперь он живет на земле.
Образ мальчика высечен был на скале,
Что стоит над речною кубанскою далью.
Он кормился из миски расплавленной сталью,
А потом поднесли ему жар горновой...
Этот мальчик, сыны мои, — нарт боевой!

6

ЗА ЧТО ПОЧИТАЛИ НАРТОВ

огучие витязи жили в давнишние дни,
Великими нартами их нарекли в старину.
Абхазами были они,
Абхазов они населяли страну.
Они были статны, стройны,
Отважные, рослые эти сыны
От матери были одной рождены.
Когда они, голову локтем своим подпирая,
Лежали на ложе простом,
То кошка могла бы большая,
Со вздыбленным, пышным хвостом,
Пройти меж рукою и станом свободно.
Так были они сложены благородно:
Тонкие были в поясе, в бедрах крепки,
В плечах широки.
Увидев их, очи закрыл бы ты сразу,
Невольно боясь, чтобы не было сглазу.

Восславим их бранных одежд красоту!
Кинжал волосок разрезал на лету,
Как прутья, сгибались их сабли стальные,
Кружились их бурки, как их скакуны вороные,
Порхали папахи, подобно семье голубей,
Когда в архалуках, в черкесках нарядных,
В доспехах, что солнца светлей,
Садилась они на коней
Могучих и ладных.
Кольчуги имелись у нартских мужей
Для славных походов, для битв беспощадных,
Составленные из колец,
Ни сабли удары, ни пули свинец
Им не были в битве страшны.

Воспитаны были Елхвѣзами эти сыны
Все, кроме Сасрыквы, из камня рожденного сына.
У честных Елхвызов и нартов все было едино:
И радость и горе делили друзья.
Такой была нартов семья:
Прекрасная мать Сатаней,
Родившая богатырей,
Сто братьев с единственной Гундой-сестрой,
Чья прелесть блистала зарей.
Был старшим воинственный Сит,
Был младшим Сасрыква, из камня рожденный, —
Его не страшили, молва говорит,
Свинец раскаленный, булат закаленный.

Из камня они воздвигали дома.
Трапезный покой был просторен весьма,
Был погреб гораздо просторнее винный.

Закопаны были большие кувшины,
А самый большой звался Вадзамакят,
Вино из него, говорят,
Одни лишь могучие пили мужчины.
У нартов искрилось вино,
И всех одаряло оно
Огнем и прохладой.

Усадьбы у нартов за каменной были оградой,
Украшенной тонкой словесной резьбой.
Тех надписей странен язык неизвестный,
И тайны словесной
Еще не раскрыли ни свой, ни чужой.

С открытой душой
За правду боролись отважные братья,
Повсюду карая неправду и зло,
Откуда б оно ни пришло,
Без всякого лицепрятья.
Не шли они в бой напоказ,
Они воевали для славы, для чести,
С обеих сторон охраняли Кавказ
От злобы и мести.

Гора иль долина, полночная тьма или рань —
Не делали нарты различья.
Исполнены были величья,
И там они жили, где Бзыбь и Кубань
Текли, то светлы, то суровы.
У них были кони и овцы, быки и коровы,
И нартскою меткой отмечены были стада.
Врагов человечества нарты карали всегда,
Владык, притеснявших и грабивших бедных людей.

AB

Противен был нартам злодей,
Что алчно смотрел на богатство народа,
И скот угонял, и терзал стариков и детей —
Была ненавистна им эта порода.
Все знали, какая у нарта природа:
Со злыми он злой, а с хорошим — хорош,
Со взрослыми — взрослый, с младенцем —
ребенок.

Охотно ты с ним разговор поведешь,
В беседе остер он и тонок.

Известно, что витязи нартской земли
Любили свои табуны и стада,
Что каждое стадо отдельно пасли,
Что зорко животных они берегли,
Чтоб не было им никакого вреда.
Коней охранял, их броня и защита,
Пастух Уахсит, сын отважного Сита.
Мужи, не жалея труда,
Особенно зорко следили за стадом овечьим,
Чья шерсть одеяньем была человеческим.
Мы скажем о Куне, о нарте совсем молодом —
Следил он за мелким рогатым скотом.
Быков охранял Кятаван, а коров — Атлагúца.
Мы нартов других упомянем потом,
Пусть мирно стада их пасутся!

Когда храбрецы уходили в поход,
Со славой воюя вдали,
Тогда их соседи стада стерегли
Затем, что имуществом нартов владел и народ.
Стада ежегодно давали приплод,

И было обычаем нартского рода
Десятою частью приплода
Владыку лесов одарять,
И гордо шумела обитель лесная,
Домашних животных назад принимая,
Чтоб вольными стали опять.

У нартов, длиною с их каменный дом,
Была из железа скамья.
На это сиденье семья
Садилась, довольная честным трудом,
Всегда старшинство соблюдая:
Сит — первый, Сасрыква — на самом конце,
А солнце сияло на чистом крыльце.
У нартов стояла витая
Железная коновязь: к ней
Привязывали богатырских коней —
Сто веток — и сто скакунов.

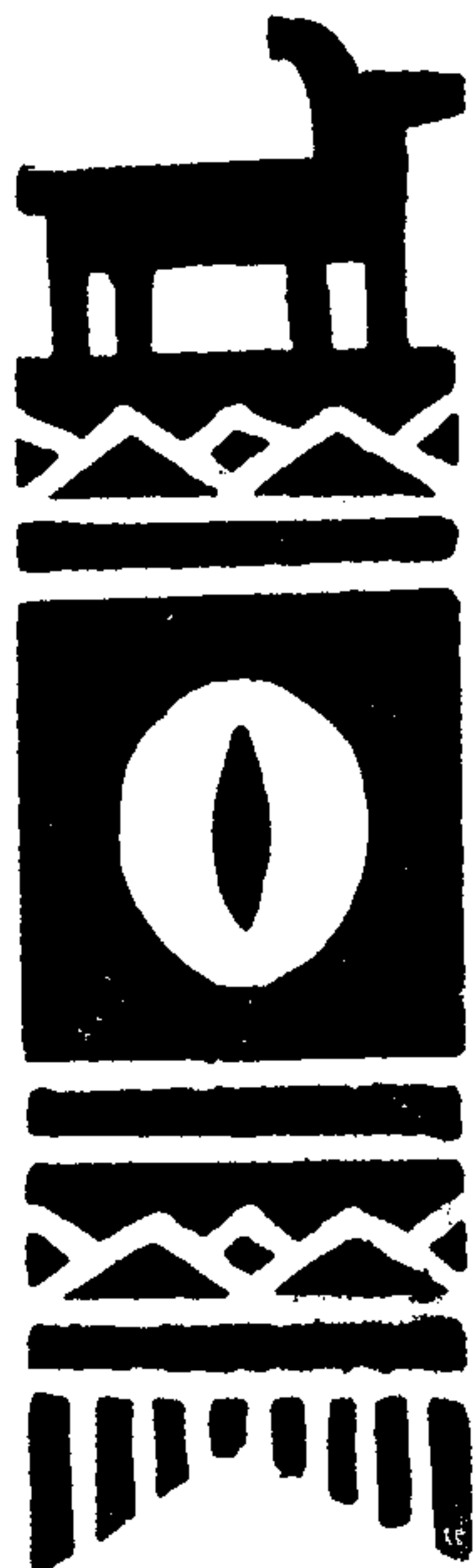
У нартских сынов
Стрела не летела впустую ни разу,
Мишень подчинялась их зоркому глазу;
Но младший, Сасрыква, в те давние дни
Из лучников метких был самым умелым:
Куда он приказывал стрелам,
Туда и летели они.
На голову матери птичье яйцо
Сасрыква, бывало, поставит,
Посмотрит он матери милой в лицо,
Стрелу поточнее направит,
И вышибет это яйцо, не задев волоска.
Да, более меткого в мире не знали стрелка!

Охота доставила витязям славу,
Она им была не в забаву,
Не знали привычки они за собой
С пустыми руками вернуться домой.
Прельстить их нельзя было мелкою дичью:
Бывало, породу помилуют птичью,
И зайца, и даже лису,
Но зубров, оленей — большую добычу —
Всегда настигали в лесу!

Сестру свою Гунду, коль верить рассказам людей,
Кормили охотники мозгом костей.

Вели с великанами нарты войну.
Ужасное бедствие ту постигало страну,
В которую, быстрой добившись победы,
Врывались враги-людоеды.
Они отбирали добро и стада,
И жен и детей угоняли всегда,
В рабов превращали свободных людей
И ели, как лакомство, мясо детей.

Но храбрые нарты, с отвагой нагрянув,
Громили убийц-великанов,
Преграду при этом сломав не одну,
Несли они гибель злодейскому роду!
Рабам, что в живых оставались в плену,
Они возвращали покой и свободу,
Они возвращали родную страну.
Наверно, за это с почтеньем и лаской
О нартах в стране вспоминают абхазской.

7

НАРТЫ У ЧЕРНОЛИЦЫХ ЛЮДЕЙ

днажды все сто нартов одели доспехи, наполнили дорожные мешки медовыми лепешками, оседлали огнеподобных коней и двинулись в путь.

Вот они едут, едут. Где ночь застанет — там и ночлег. Раскрывают дорожные мешки, достают медовые лепешки, утоляют голод и жажду. Потом ложатся спать. А спящих берегут младшие: ходят взад и вперед — глаз не смыкают.

Поднявшись с утренней звездой, умывшись и подкрепившись пищей, сто братьев снова пускаются в путь.

Вот они едут, едут. И поют. Запевает Кытаван. Он поет: — Уа, рарйра, райда, раша! ¹

Песню эту подхватывает нарт Кун. Затем вступают голоса остальных нартов. Люди слышат те песни и с удовольствием говорят:

¹ Непереводимый припев.

— Это нарты славу добывать едут.

Вот они едут, едут... Песня сокращает путь. Песня прогоняет усталость. И рассказы помогают — слушаешь их, и дорога кажется не такой уж длинной. Поэтому Сит, предводитель нартов, слегка придержав коня, обращается к Нашбатакве:

— А ну-ка, сократи нам путь.

Можно ли послушаться Сита? И Нашбатаква начинает рассказ о делах минувших дней. Слова его порою мешают, порою заставляют призадуматься. Устанет Нашбатаква — его сменяет Адлагиква, Адлагикву — еще кто-нибудь. Так незаметно и проходит время.

Снова день клонится к вечеру. Где же заночевать? Вот прекрасная лесная опушка. Пока солнце еще не зашло, несколько нартов входят в лес и возвращаются оттуда с дичью. А младшие тем временем разводят костер — нартский костер из огромных бревен! Вот уж готовы и вертела из фундуковых ветвей, и мясо нанизано — жиром на огне сочится. Что и говорить: ужин удался на славу!..

Так путешествовали они полтора года. И однажды в полдень выехали на зеленую поляну. Посреди поляны выросло большое развесистое дерево. Нарты устали и были голодны, поэтому Сит сказал:

— Доедем до того дерева, отдохнем под его сенью да заглянем в свои дорожные мешки. И коней своих огнеподобных отпустим — пусть пасутся на воле.

Никто не стал перечить Ситу. И нарты направились к дереву, спешили под его тенистыми ветвями, поставили коней вокруг, и не просто поставили, а накинули узду одного коня на луку седла другого. А сами расстелили бурки и уселись в тени дерева. Младшие из них принялись разжигать костры и готовить пищу. Когда же огне-

подобные кони отдохнули немного, нарты, привязав уздечки к стремянам, выпустили коней в широкое поле.

Дым от костров взметнулся к небу. И заметили тот дым далекие люди, жившие на расстоянии дневного пути от дерева, под которым отдыхали нарты. Была у тех людей кожа черная-черная, а зубы верхние — белые-белые и нижние тоже — белые-белые. Мужественный человек и тот испугался бы, увидев их!

Снарядили черные люди своих воинов и наказали им разузнать, что это за дым, и сообщить обо всем виденном незамедлительно.

Направились воины к дереву и увидели издали нартов. Разве могли они идти дальше? Напуганные видом героев, вернулись чернолицые к своим и рассказали обо всем.

И вот собрались чернолицые — мужчины и женщины, старые и молодые, одним словом, все, кто только мог ходить. Посоветовались меж собой и решили так:

— Пока живы — будем биться. Давайте строить укрепления с той стороны, откуда идут богатыри.

И начали они рыть землю и возводить стены.

А нарты и не подозревали, какой из-за них переполох у чернолицых. Сидят себе спокойно, поют и беседуют.

Наступила ночь, а за ней утро. С первыми лучами солнца отправились нарты в путь, и к исходу дня заметили чернолицых. Очень обрадовались нарты. Еще бы: неизвестные люди, неизвестная страна!

Чернолицые тоже заметили нартов и стали готовиться к битве. Решили они подпустить нартов поближе — на расстояние полета стрелы, чтобы вернее поразить врага.

Нарты были смелыми и умными. Отобрали они нескольких воинов и послали их к чернолицым без оружия, чтобы те убедились, что к ним идут не враги, а друзья.

Вот подошли безоружные нарты на близкое расстояние, а чернолицые пустили в них стрелы. Острые стрелы ранили двух нартов, и пришлось всем нартам вернуться к своим.

Хоть локти кусай от досады!

Что же оставалось делать?

Еще раз послали они к чернолицым своих безоружных братьев, но и на этот раз случилось то же, что и в первый. Решили нарты идти силой.

И вот все сто сели на огнеподобных коней и бросились на чернолицых. Бросились, как разъяренные зубры, разрушили стены укреплений и порубили шашками самых отчаянных храбрецов, многих из них потоптали копытами своих коней.

Увидели чернолицые нартов и поняли, что невинным зла они не причиняют. Успокоились. Попросили мира. И помирились с ними нарты.

Прожили братья у чернолицых ровно месяц. А когда собрались в обратный путь, то сказали так:

— Пошлите вместе с нами своих людей, пусть они увидят и нашу землю.

Чернолицые задали на прощанье пир. А затем выделили в провожатые сто чернолицых. И подарили нартам много скота.

Вот вернулись в Апсны сто братьев-нартов. С ними — сто чернолицых из далекой земли. От этих, от чернолицых, и происходят чернолицые, живущие и доныне в селе Адзюбжа...¹

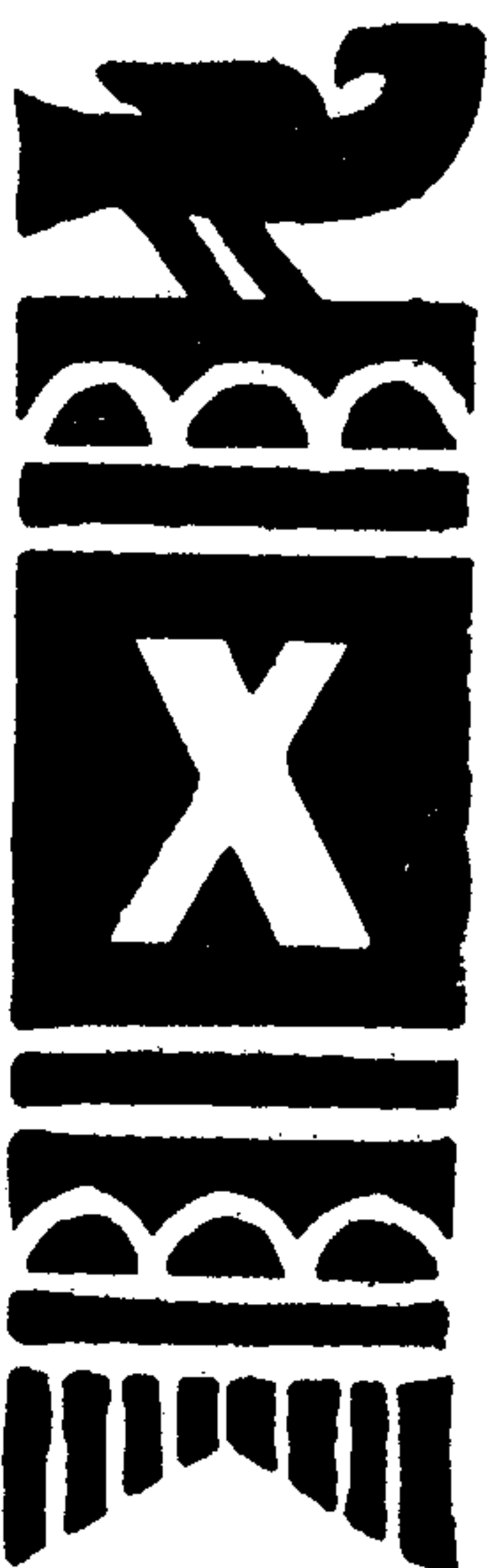
Вот как ходили в походы великие нарты!

¹ А д з ю б ж а — село на берегу реки Кодор, где до сих пор проживают потомки негров.

8

КАК ПОЯВИЛИСЬ У НАРТОВ ПЕСНЯ И СВИРЕЛЬ

ОТТИТЕ ВЫ ЗНАТЬ, КАК У НАРТОВ ВОЗНИКЛА
свирель
И ПЕСНЬ, О КОТОРОЙ НЕ ЗНАЛИ ДОСЕЛЬ?

У НАРТОВ БЫЛ БРАТ КЯТАВАН.
ОХОТНИКОМ БЫЛ ОН ОТВАЖНЫМ И МЕТКИМ
стрелком,

Долины прошел он пешком,
И брал он легко, быстроногий,
Вершин высочайших отроги.
Был многим охотник знаком,
Но слава его лишь тогда загремела,
Тогда лишь высокий обрел он удел,
Когда он впервые запел.
Вот так началось это дело.

Случилось, что нарт Кятаван
Пошел на охоту в погожий денек,
Сказал, что вернется в назначенный срок.
Стреляя, забрел он в глухие края,
Где дичи была благодать,
Но в ногу ужалила нарта змея,
Он стал умирать.
С трудом до реки он дополз, чуть живой,
Он к дереву жаркой прильнул головой.
Дрожа, обжигая кору,
Пылая в недужном жару,
Услышал он — голос звенит за листвою:

«Скажи, Кятаван, что с тобой?
Ты лучшим из нартов считался всегда,
Ужели теперь ты погибнешь бесславно?
Взгляни-ка сюда:
Огромные бревна уносит вода,
Тебя же поднимет подавно!
Садись на бревно, для воды не тяжел,
Домой поплыви ты дорогой речною».

Тот голос в сознание нарта привел:
«Да что это вправду со мною?
Пора мне вернуться давно!»
И в реку свалил он бревно.
И сам на бревне он уселся с ружьем за
спиною,

А рядом сложил он убитую дичь.
Звенел в его сердце таинственный клич,
И вот на бревне по реке
Поплыл он, поплыл понемногу,

Все время во влажном держа холодке
Распухшую ногу.

Почуяли братья тревогу,
Стоят и глядят: не покажется ль брат?
В назначенный срок не пришел он назад!
Один из них вышел тогда на дорогу,
А нарт Кятаван по реке, на бревне,

Уже приближался к родной стороне.
Боясь, что, теченьем влекомо,
Бревно уплывет мимо дома,
На помощь позвал он, от боли совсем ослабев,
И голос протяжный звучал, как напев:
«Уа, рарíра, рáйда, рáша!»

Услышала крик Сатаней:
«Эй, кто-то плывет,
Да это же брат вас на помощь зовет,
О дети, спасите его поскорей!»

Тут нарты к реке побежали стремглав.
Бревно повернулось, лежало уже на мели.
«Скажи, Кятаван, что с тобой?» — закричав,
Пошли и на берег пловца понесли.
Увидели: весь он распух.
«Скажи, Кятаван, что с тобою?»
«Пришла моя смерть, я ужален змеею,
И гаснет мой дух».

Домой понесли они брата, в печали,
Потом человека послали
За мудрой седой Аиргав:

Старуха людей исцелила немало,
Она от болезни любой врачевала.
Недуг Кятавана узнав,
Старуха присела к больному
И свой заговор повела по-чужому:
«Хути, хути, уалкватас! —
И дуть начала на распухшую ногу.—
Вставай-ка сейчас,
Ступай-ка к порогу!
Где дело твое, там дело мое.
Где тело твое, там тело мое.
Ашихва абзыки заикку,
Язык — к языку, язык — к языку.
Охотник распух от змеиного жала,
Я опухоль сдуну, чтоб жить не мешала.
Подую, подую на кожу твою,
Змеиною кровью омою змею,
Омою стрелка человеческой кровью —
Вернется к здоровью».

Страдал Кятаван. От недуга совсем
ослабел он.

Слова повторял он, которые пел он,
Когда его вниз уносила вода:
«Уа, рарира, райда, раша!»
Вполголоса братья ему подпевали тогда,
Они полагали,
Что песня от боли спасет, от вреда,
От горькой печали,
И вторили брату, желая развеять болезнь:
«Уа, рарира, райда, раша!»

С тех пор среди нартов рожденная песнь
В народе жива.
Поэтому нет у абхаза
Ни песни, ни сказа,
В которых не слышатся эти слова:
«Уа, рарíра, рáйда, рáша!»

Узнайте о том, как тростник-ачарпын
Стал музыкой нартских вершин и долин.

В горах Кятаван находился со стадом.
Жарой истомленный дневной,
На камне прилег он с овечками рядом,
Сморил его зной.
Когда погрузился он в дрему,
Во сне головою поник,
Рассыпались овцы по лугу большому,
Ломая тростник:
То был ачарпын, только здесь он и рос!
Тут кто-то над спящим слова произнес:

«Эгей, Кятаван, что с тобой, нартский брат?
Заснул, головою не вертишь,
Не жди ты, пока твои овцы съедят
Все то, чем себя обессмертишь!»

Вскочил Кятаван, посмотрел на овец:
Ломают, едят ачарпын.
Все заросли съедены были вконец,
Остался лишь корень один.

Вбежал он в средину, овец разгоняя,
Он срезал тот корень пастушьим ножом
И долго стоял, озираясь кругом,
Что дальше с ним делать, не зная.
Внезапно схватил этот корень баран,
Но дернул рукой Кятаван,
Чтоб корень барану тому не достался.
На корне зубов отпечаток остался,
Когда он сломался,
И сдавленным верхний конец оказался.
Подул в этот полый тростник ветерок —
Пройти не сумел он, хотя и пытался,
Но чудные звуки оттуда извлек:
Пленительный голос раздался.
Был нарт Кятаван поражен.
Ножом понадрезав с обеих сторон,
Он дунул в ту дудку, что стала свирелью;

Пастух заиграл в первый раз,
И песня его разлилась по ущелью.

С тех пор на свирели играет абхаз,
И песня о нартах великих звучит величаво,
И в мире бессмертна их слава.

9

О ТОМ, КАК ЖЕНИЛСЯ НАРТ ДЫД

ужественный Дыд был одним из ста братьев нартов. Жил он на горе Дыдрипш, что недалеко от села Ачандара.

Дыд владел огнеподобным конем, какого не было ни у кого. Только вскочит Дыд на него, а конь уж прыгает под самое небо. С вершины Дыдрипша опускался конь-араш прямо на Лыхненскую площадь, осторожно касаясь копытами земли. Когда конь летел в воздухе — сыпались искры. Когда ночью летел — казалось будто огнем полыхает небо... Из Лыхны Дыд направлялся берегом моря на запад в поисках славы...

В селе Лыдзаа проживали люди рода лыдзаа. Хорошие были люди. Любили путешествовать, подобно Дыду, и часто встречались с ним на берегу моря. Даже стычки бы-

вали между ними и Дыдом. Но не так-то просто было запугать род лыдзаа!

Была в роду лыдзаа красивая девушка. И рост, и стан, и шея — не оторвешь глаз! Цвет лица — что кровь с молоком. Глаза блестящие и черные, как спелая ежевика. Она походила на молодого ястреба, только что вылетевшего из гнезда. Всех пленила девушка из рода лыдзаа!

Однажды в летний день девушка умывалась у родника. А в это время ехал мимо Дыд на своем огнеподобном коне. Герой увидел девушку. Очень она ему понравилась, и не удивительно — уж очень была хороша, да и сам Дыд пребывал в расцвете сил и не был женат.

Девушка выпила глоток воды, наполнила кувшин. И только сделала шаг — как перед нею вырос герой на огнеподобном коне.

— Добрый день, — сказал Дыд.

— Добрый день, — с поклоном отвечала девушка.

— Могу я спросить, — сказал Дыд, — кто живет тут поблизости?

Девушка поставила кувшин на землю и сказала:

— Здесь живет род лыдзаа.

— А кто же ты?

— Коль желаешь познакомиться с нами, зайди в наш дом, он тут недалеко. Мы гостеприимные хозяева.

Дыд сказал:

— Зашел бы, да тороплюсь. Но я знаю теперь, где ты живешь. До свидания!

С трудом оторвал он свой взгляд от девушки и отправился в путь.

А девушка? Дыд понравился ей. Она жалела о том, что

не заехал он к ним, и долго смотрела ему вослед. Да и он не раз оборачивался. Не посмел он заехать к ней во двор, потому что не ведала еще девушка о мужестве его и о делах его. А рассказывать самому об этом неудобно. Пусть от других услышит...

Дыд направился туда, куда задумал. Кто знает, сколько времени был он в пути?

И вот возвращается Дыд назад, к себе. Подъезжает он к реке Бзыбь. Смотрит — и видит на том, на другом, берегу дым столбом стоит.

Быстро переправился герой через Бзыбь и повстречал женщину — одинокую и опечаленную. И Дыд спросил ее:

— Что случилось? Откуда этот дым?

— Видишь, сын мой: там, где дым сейчас, — живет мужественный род лыдзаа. Но, видно, настал его последний час!.. Была в роду лыдзаа девушка — молодая и прекрасная. И полюбил ее Акулан Акуланкиара — человек тоже мужественный. Он посватался к девушке лыдзаа. Она отказала ему, ибо не понравился он ей. К несчастью, не понравился! И жених обиделся. И поклялся похитить ее во что бы то ни стало... А братья ее сказали так: «Пусть только кто-нибудь посмеет силой забрать нашу сестру!» Акулан Акуланкиара стоял на своем. А лыдзаа твердили: «Мы себя настоящими людьми считаем!» Разве так просто запугать лыдзаа? Стали посредничать мудрые люди. Но примирить так и не смогли. Акулан Акуланкиара сказал: «Силой заберу ее!» И вот уже больше недели сражаются лыдзаа и войско Акулана Акуланкиары. Горят жилища. Горит лес. Льется кровь. Каждый, кто способен поднять даже палку, пошел сражаться.

И женщина горько зарыдала.

Огорчился Дыд. Отпустил коня, расстелил бурку и лег на нее, чтобы немного передохнуть после дороги. И даже задремал от усталости.

А женщина пошла приготовить еду для гостя.

Когда проснулся Дыд — пища была перед ним. Он умылся, отведал еды и сел на коня. И, прощаясь, сказал так:

— Увидишь, женщина, что будет: хочу помериться силой с Акуланкиарой. Он не уйдет так, как ему хочется.

Но герой опоздал: Акулан Акуланкиара похитил девушку и скрылся в горах. Лыдзаа, оставшиеся в живых, преследовали его, шли по пятам, время от времени вступая в сражение с теми, кто прикрывал отход Акулана.

Что делать?

Дыд расспросил людей, в каком направлении бежал похититель. А расспросив, дал себе слово — отрезать ему путь.

Огнеподобный конь-араш подпрыгнул вверх и доставил героя к узкому ущелью. Вот здесь-то и встретил Акулана Акуланкиару нарт-богатырь. И он крикнул похитителю и всем, кто был вместе с ним:

— Бросай оружие, кто не хочет смерти!

Смелый Акулан Акуланкиара ответил:

— Кому это жизнь надоела? Кто посмел появиться передо мной?

Девушка из рода лыдзаа узнала голос Дыда. Он придал ей силы, и она набросилась на Акулана Акуланкиару. Набросилась, как львица!

Дыд, не мешкая, вылетел из засады, грозя растоптать врагов.

И враги побросали оружие.

И связал Дыд врагов. Но Акулана Акуланкиару не связал, а погнал его впереди себя, сказав девушке из рода лыдзаа:

— Жди меня здесь и стереги врагов. А я поеду туда, где твои братья бьются.

И вскоре открылось его глазам поле битвы. Лыдзаа рубились с врагами. Кровь текла, с обеих сторон падали люди — падали, чтобы уж больше никогда не подняться!

Видел все это Дыд с высокого холма и сказал он Акулану Акуланкиаре:

— Если ты хочешь, чтобы ты и войско твоё уцелели, — останови своих. Если словом не остановишь, я убью тебя и перебью твоё войско. Выбирай!

Акулан Акуланкиара был не глуп. Он понял, что имеет дело с нартом. И он сказал:

— Я — в твоих руках и поступлю, как ты хочешь.

А затем вдохнул побольше воздуха в грудь и крикнул, чтобы его слышали все, кто бьется:

— Оставьте оружие! Это говорю я, Акулан Акуланкиара!

Не раз пришлось повторить эти слова похитителю девушки рода лыдзаа, прежде чем его войско взяло их в толк и побросало оружие.

А люди из рода лыдзаа долго не могли понять, что случилось. Все стало ясно только тогда, когда подъехал к ним сам Дыд и рассказал, что любит их сестру и что ради нее вел он битву против Акулана Акуланкиары и его войска.

Так окончилось сражение. Люди рода лыдзаа сосчитали, сколько воинов погибло с их стороны, и заставили Акулана Акуланкиару отдать им столько же людей да еще двух в придачу за попытку похитить девушку.

Остальных пленников отпустили, а потом вернулись к своим очагам, устроили пир и с почетом приняли Дыда. А Дыд попросил выдать за него их сестру, ибо, сказал он: «Я люблю ее, она же — любит меня».

Люди из рода лыдзаа посоветовались меж собой и сказали:

— Если ты любишь ее и она любит тебя, мы согласны выдать за тебя сестру нашу.

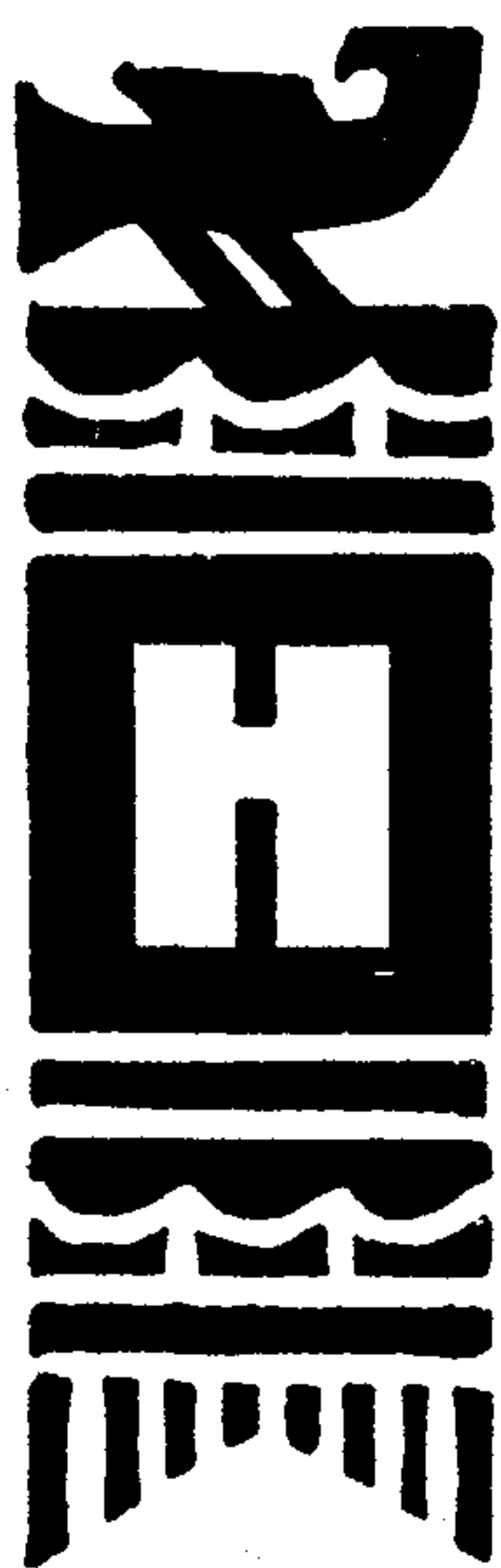
Девять дней и девять ночей продолжался свадебный пир. Потом люди из рода лыдзаа отправили сестру свою и ее подружек вместе с Дыдом. И Дыд увез сестру лыдзаа к себе.

10

ГЕРОЙ БАШНЫХУ

Нарт Башныху был красивым и сильным — герой из героев. Обычно он разъезжал один, никого с собою не брал. Надев доспехи, оседлав огнеподобного коня, он устремлялся на восток, ибо на востоке жили враги нартов. Враги эти обычно выжидали удобного случая, когда нарты бывали в походах, и нападали на землю нартов и разоряли народ. Потому-то и направлялся Башныху на восток и, обнаружив врага, отгонял его подалее.

В те времена людей похищали и продавали, как рогатый скот, меняли на скакунов.

Нарты ненавидели все это. Невольников они отпускали на волю. Особенно отличался в этом Башныху.

Он жестоко преследовал тех, кто покупал и продавал людей. Устраивал засады там, где сходятся семь дорог. Здесь никто не проходил незамеченным: ни идущий с севера, ни идущий с юга, ни тот, кто держал путь на восток, ни тот, кто шел на запад. Сидел Башныху в засаде и отбивал невольников, отпускал их на свободу.

Однажды сидел Башныху в засаде на излюбленном месте — у перекрестка семи дорог. А враги его тем временем незамеченными сумели пробраться на землю нартов. И никто не знает, как это случилось.

Пробрались враги на землю нартов и разорили ее. И видит Башныху, возвращаются они к себе назад и гонят перед собою пленников. Вот тут-то и показал себя Башныху! С боевым кличем набросился на врагов, работая шашкой, словно молнией. Одних обезглавил, других погнал на восток. И отбил пленных всех до единого!

Выбрал он из пленных сильнейших, а остальных отправил домой. Вместе с сильнейшими он продолжал преследовать врагов.

Башныху нагнал грабителей в то время, когда они ступили на свою землю. Пустили грабители по своей земле глашатаев. Объявили глашатаи о постигшем их землю несчастье и призвали своих соотечественников поднять оружие против Башныху.

Но не так-то просто было одолеть Башныху! Он начал теснить врагов. И стали они отходить к тому, другому морю, что на востоке. Вот уж и берег моря и вода у них за спиной. Куда же деваться? На чем же плыть, если плыть?

Оставалось одно: просить милости у Башныху. И враги сдались. Башныху потребовал от них клятвы в том, что прекратят они свои набеги на землю нартов.

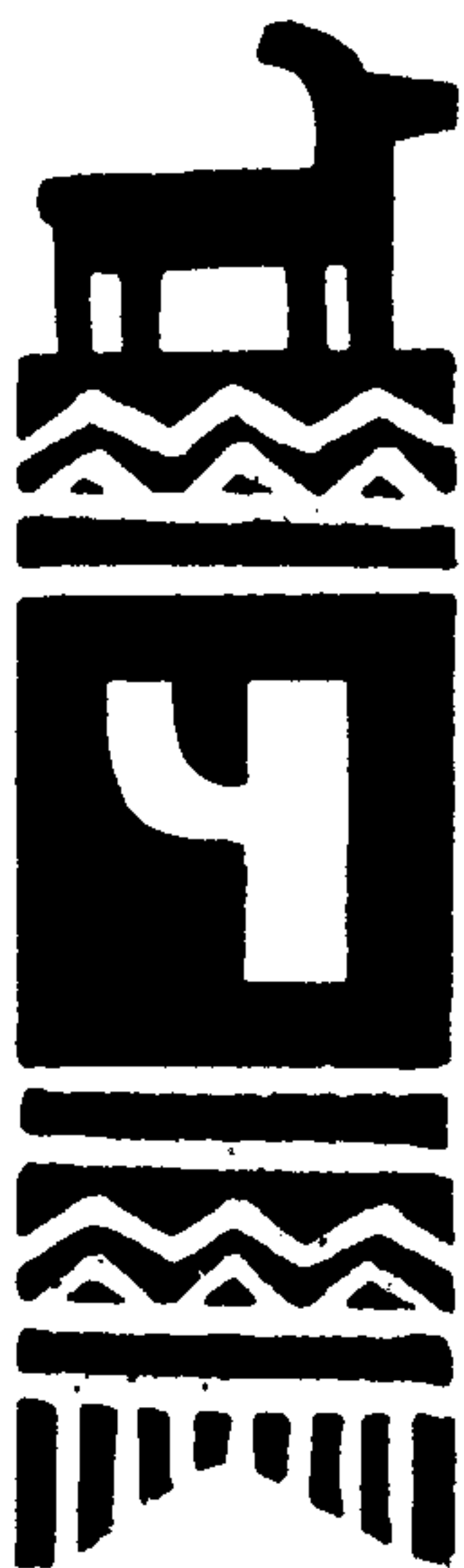
Что оставалось делать? Враги нартов дали эту клятву. А герой Башныху отодвинул границы нартских земель далеко на восток. Награбленное врагами богатство нагрузил на мулов и, как обычно, вернул его пострадавшим.

11

УДАЧЛИВЫЙ КУН

то значит удачливый? Если человек славен сам по себе и является хорошим охотником, то его можно назвать удачливым в делах. Следовательно, Куна вполне можно считать удачливым. К тому же он был и хорошим скотоводом, умело отыскивал богатые горные пастбища, своим прилежанием хранил стада от различных напастей.

У нартов имелись лошади, коровы и быки. Но более всего дорожили нарты овцами. И это понятно, ибо овцы давали и мясо и шерсть. Нарты очень нуждались в шерсти, из которой они ткали себе одежду. Шерсти не всем хватало в те времена. Из-за нее-то и случались грабежи, а порою схватки с грабителями перерастали в кровопролитные войны.

Куну были доверены нартские овцы. И летом и зимой паслись овцы на горных пастбищах. Если паслись они в горах и зимою, то подумайте сами и решите, какая это была зима? Вы угадали: разумеется, мягкая.

Однажды, когда закончилась стрижка овечьей шерсти, Кун собрал ее всю в один большой узел и пошел в сторону моря, к своей матери Сатаней-Гуаше. Ну, представьте себе, каким сильным был этот Кун, если без особого труда тащил на себе такую ношу! Шел он по тропам с песней, словно нес на спине легкий бурдюк.

Вот спустился он к зеленой поляне, все распевая песни и не подозревая, что злые великаны — адáу — устроили ему засаду. А зачем такая засада — догадается даже ребенок.

Дошел Кун до середины зеленой поляны, и вдруг со всех сторон посыпались на него стрелы.

Стоит он на открытом месте, а враги его — за крепкими стволами деревьев. Как тут быть? Неравны, слишком уж неравны силы!

Видит Кун — дело нешуточное. Сбрасывает с себя узел и, развязав его, садится внутрь. Теперь он окружен не только врагами, но и шерстью, а шерсть неплохая защита от вражьих стрел. Устроившись поудобнее, начал Кун отстреливаться.

Семь дней и семь ночей продолжалось это сражение. Стрелы у Куна давно кончились. Но сообразительный нарт и здесь нашел выход: Кун доставал из шерсти застрявшие в ней стрелы великанов и запускал их обратно. И вот на рассвете седьмого дня закончилось сражение. Ни одного великана не осталось в живых!

А в это время Сатаней-Гуаша, чуя недоброе, собрала своих сыновей и сказала им:

Б

— Брат ваш Кун на зеленой поляне. Ему грозит беда.

Нарты всегда были готовы к походам. Не раздумывая, сели они на своих огнеподобных коней и двинулись на выручку своему брату.

Что же увидели они на той самой поляне? Одни трупы адáу. А Кун жив и невредим, и шерсть овечья цела.

Конечно же Кун был удачлив, но не сам ли он своим умением добывал себе удачу?

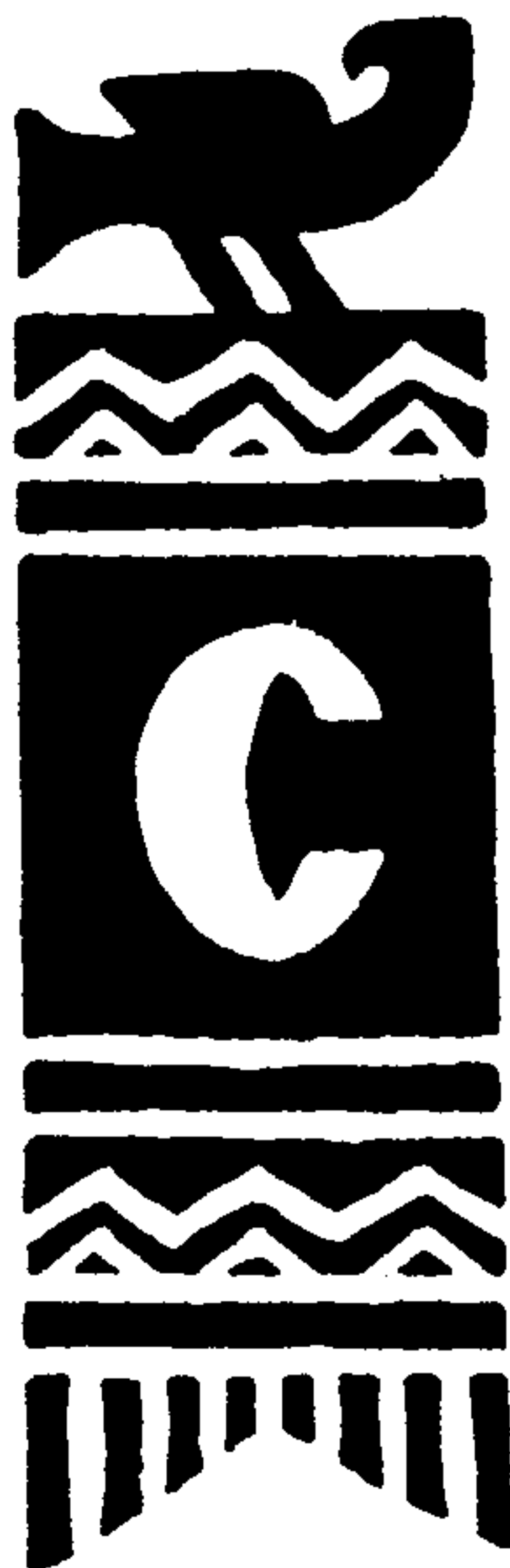
В честь героя-нарта та поляна и до сего дня зовется «Поляной Куна». И по праву зовется!

12

УАХСИТ — СЫН СИТА

ит считался среди нартов особенно храбрым. Был у него единственный сын, и звали его Уахсйт.

Однажды в яркий солнечный день погнал Уахсит табун своих лошадей в далекую землю. Это было у него в обычае. И отлучался он в такое время из дому на год, а то и на два. А далекая земля — это тот берег реки Кубины. Там была степь, а в степи — клевер по пояс.

Лучшей земли и не придумаешь. Здесь и решил обосноваться Уахсит: расстелил бурку, поел, отдохнул. И вот он подумал: «Где же люди?»

Посмотрел Уахсит вниз по реке — нет людей. Посмотрел вверх по реке — тоже никого. На всю степь один дом — и больше ничего. Дом — на краю степи!

«Эх, повидать бы хозяина этого дома», — подумал Уахсит.

И вдруг услышал чей-то голос:

— Абхазский дух! Абхазский дух! Откуда он взялся? Это орал хозяин того самого одинокого дома. И голос его гремел, точно гром.

Уахсит был не из робкого десятка. И тоже крикнул на всю степь:

— Кому это абхазский дух не нравится? А ну-ка, выходи, дай взгляну на тебя!

Хозяин дома взревел, как раненый медведь, и устремился к Уахситу. Это было рано утром. А дотащился он до нарта только к полудню — так велика была степь!

И богатырь без лишних слов схватился с нартом. Началась борьба. Загудела степь под ногами. Встревоженные кони, фыркая, понеслись вкруговую.

Вот солнце своим краешком уже касается края земли. А богатырь и нарт все на ногах и все борются.

Вот солнце село за степь, был виден только раскаленный его край. И тут не выдержал богатырь. Упал на колени, коснулся спиной земли. А нарт уже над ним. Замахивается шашкой.

— Сохрани мне душу! — молит богатырь. — И ежели не брезгуешь мной — будь мне братом.

Уахсит задумался. Ведь не было у него брата. Брат никогда не бывает лишним, а тем более — такой богатырь. И вложил нарт шашку в ножны.

Так помирились только что враждовавшие.

— Пойдем ко мне, — сказал богатырь. — Хочу побрататься с тобой на людях.

И он собрал своих и при всех объявил о своем намерении. Народ благословил названных братьев. Пять дней

и пять ночей продолжался пир. Уахсит остался жить у своего побратима. Только изредка наезжал домой.

Живя у названного брата, Уахсит заметил, что по утрам на востоке загорается таинственный огонь. Он сверкает, точно молния.

Что там сверкает?

Уахсит все чаще задумывался над этим. Ему хотелось узнать, что это за огонь. Но брат его отговаривал.

— У меня было семеро кровных братьев, — говорил названный брат. — Все они стремились к таинственному огню, сверкающему на востоке. И все они погибли.

Уахсит слушался его до поры до времени. Но однажды утром сказал:

— Сегодня пробил час: еду на восток!

Видит названный брат, что бесполезно отговаривать Уахсита. И обращается к нему с такими словами:

— Раз ты твердо решил — езжай! Но смотри не осрамись! Будь храбр. Очень храбр. По дороге ты увидишь великана, подвешенного на цепи к небу. Он хотел жениться на сестре бога охоты Ажвейпшаа. Ей не понравился жених, и когда тот начал докучать своими просьбами — бог охоты взял да и подвесил его за руки к самому небу. Так вот, этот великан начнет хвалить тебя в надежде, что ты освободишь его. Но ты не делай этого! В то самое мгновение, когда он коснется земли, ты умрешь. Затем он начнет поносить тебя. Но ты прикуси язык. Молчи! Ибо стоит тебе заговорить, как рассудок твой помутится.

Внимательно выслушал брата Уахсит, сел на коня и отправился на восток. Едет днем и едет ночью. Тяжело сидеть в седле дни и ночи. Но нарт сидит. Сидит, как прикованный. На то он и герой!

И вдруг в стороне от дороги — великан, подвешенный к небу. Завидя нарта, он начал хвалить его, превознося выше небес. Однако молчал Уахсит, едет себе — и все! Но тут он услышал такие слова, что и невозможно повторить при старших. С трудом удержался нарт, чтобы не ответить великану тем же.

Едет нарт, едет и все — на восток. И видит он семи-ярусный дом стоит — словно семь домов поставлены друг на друга. Окна и двери — из слюды. Огорожен дом слюдяной изгородью. И ворота из слюды. И свет внутри дома, свет яркий сам по себе, но во сто крат усиленный блеском слюды.

Уахсит подъехал к дому. И на седьмом ярусе увидел девушку. Она-то и излучала свет.

Стеганул Уахсит коня и вдребезги разнес ограду. Стеганул еще раз и очутился перед девушкой прямо как есть, на коне. Это и была единственная сестра бога охоты Ажвейпшаа и его шести братьев.

Красота ее, как говорится, была неземной. Много пришлось бы потратить слов, чтобы описать ее. Да и тогда, пожалуй, всего не опишешь. Достаточно сказать, что свет, который излучало ее белое лицо, соперничал с самим солнцем. Это ли не есть красота неопишемая?!

Увидела девушка Уахсита и вскрикнула:

— Кто ты такой? Откуда явился?

В следующее мгновение вскочила она со своего места и вступила с ним в единоборство. Была она очень ловка, но Уахсит оказался ловчее. Вот вырвалась девушка, схватила золотую плеть и давай стегать той плетью Уахсита. Она била его со злостью, а Уахсит улыбался. Что для него эта плеть?

И девушка наконец, опустив руки, сказала так:

— Я дала себе обет выйти замуж за того, кого не смогу побороть. За того, кто не скажет ни слова, пока я бью его этой золотой плетью. До сих пор испытаний этих никто не выдерживал. Ты — первый. И я — твоя. Я могу быть верной женой, если ты посчитаешь меня достойной себя. Но ты должен знать, что у меня семеро братьев. Они сейчас на охоте. Вот-вот они вернутся домой. Но если ты, как только въедут они во двор, одного из них не убьешь, другого не ранишь, а третьего не поколотишь как следует — они не признают тебя своим шурином, а меня не выдадут замуж за тебя.

Только умолкла девушка, как братья с шумом въехали во двор. Въехали с большой добычей и с песней в честь богатырского племени аиргь.

Уахсит живо спустился во двор. Одного из братьев поразил стрелою насмерть, другого тяжело ранил, а третьего повалил на землю и поколотил до потери сознания.

И только тогда убедились братья в том, что шурин у них настоящий. Тут бы и порадоваться этому, да не могут они: брат-то убитый лежит! Что делать? Плакать или радоваться? Вдруг откуда ни возьмись прилетел голубь, сел на грудь убитому идохнул ему в рот.

— Как я крепко спал! — удивился тот, кто лежал бездыханным. И встал.

Подлетел голубь к раненому, провел крылом по его ране, и рана зажила. Прикоснулся голубь и к избитому брату, тот вскочил, точно его и не колотили.

Вот теперь, когда исчезло горе, можно было и порадоваться и пир задать на славу. А как закончился пир, усадили братья свою сестру на золотую арбу, накинули ей на голову златотканый платок, нагрозили арбу золотом и

простились с шурином. Но перед тем как расстаться, братья сказали Уахситу:

— По пути повстречаешь ты великана, подвешенного за руки к небу. Приметив тебя, он начнет хвалить тебя, а затем попросит освободить его. Но ты езжай себе мимо. Вслед за льстивыми словами ты услышишь такое, чего не в силах вынести человек. И покажется тебе, что никакая вода не отмоеет тебя после этого. Но ты спокойно иди себе мимо. Помни: только терпеливого ждет удача.

И расстались братья с сестрой и шурином.

Вот едет Уахсит с женой, а лошадь его привязана позади арбы.

Едут они, едут и поравнялись с тем самым великаном, который к небу подвешен. И все случилось так, как говорили братья Ажвейпшаа.

Сначала великан осыпал Уахсита льстивыми словами и просил освободить его. Но сын нартов был глух к словам великана. Он погонял себе прирученных зубров, не поворачивая головы.

Но тут услышал он такое, что и камень треснул бы от злости. Нарт подумал, что жена обвинит его в трусости, если покорно снесет он оскорбления, которыми, словно градом, осыпал его великан. Уахсит спрыгнул с арбы, размахнулся шашкой, чтобы рассечь надвое великана, но шашка ударилась о цепь, высекла молнию, и рассыпались звенья.

От страха жена славного нарта лишилась чувств. Уахсит побежал к роднику за водой, но когда вернулся, не нашел ни жены, ни арбы, ни лошади. Они исчезли вместе с великаном.

Стоит Уахсит посреди дороги, словно лишенный разума. Что делать? Куда идти? Где искать жену?

От невыносимого горя упал храбрый Уахсит на землю, ибо не мог устоять на ногах. А затем пополз на четвереньках.

Ползет он, ползет и видит: два барана бьются смертным боем. Вдруг бараны успокоились и медленно, точно стесняясь Уахсита, пошли к скале, что возвышалась поодаль. «Они приведут меня к пастуху», — подумал Уахсит и, собрав силы, двинулся вслед за ними.

А бараны все быстрее идут.

Уахсит — за ними.

Бараны бегут.

Побежал и Уахсит.

Но возле оврага, поросшего вербой, след их пропал: точно испарились бараны.

Недоуменно огляделся сын нартов вокруг. Смотрит — сидит свинопас, а вокруг него — свиньи.

Поздоровавшись с пастухом, Уахсит поведал ему о своем горе.

— Я пошел вслед за баранами, — сказал он. — Но где же бараны и чьи эти свиньи?

Свинопас улыбнулся и сказал:

— Эти бараны не простые. Они помогают тем, кто попал в беду. Если бы не они, ты не разговаривал бы сейчас со мной и я не смог бы помочь тебе.

— Как?! — воскликнул Уахсит. — Разве ты можешь мне помочь?

— Могу, — отвечал свинопас. — Если ты хочешь увидеть великана, то должен изменить свой облик.

— Изменить облик?! Как же это сделать? — спросил Уахсит.

— Если подбросишь меня высоко-высоко, — сказал свинопас, — из меня посыплются все мои кости, а к ногам

твоим упадет моя кожа, точно живая. А что с нею делать — догадаешься сам.

— А как же ты? — спросил Уахсит.

— Обо мне не беспокойся, — ответил пастух, — я всегда делаю добро, попавшим в беду.

Уахсит подбросил пастуха высоко-высоко, и вскоре на землю, как из мешка, посыпались кости и к ногам нарта упала кожа свинопаса.

Уахсит принял обличье пастуха. А вечером погнал свиней к дому великана.

Нарта приняли за свинопаса, и никто не обратил на него внимания. Даже хозяйка не узнала его. Зато узнал ее нарт. Узнал, и ноги у него чуть было не подкосились! Это была его жена, сестра семерых братьев Ажвейпшаа!

В доме великана готовились к свадебному пиру. Медлить было нельзя, надо что-то предпринимать, но что? Думал-думал нарт и наконец придумал.

На рассвете подошел он к роднику, где хозяйкина служанка набирала воду в кувшин.

— Хозяйка умываться будет, — сказала служанка.

Нарт-свинопас незаметно бросил свое кольцо в кувшин и сделал вид, что пьет воду из родника.

Служанка отнесла воду молодой невесте.

Сестра семерых братьев Ажвейпшаа тщательно умылась. И с последними каплями воды упало в руки ей кольцо. Знакомое кольцо!

— Откуда оно? — спросила она служанку.

— Не знаю, — ответила служанка.

— Кто был у родника?

— Наш свинопас.

— А еще?

— Больше никого.

— Зови сюда свинопаса!

Предстал свинопас перед хозяйкой. Глядит на него сестра семерых братьев Ажвейпшаа. Внимательно глядит. И узнает своего мужа по глазам. И тихо говорит ему:

— Свадьбу постараюсь отложить, хотя великан и торопит. Я выпытаю, где у него душа. А там уж ты поймешь, что делать. Теперь же незаметно уходи.

Пасет свиней нарт. А жена его все откладывает свадьбу. И все спрашивает у великана, где его душа. Удивляется великан этой ее прихоти.

— Моя душа в небе.

— Не верю.

— Моя душа в море.

— Не верю.

— Когда же мы сыграем свадьбу?

— Когда скажешь, где твоя душа.

Дни идут, а сестра семерых братьев Ажвейпшаа попрежнему упрямится. Что оставалось делать великану? Он поддался.

— Моя душа,— сказал он,— недалеко. Вон на той горе, где живет зубр. Злой-презлой зубр. В брюхе у него серна. У серны в желудке заяц притаился. Быстроногий, шустрый заяц. В желудке у зайца — глиняный горшочек. В горшочке — три пичужки быстрокрылые. Одна из них — моя душа, а две другие — глаза мои... Ну, теперь ты довольна?

— Довольна,— отвечает жена Уахсита,— готовь пир.

А сама все передала своему мужу. Уахсит недолго думая пошел к той горе, где обитал злой-презлой зубр. Но трудно добыть душу великана. Мало убить зубра! Нельзя выпустить серну. Мало не выпустить серну, надо

еще и зайца схватить. И пичужек быстрокрылых, разумеется.

Поднялся Уахсит на высокую скалу, улучил мгновение и кинулся зубру на спину. Поломал ему хребет и достал из желудка серну. Разорвал серну на части и достал из нее зайца. А уж заяц не уйдет от нарта! И пичужки быстрокрылые не улетят от него!..

Вот и душа великана в руках славного Уахсита. Вроде бы невинные пичужки, но давить их надо, как можно скорее давить!

И великан, сотрясая окрестности ревом, испустил дух.

Уахсит заторопился к жене, сел на коня, посадил ее к себе на колени и быстрее молнии полетел к своему побратиму.

А побратим тем временем ждал Уахсита, ждал и, не дождавшись, устроил поминки по нему. Да, видно, поторопился. Заклубилась в степи пыль. Это нарт Уахсит спешил к своему побратиму. И полетела весть в далекую Апсны, к нарту Ситу, весть о том, что жив и невредим его славный сын.

И нет для отца вести приятнее этой.

13

ГУНДА ПРЕКРАСНАЯ

Уста братьев нартов была одна-единственная сестра. Звали ее Гунда, а за красоту несравненную прозвали Прекрасной. Говорили, что она похожа на богиню. Во всяком случае, в крови Гунды, несомненно, таилась божественная сила.

Нарты горячо любили сестру свою, воспитывали с большим тщанием, берегли и холили. Жила она в хрустальной башне. Ноги ее никогда не касались земли. Все, чего бы ни пожелала Гунда, подавалось ей прямо в руки, и без промедления.

Братья кормили сестру только костным мозгом дичи. Тело девушки было подобно свежему сыру — белым и нежным. Кожа отсвечивала точно зеркало. Не может описать Гунду язык человеческий. Молодые люди севера и

юга, прослышав о красоте сестры нартов, домогались руки Гунды, бились друг с другом и погибали.

— Излишняя красота очень вредна, — решила Гунда Прекрасная и перестала следить за собой, чтобы меньше отличаться от остальных женщин. Переоделась она в простое, залатанное платье, разлохматила свои золотые волосы.

— Что с тобою? — удивились братья. — Ты хочешь опозорить нас? Приведи же себя в порядок.

Гунда отвечала так:

— Пожалуй, лучше будет, если покажусь я людям неряхой. Боюсь, что красота моя доставит вам много неприятностей. Не хочу навлекать беду.

— Кто посмеет тронуть тебя?! — вскричали братья и стали просить ее снова стать прежней, Прекрасной Гундой.

Братья отправились на охоту, а пока они охотились на туров и оленей, Гунда нарядилась в лучшие одежды, причесалась и умылась молоком. И встретила братьев сияющая.

— Я исполнила вашу просьбу, — сказала Гунда братьям, — но смотрите, как бы вам не пришлось пожалеть об этом.

Не обратили нарты внимания на эти слова. А Гунда намекала на золовок, ненавидевших ее за красоту и всеобщее почитание. И когда однажды братья уехали на охоту, жены их наготовили разных кушаний. Зажарили молоденьких курочек и индюшек, цесарок и уток, мясо серны и медвежье мясо, отварили телячьи лопатки, а из свежего сыра и муки сварили айладж — тягучую мамалыгу, неопишимо вкусную. И тогда средняя из жен под-

AB

нялась в хрустальную башню и обратилась к Гунде с такими словами:

— Гунда Прекрасная, мы знаем — братья запрещают тебе ступать на землю. Но мы очень хотели бы пообедать с тобой. Если бы явилась ты к нам, то нам показалось бы, что мы владеем целым светом.

Гунда колебалась. Она боялась оставить хрустальную башню и тем самым нарушить запрет братьев. Но ей очень хотелось походить по земле. И она согласилась. Сошла Гунда с башни. Заняла место среди золовок.

Разбежались у Гунды глаза: что есть? С чего начинать? Она ведь ничего, кроме костного мозга дичи, не ела!

А самая старшая из золовок подносит Гунде кусочек айладжа и говорит медовым голоском:

— Золотая ты наша Гунда! Съешь этот кусочек из моих рук. Ну, доставь мне удовольствие и радость.

А сама подмигивает заговорщицам. И те подмигивают ей. И ждут, что будет, ибо в кусок айладжа старая ведьма положила свое кольцо.

Не подозревая худого, Гунда Прекрасная проглотила кусок айладжа, а вместе с ним и кольцо. И вдруг поперхнулась. Закашлялась. Посинела... Не успела даже крикнуть.

Бездыханную Гунду унесли золовки в лес и бросили в глубокую волчью яму. Казалось, погибла Гунда Прекрасная.

Но нет!

Скажите мне, остается ли в мире какое-либо преступление безнаказанным? Рано или поздно любая подлость раскрывается и правда торжествует. Так случилось и здесь.

Некий охотник по имени Алхуз бродил по лесу вместе со своими друзьями. Они-то и нашли Гунду и доставили в свое село.

Гунда не приходила в себя, и никакими стараниями Алхуз и его друзья не могли вернуть ей жизнь. Алхуз приподнял девушку за плечи и посмотрел в ее тусклые глаза. Он горестно вздохнул и уронил Гунду на подушки. И — о, чудо! — Гунда Прекрасная закашлялась, изо рта ее выпало золотое кольцо и покатилося по полу...

Что рассказывать дальше?

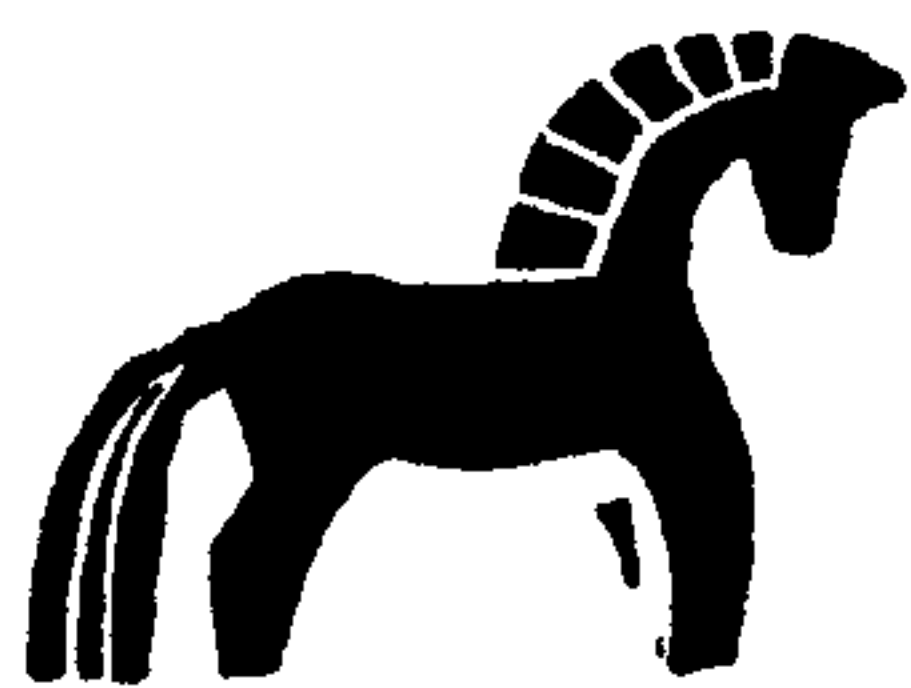
Гунда снова встретилась с братьями.

Ты спросишь, что сделали нарты со своими жестокими женами? Как ни пыталась Гунда скрыть от братьев происшедшее, они все-таки узнали всю правду.

Нельзя подымать на женщину руку, но выгнать негодную следует.

Так нарты и поступили.

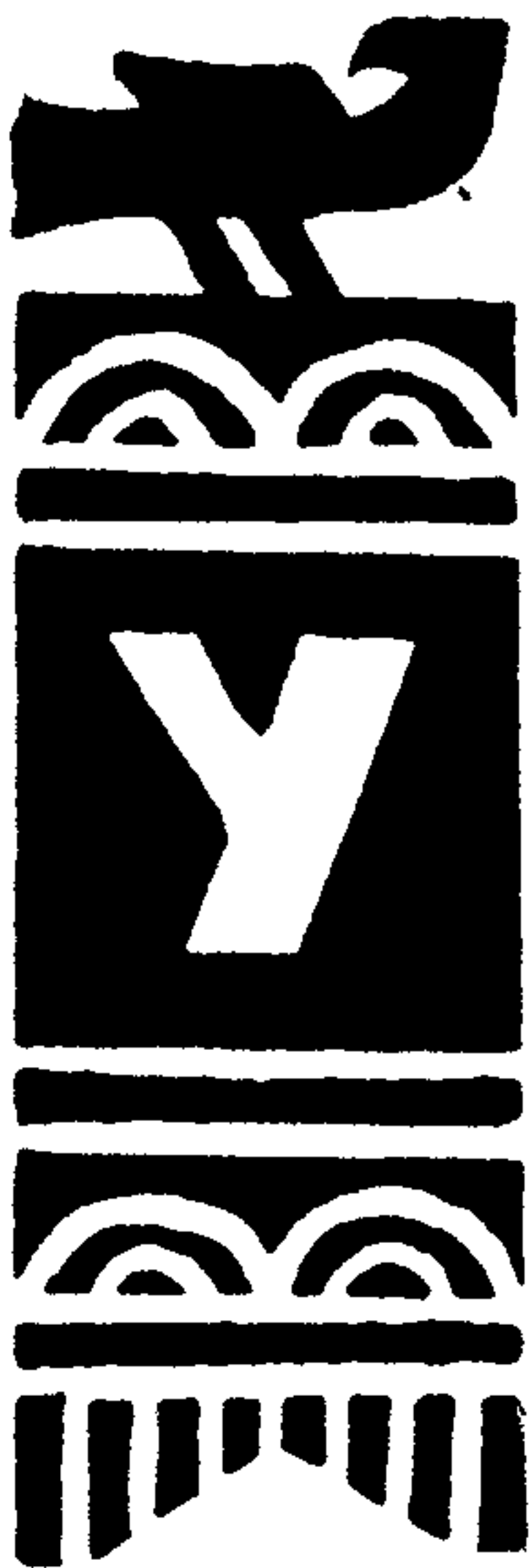
А Гунда Прекрасная не пожелала больше оставаться в хрустальной башне, и от этого не стала она менее прекрасной.

14

СЫН СОБАКИ И ПЛЕМЯННИК НАРТОВ

одного из нартвов родился сын. И в ту же ночь во дворе ощенилась сука. Но щенок не походил на обыкновенного, каких много вокруг нас. Он был очень красив и к утру превратился в мальчика. Стало быть, увеличилась нартская семья сразу на два человека.

Мальчиков нартвы воспитывали вместе. Не делали различия меж ними. Дети любили друг друга, росли и вскоре превратились в юношей.

Юноша нарт мужал, и настало время — по нартским обычаям так полагалось — совершить подвиг, добыть себе славу в трудном походе.

Куда бы ни двинулся юноша нарт, его верным спутником был тот, другой, Сын собаки.

Вместе ходили они в походы, вместе ели и пили, одной жизнью жили.

Вот ехали они однажды, ехали и очутились возле большого дома. И двор большой вокруг большого дома. Во дворе — никого. И в доме тихо.

«Не может быть, чтобы в таком большом хозяйстве никого не было», — подумал юноша нарт и громко крикнул:

— Хозяин!

Никто не отозвался. Еще раз крикнул нарт. В ответ — тишина.

Друзья спешили и вошли в дом. Мало сказать — дом! Богатый, роскошно убранный дом — стены в коврах, и на полу ковры. А посредине гостиной — стол, который ломился от кушаний и напитков. Но и здесь тоже ни души.

Сели юноши и, как положено мужчинам, плотно поели, выпили, насытились всем, что было. Юноша нарт уснул на крыльце, а Сын собаки сел возле него.

И в это самое время прилетели некие существа и уселись они на краю кровли, чтобы определить судьбу юноши нарта. И так сказал один из небесных духов:

— Да будет уготована этому юноше такая судьба: пусть полюбит он девушку, живущую в далеких землях, пусть женится он на ней и пусть сгорит, возвращаясь домой со своей невестой. Если он избегнет огня — пусть настигнет его в пути невиданный зной и пусть юноша утонет в воде, как только захочет утолить жажду. Если и это минует его — пусть сожрет его чудовище в первую же брачную ночь. Но если тот, кто слышит нас, слышит и передаст сказанное мною юноше нарту — пусть окаменеет он и превратится в каменный столб навечно.

Небесные духи сошлись на этом без спора и улетели прочь.

А Сын собаки все слышал. Он запомнил эти слова.

И сердце его наполнилось тревогой. И стало сбываться предопределение небесных духов.

В далекой земле юноша нарт действительно увидел красивую девушку. Увидел и полюбил ее. Она стала его невестой, и юноша нарт повез ее к себе домой.

Как и предсказали небесные духи, однажды ночью загорелся лес, окружавший хижину, в которой ночевали друзья. Пламя подступало к жилищу, грозило уничтожить его. Но тут проснулся Сын собаки. Он разбудил друзей. Отыскал проход в огненной стене и спас их от неминуемой беды. А обгоревшие волосы, обгоревшие брови и одежда — разве это идет в счет?

И с великими трудностями вышли они в степь — в жаркую и сухую степь. А когда поднялось солнце — стало жарко, как в огне, как в пламени очага, как на сковороде, на которой пекут чурек.

И друзей начала томить смертельная жажда. Такая жажда, от которой сгорают сердце и печень, от которой собачьи языки высыхают, словно плети.

Едут, едут, едут...

Едут они по необозримой степи, и уже захотелось им воды так сильно, что и рассказать невозможно. Короче говоря, умирают они от жажды, а реки нигде не видно.

Так проехали они еще двое суток. И тут им почудилось, что впереди река течет. И в самом деле, вскоре показались крутые берега и на дне глубокого оврага — полноводная река. Она шумит и голубеет.

При виде нее невеста лишилась чувств. Юноша нарт поскакал к крутому берегу, чтобы поскорее зачерпнуть воды. Но тут его опередил Сын собаки. Вот он уже скачет с полным шлемом. Он поит друзей и пьет сам...

И снова сбылось предопределение небесных духов, и снова отвратил беду славный Сын собаки.

После долгого пути друзья достигли Нарткыта¹. Въехали в село. Как обрадовались нарты их возвращению! Радость разлилась широкой рекой, когда узнали они, что красивая девушка — их невестка.

Что бывает в таких случаях? Конечно пир, большой славный пир! Так было и на этот раз. Нарты вскрыли огромный кувшин вина Вадзамакят — и целому селу не выпить его за неделю. Ровно семь дней гремел свадебный пир.

И только после этого юношу нарта и его невесту ввели в дом для новобрачных. Ловкий Сын собаки проник в тот дом и спрятался под нарами.

Наступила полночь. Прошла полночь. И в это самое время, когда прошла полночь, из-под земли выползло чудовище. Извиваясь, оно подползло к новобрачным, спавшим крепким сном. Миг — и не станет юноши нарта!

Муж и жена спали, но не спал Сын собаки. Выхватив шашку, отрубил он голову чудовищу. И оно с ревом испустило дух. От шума проснулся юноша нарт. Даже спросонок догадался он о том, что здесь произошло.

— Как ты узнал о грозящей беде? — спросил юноша нарт своего друга.

А Сын собаки молчал. Упорно молчал. И чем больше молчал он, тем больше приставал к нему его друг.

— Нельзя мне говорить, — сказал Сын собаки.

А друг просит рассказать. Очень просит.

— Не могу, — говорит Сын собаки.

А друг умоляет.

¹ Н а р т к ы т — дословно: деревня нартов.

Что же делать? Ведь друг же просит, а не кто-нибудь!
И не выдержал — рассказал. И тут же окаменел Сын собаки. Сбылось предсказание небесных духов.

Что оставалось делать юноше нарту? Лишить себя жизни? И он сделал бы это. Но жена сказала ему:

— Не торопись. Собери своих. Посоветуйся.

Хороший ведь совет, и вовремя подан! Послушался юноша нарт, собрал своих, стал посредине и рассказал все, как было. И он просил помощи, чтобы вернуть душу каменной глыбе. А иначе-де лишит себя жизни.

Один сказал одно, другой — другое. Поговорить поговорили, но так и не решили, как быть дальше.

Время шло, юноша нарт каких только советов не слышался, но камень по-прежнему оставался камнем. И сын уже родился у нарта.

И тогда к нартам прибыл мудрец из далекой земли. Он сказал:

— Сын мой, теперь-то можно помочь твоему горю. Но от горя тебе не убежать — будет оно еще горше.

— За друга я готов в огонь и в воду, — сказал молодой нарт. — Скажи, что делать мне, иначе лишу себя жизни.

И тогда мудрец сказал:

— В этот камень, который некогда был тебе другом и трижды спас тебя от смерти, можно вдохнуть жизнь. Но для этого ты сваришь своего ребенка в молоке и затем опрокинешь котел на каменную глыбу. Если я лгу — можешь сварить меня самого в крутом кипятке.

Не колеблясь, молодой нарт поступил так, как научил его мудрец. И опрокинул котел на каменную глыбу.

И ожил камень. И упал на руки Сыну собаки смеющийся ребенок, только что сваренный в молоке.

— Как крепко я спал,— сказал Сын собаки своему другу.— Поздравляю тебя с рождением сына.

Что делали нарты, когда приваливало такое счастье? Они пировали. Так поступили они и на сей раз. Мудреца одарили чем могли и с благодарностью простились с ним.

А племянник нартов и Сын собаки еще больше сдружились. Так не дружить даже тем, кто рожден от одной матери.

15

НЕОБЫЧАЙНОЕ ПРЕВРАЩЕНИЕ

ил у нартов старик. Оружие чистил им. Когда он брал в руки шашку или лук, то вспоминал свою молодость. И вздыхал. Так он любил оружие!

Этот старик, убеленный сединой, вздыхал всякий раз, когда нарты отправлялись добывать себе новую славу. Вздохи эти слышала его старшая дочь — старшая из трех.

И вот, проводив однажды нартов за ворота, старик присел на крыльцо и по привычке глубоко вздохнул.

— Отец, — сказала старшая дочь, — я слышала уже не раз, как ты вздыхаешь. Поведай мне: что печалит тебя? О чем ты грустишь?

Старик ответил ей:

— Ты — девушка и горю моему не сумеешь помочь.

И снова вздохнул старик и задумался, поглаживая седую длинную бороду.

— И все-таки, скажи,— просила старшая дочь.— Каких чудес не бывает на свете! Может, я сумею извлечь эту занозу из твоего сердца.

Настойчиво упрашивала отца старшая дочь, и он, вздохнув, сказал:

— Было время, когда и я бился вместе с нартами. А теперь? Теперь я уж стар. И тоска берет меня. Вижу нартов верхом на огнеподобных конях. Оттого и вздыхаю. Но если бы мужчиной ты родилась — большего счастья я бы не желал!

И снова печально вздохнул старик.

Подумала старшая дочь, подумала и сказала:

— Тебе нужен сын, ибо ты любишь сильных. Прошу тебя: дай мне твое оружие, дай твою одежду и посади на твоего коня. Хочу испытать свою силу. Может, и заменю тебе сына. Если любишь меня — не отказывай.

Старик ответил не сразу.

— Хорошо, будь по-твоему,— подумав, сказал он.— Бывают же мужественными и женщины. Пусть суждено тебе быть мужественной!

Все это слышали младшие сестры.

И вот снарядил старик свою дочь, как она просила, и, не мешкая, отправил ее в путь-дорогу.

Не успела она за ворота выехать, а он по короткой тропе опередил ее и спрятался за скалой. И только поравнялась с ним, старик выскочил на дорогу с шашкой наголо.

Перепугалась девушка, повернула коня назад и — бежать, точно заяц.

«Да, не очень-то храбрая», — сказал про себя старик.

И по той же самой короткой тропе возвратился домой и встретил дочь у ворот.

Она была очень бледна, ударь ножом — кровь не покажется.

— Что случилось, дочь моя? — спросил старик.

Дочь сняла с себя мужскую одежду, молча положила оружие.

— Ничего у меня не вышло, — проговорила она.

— Ну что ж, — сказала средняя дочь, — теперь я испробую свою силу.

Она быстро переоделась, взяла оружие, вскочила на коня. Однако и с нею все произошло так, как со старшей. Средняя вернулась домой, как и старшая, — грустная, бледная, ни кровинки в лице.

Решила попытать счастья младшая дочь. Ведь пример старших всегда заразителен. И отправилась, стало быть, в путь-дорогу младшая из сестер, а отец ее — опять тут как тут — в засаде сидит.

Выхватил старик шашку и ну с криком наступать на нее. Но не тут-то было! Размахнулась дочь шашкой, чтобы разрубить врага на части. Едва успел отец отпрянуть в сторону. Снова размахнулась дочь шашкой, и тут уж старик не выдержал, взмолился:

— Не убивай, дочка, я — твой отец!

Взглянула девушка: и верно — отец.

— Я хотел напугать тебя, — объяснил старик. — Я доволен тобой.

Он вернулся к себе, а дочь поехала дальше и вскоре нагнала нартов.

— Желаю удачи вам, нарты! — крикнула она. — Не нужен ли вам спутник, который поддержит ваши стремени и напоит вас водою, когда потребуетя?

— Будь нашим спутником,— сказали нарты.

И дальше поехали все вместе.

Девушка, переодетая мужчиной, поддерживала стремена нартам, когда это было нужно, и как младшая поила их водою, когда это было нужно.

Много трудностей преодолели нарты в походе. Нартам все это было под силу. А дочь старика оказалась верным товарищем.

И вот, возвращаясь из похода, уже по пути домой, проезжали они мимо большого двора. И видят на частокле, которым огорожен двор, торчат человечесьи головы. Во дворе растет одинокая яблоня. Младшая дочь старика подивилась увиденному. И нарты сказали так:

— Этот двор принадлежит злой старухе. Она никому не дает яблок. А если кто решится перепрыгнуть через частокол и сорвать яблоко, тому старуха кричит: «Стань тем, кем ты не был». И эти слова убивают. Человек падает замертво, не успев выбежать со двора. И эти черепа принадлежали тем, кого убила старуха своим словом.

— Ну что ж, попробуем,— проговорила младшая дочь старика и бросила палку в яблоню. Дождем осыпались яблоки на землю. В одно мгновение перескочила младшая дочь старика через ограду и, набрав яблок в полу черкески, молнией выскочила со двора. Злая старуха была ошеломлена такой прытью. Но все же крикнула:

— Стань тем, кем ты не был!

Но поздно! Слова старухи уже потеряли свою полную силу — младшая дочь старика была уже по ту сторону частокола. Она осталась в живых, но сделалась тем, кем она не была — мужчиной. Ибо такой храбростью, которой подивились даже нарты, наделен только мужчина.

Итак, дочь старика превратилась в мужчину, в сына старика. Новоявленный мужчина роздал яблоки нартам, и те увидели и поняли, что мужчина этот — храбрец.

Когда нарты, следуя дальше своим путем, устроили привал, сын старика рассказал некоторым из них о том, кем раньше был и каким образом превратился в настоящего мужчину.

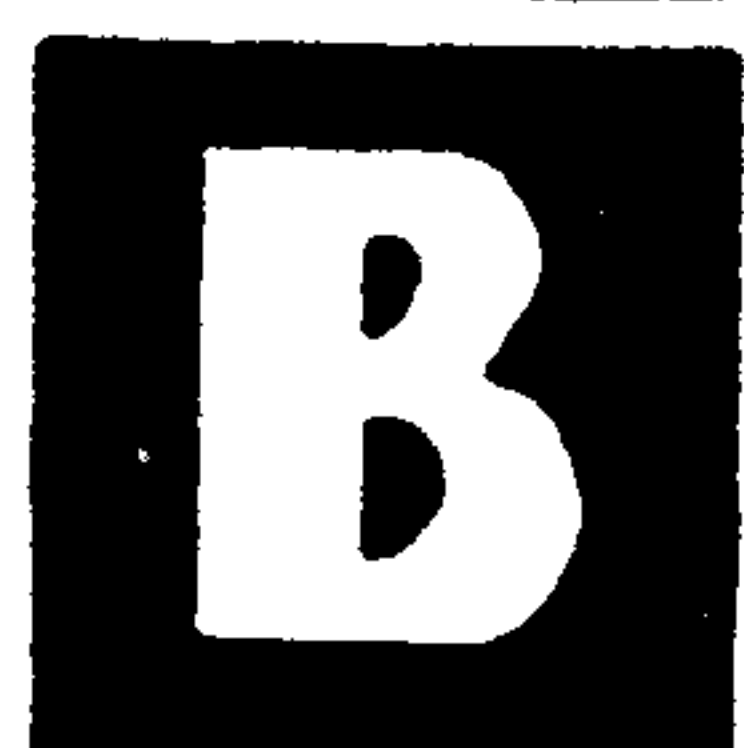
Его рассказ вскоре стал достоянием всех нартов. Они дивились, не верили, но, поверив, устроили пир и поздравили, от души поздравили старика.

С той поры нарты не ходили в поход без своего нового товарища, как не ходили они прежде без старика.

ПОБЕЖДЕННЫЕ ЖЕНЩИНАМИ

от удивительный случай, который надолго запомнила вся АПСНЫ.

Богатырское племя аиргь считалось равным нартам по славе и героизму. В племени аиргь были два брата: старшего звали Рад, младшего — Раш. А отца их звали Римца, мать — Рарира. Хания была сестрою Рада и Раша.

Рад был сильным, храбрым мужчиной, ни в чем не уступавшим нартам. Дикому буйволу уподоблялся он, завидев перед собою врага. Стрелы его не знали промаха.

Аиргь и нарты, уходя добывать славу, иногда брали с собою своих сестер. Но в бою женщины участвовали лишь в крайних случаях. Когда не угрожала опасность,

сестер оставляли там, где готовилась пища для братьев. Сестер оставляли, а братья шли вперед — сражаться.

Однажды нарты и аиргь двинулись в горы. А Гунда и Хания находились у походных очагов.

Ханию хотел взять в жены некто Хуаша Бырзык. Однако Хания отказывалась выйти за него замуж, ибо не любила его. Братья Хании сказали Бырзыку, что не отдадут за него сестру, потому что этого не желает сама Хания. Хуаша смертельно обиделся и начал враждовать с племенем аиргь.

Что оставалось делать Хуаше? Разумеется, похитить Ханию. У него был конь по кличке Зар. Казалось бы, конь, но он все понимал, как человек! Он был верным другом и помощником в бою. Нетрудно похитить кого угодно, имея такого коня, как Зар.

Пронюхал Хуаша, что сестры остались одни у походных очагов. Удобнее случая и не придумаешь! Собрал Бырзык своих друзей и вместе с ними заявился незванным гостем. Спрыгнул он с коня и сказал Хании так:

— Собирайся! Я погоню тебя перед своим конем.

— Ты не знаешь нас, — ответила Хания. — Род мой неукротим! Видишь эту палку? Она очень опасна.

Хания носила с собой кизилковую палку. Ни у кого до нее не было в Апсны такой палки. Их стали носить потом, после Хании.

— Я не желаю слушать твою болтовню! — вскричал Хуаша. — Нас много, и вы покоритесь! Впрочем, мой конь и один справится с тобой, он донесет тебя в зубах.

Гунда сказала:

— Наш род не знает поражения, и мы никогда не станем пленницами! Давайте сражаться!

Друзья Хуаша приготовились к бою.

Хания сказала:

— Покончим с нашим спором. Один на один хочу я сразиться с Хуашем. Если победит он — что ж, я ваша. Если победа будет моя — убирайтесь восвояси.

— Хорошо! — воскликнул Бырзык. — Мы пришли сюда, чтобы сражаться, и мы будем сражаться!

Гунда сказала Хании:

— Я буду колотить их своими пятками. Едва ли они устоят против моих пяток.

— А за этого примется палка, — сказала Хания.

И тут же набросилась Хания на Хуашу. Палка ее сверкала на солнце, точно молния. Удары сыпались на Хуашу, будто град. А Гунда билась с врагами, точно кобылица против стаи волков. Силу ее ног испытали они в полной мере.

Видит конь Зар — дело плохо, и ну бить копытами, брызгать слюной и грозно мотать хвостом! Но его быстро укротили Гунда и Хания — стреножили и огрели хлыстом.

Победив своих врагов, женщины свободно вздохнули и на досуге сложили песню о стреноженном Заре. А на свирели играл нарт Кятаван, посланный сюда нартами и аиргь. Эту песню поют в Апсны и по сей день. Называется она «Азар». Поют ее только на скачках.

К «Азару» обычно добавляется задравный тост нартов и аиргь. Вот он:

О юноши, что после нас родились в добрый час,
Пусть носит на себе земля, с весельем носит вас,
И лишь тогда пусть примет вас, когда, другим вослед,
Вы проживете на земле по сто хороших лет!
Пусть то, что для народа зло, разрушите, как зло,

Пускай охоты божества даруют вам тепло!
Да будет непреложно то, что скажет ваш язык,
Как непреложны жизнь, и смерть, и то, что мир возник!
Пускай размножится ваш род из рода в новый род,
Пусть от потомства будет вам и слава и почет!
Да будут радостны и те, кто вам придет вослед,
Кто, продолжая вашу жизнь, появится на свет!

Таков сказ о Гунде и Хании и побежденных ими мужчинах.

ПОДВИГ КУНА

ахотелось однажды нарту Куну поохотиться. Он оставил на попечении своих друзей отару овец, а сам ушел в горы.

Проведали об этом враги, давно зарившиеся на куновских овец. Верно говорят: враг не дремлет! Так случилось и здесь. Напали враги на пастухов, отбили у них скот и вместе со скотом погнали их за перевал. Казалось бы, злодеяние совершено, и — концы в воду!

Один из пастухов, накануне разыскивавший часть куновских овец, отставших от стада, избежал плена. Он ушел в горы и наконец нашел отару в пятьсот овец. Было поздно, и он заночевал здесь же. Покой его охраняли волки, ибо нарты вместо собак держали прирученных волков. Поэтому не боялись нарты зверей. Этот пастух позд-

но явился на стойбище и нашел его пустым: одна зола, правда, еще теплая.

Пока он горько оплакивал судьбу своих друзей, к нему явился знакомый охотник, увешанный дичью. Он сказал, что Кун находится на вершине горы Ерцаху и что просит Кун прислать человека с десятью мулами, дабы увезти охотничью добычу.

Пастух поблагодарил охотника за сообщение и направился к соседнему стойбищу. Там он оставил своих овец и с десятью мулами поторопился к вершине горы Ерцаху, где охотился герой Кун.

Много дичи истребил Кун, чей глаз был остер, как шило. Но радость его была омрачена дурной вестью.

— Вот что, — сказал он пастуху, пригнавшему десять мулов, — отвези домой всю добычу, а я потороплюсь, чтобы перерезать путь моим врагам.

И Кун пустился в дорогу. Он шел напрямик. Не жалея сил, поднимался на скалы, не щадя себя, опускался в глубокие овраги. Кун шагал по горам смело и уверенно, словно там пролегала дорога, прямая, как вытянутая рука.

Он приблизился к вершине Пхяу и у Пхяу устроил засаду, ибо знал, что враг не минует этой вершины.

Уже вечерело, когда Кун заметил на юге вражий стан. Там горели костры, от котлов подымался пар. Кун достал из дорожного мешка пищу, поел, попил и улегся спать.

Всего ожидали враги и ко всему были готовы. Но чтобы Куна встретить на своем пути? Чтобы зашел он им в тыл с севера? Никогда!

И вот с рассветом просыпается вражий стан. Счастливый Бык — предводитель отряда — становится впереди, берет в руки горный посох — алабаша. За плечами у него лук и колчан со стрелами. Он идет прямо к вершине

Ихяу, а за ним весь отряд со скотом и пленными. Идет Счастливый Бык с победой, подымается в гору, как на стену, а за спиной у него — пропасть. Такая пропасть, если свалишься в нее, то будь у тебя вместо одной души сто — погибнут все, погибнут все сто!

— Не уйдете! — крикнул нарт Кун.

Счастливый Бык поразился.

— Эй, что там за храбрец не пропускает нас? — спросил он.

— Это ты еще узнаешь! А сейчас — бросай оружие! Да поживее!

— Почему ты решил избрать себе могилой эту вершину Ихяу? — крикнул Счастливый Бык.

Кун ответил:

— А это ты поймешь, когда посмотришь на макушку своей шапки.

С этими словами он пустил стрелу, и она пробила шапку Счастливого Быка. И полетела шапка в пропасть.

Кун продолжал:

— Быть может, ты не веришь своим глазам? Тогда погляди на свой лук!

И второй стрелой перебил лук надвое.

И снова он крикнул:

— Эй, проклятые! Разве по плечу вам такое дело, разве сможете вы угнать скот, доверенный нарту Куну? Это я, нарт Кун! Эй вы, которые пленены, смело кидайтесь на врагов!

Кун бросился вперед. Воспрянули духом его товарищи. И вместе с Куном вступили в борьбу со своими врагами. Ошеломленные враги сдались, сложили оружие, ибо что оставалось им делать?

По обычаю тех времен, победивший спрашивал побежденного:

— Отпустить ли тебя?

И побежденный, если он считал себя побежденным, отвечал:

— Делай со мной что угодно. Я сдаюсь!

Если же побежденный надеялся смыть позор, то он говорил:

— Как видишь, победил ты, но, может, тебе еще повстречается тот, кто заставит тебя признать себя побежденным.

И Кун поступил по этому обычаю, он сказал:

— Отпустить ли вас?

Счастливый Бык, который теперь уже выглядел несчастным, сказал:

— Разрешите мне посоветоваться с друзьями.

И нарт Кун отошел от него, чтобы не слышать, о чем пойдет у них разговор.

— Как быть? — спросил предводитель своих соратников.

Ему сказали так:

— Считай, что мы опозорены на всю жизнь. С какими глазами вернемся мы домой? Нет, мы не согласны сдаваться.

Предводитель воскликнул:

— Вы лишились разума! Он истребит нас! Даже если мы, сверх всякого ожидания, одолеем его — подумайте о нарте Сасрыкве. Он все равно уничтожит весь наш род! Как видно, пришла наша смерть. Разве не знаете вы, что говорит народ в таких случаях? Вот что он говорит: «Когда крестьянину приходит конец — он берет палку и исчезает!» То же самое происходит с нами: мы подняли

оружие и явились сюда. Нет, надо сдаваться! Мы должны сказать: поступай с нами так, как велит тебе твоя совесть.

В конце концов с предводителем согласилось большинство. После этого к Куну подошел Счастливый Бык и сказал ему:

— Великий брат великих нартов! Не сегодня мы умерли, нет. Умерли мы в тот день, когда решили похитить твой скот. Наша жизнь в твоих руках, и поступай с нами как тебе угодно. Если помилуешь нас и в живых оставишь, то клянемся, что род наш беспокоить тебя не будет. Верно сказано, что не в меру ретивое сердце готово косить траву даже на море. Сердце обмануло нас, и мы раскаиваемся в содеянном.

Кун ответил так:

— Я не виню вас. Вы — мужчины и пришли сюда добывать славу. Люди вы решительные. И только решительный человек может совершить мужественный поступок. Попробуйте еще раз счастье в этих горах. Но предупреждаю: часто того, кто славу добывать едет, привозят навьюченным на осле. Берегитесь, чтобы и с вами не случилось того же. Я отпущу вас на свободу, но с одним условием: пригоните овец на то место, откуда вы угнали их. У меня своя дорога, однако я буду на стоянке к вашему приходу.

Потом он отозвал в сторону своих друзей, вернул им их оружие и сказал:

— Скот погонят похитители. Не думаю, что они нарушат свое слово. На всякий случай будьте наготове.

И нарт Кун пошел к вершине Пхяу быстро, точно серна.

Похитители овец с удивлением смотрели вслед быстроногой серне. А когда Кун скрылся в расщелинах скал, погнало овец обратно, на стойбище.

И вот через три дня встретились вечером нарт Кун и похитители овец в условленном месте. Кун притащил дичь и угостил своих гостей. А чтобы они почувствовали себя по-настоящему гостями — на следующий день разослал людей и пригласил к себе своих братьев, пасших скот в горах. Он познакомил братьев с гостями. Недавние похитители сгорали от стыда, видя, как обращаются с ними. В свою очередь, они пригласили к себе в гости нарта Куна и обещали принять его, как брата. Кун назначил срок, в который он придет в гости к своим врагам.

На этом расстались Кун и его недавние враги.

Кун сдержал свое слово: с несколькими братьями и шутником Гутсакьей он поехал в гости к похитителям овец.

Те тоже сдержали слово: приняли Куна и его братьев по-братски. Целую неделю ели и пили. Пир задали на славу.

Нарт Гутсакья, состязаясь с острословами, взял первенство. Вот его песня, которую он оставил своим хозяевам:

Эй, все вы — отважны и каждый — храбрец!
Угнать вы задумали нартских овец.

В отсутствие нартов, придя спозаранку,
Ограбить решили вы нашу стоянку.

Но Кун прискакал до рассветной поры,
Настиг удалцов на вершине горы.

Тогда вы узнали, что грабить не надо,
Назад возвратили вы нартское стадо:

Узнали, что дружба прочнее всего
И сильных набегов сильнее родство!

Вы дружбе, родству положили начало,
И слава отважных теперь заблистала.

Прошла неделя, и собрались нарты в обратный путь. Старейший из хозяев обратился к ним с такой речью:

— Великий Кун, великие нарты! С этого дня считайте нас своими братьями. Спасибо, что пришли к нам в гости, не побрезгали. Мы хотим преподнести вам такой дар, который могут оценить только те, кто любит животных.

С этими словами он преподнес нартам семь пар прирученных зубров: семь самок и семь самцов.

Нарты вернулись в родную Апсны, довольные приемом на чужбине.

А зубры расплодились. От них-то и происходят наши буйволы. Разве сравнится какое-либо животное с прекраснейшим из животных — буйволом?

18

СВАТОВСТВО НЕСЧАСТНОГО АЛХУЗА

герой из рода алхуз, спасший Гунду Прекрасную, был славен мужеством и знатен именем. Сердце его было подобно кремнистой скале, оно не знало усталости и страха в бою.

Как-то раз молодой Алхуз, охотясь в горах, забрел далеко. Убитых оленей и серн Алхуз оставлял в глубоких прохладных пещерах, чтобы не портились. А на обратном пути забирал свою добычу.

Вот шел он, шел и очутился в большой деревне, перед большим домом. Семь ярусов в этом доме — запрокинешь голову и с трудом увидишь кровлю, упирающуюся в самые небеса. Не знал Алхуз-герой, что это жилище нартов, что нарты на охоте, что дома осталась Гунда — сестра нартов, что, увидев его из окна, она тотчас узнала

своего спасителя. Однако Гунда была одна, без братьев, и ей не подобало принимать гостя.

Она велела передать Алхузу следующее:

— Я одна, и нет дома моих братьев. Не надо заходить в дом. Лучше возвращайся назад, чтобы избежать неприятностей.

Услышал эти слова Алхуз и воскликнул:

— Никуда я не двинусь! Я знаю нартов. Поговорю с ними — может, все обойдется, а если нет, то пускай я умру, вместе со мной умрут и нарты.

Таков был герой Алхуз.

Он прошел в дом, поднялся к Гунде и сел рядом с нею.

— Не следовало тебе поступать так опрометчиво, — сказала обеспокоенная Гунда. — Приедут братья, увидят нас вместе — что они скажут?

Но все напрасно. Алхуз решил дожидаться нартов, ибо образ Гунды Прекрасной давно жил в его сердце. Он твердо решил посвататься, если даже при этом ему придется рисковать своей жизнью. Вот как!

Вскоре показались нарты. Они столпились во дворе и удивленно смотрели на Алхуза, показавшегося в окне их дома.

— Кто ты? — спросили нарты. — Кто ты, осмелившийся явиться к нам в наше отсутствие?

— Это я, — отозвался Алхуз.

— Что тебе надо?

— Я хочу породниться с вами.

— Ну что ж, — сказали нарты, недовольные его дерзким ответом. — Стреляй, а там видно будет.

Алхуз ответил:

— Так не полагается! Вы — хозяева, стреляйте первыми.

Ответ этот озадачил нартов. «Он благороден», — подумали они.

Чтобы уберечь свою сестру, братья предложили незнакомцу перейти на другое место. И вот Алхуз появился в соседнем окне — теперь стрелы угрожали только ему.

Вышел вперед старший нарт и пустил стрелу. Нарты были виноваты перед Алхузом-гостем, и стрелы, словно понимая это, пролетали мимо цели. Алхуз остался цел и невредим.

— А теперь, — сказал Алхуз, — посмотрите на пояс своего старшего брата.

Полетела стрела, мгновение — и пояс нарта Сита разрезало, точно ножом.

— Дошла ли стрела? — спросил Алхуз.

— Дошла, — ответили нарты, — но мы не из пугливых.

И полетела ответная стрела от нартов. Навстречу ей понеслась стрела Алхуза. Замелькали стрелы, будто стрижи весною. Алхуз стоит в окне цел-невредим, а у нартов разрезаны острыми наконечниками стрел пояса из бычьей кожи.

Наконец нарты рассудили так:

— Давайте поговорим с этим героем. Если понравится нам — отдадим за него сестру.

И кого же они увидели в комнате своей сестры? Того самого молодца Алхуза, спасшего Гунду!

— Да, — сказали нарты, — как видно, человек ты стоящий. Давай породнимся, но прежде поглядим на твое житье-бытье.

— Добро пожаловать! — сказал Алхуз.

Он распрощался с нартами, ушел к себе домой и стал готовиться к встрече дорогих гостей. Прежде всего следовало подумать о подарках для будущих родственников.

Чем же их одарить? Долго думал Алхуз и решил каждому из братьев подарить живую дичь — серну или козла, зубра или оленя, кабана или куниц на мех. Ушел Алхуз в горы, долго ходил по тайным логовищам и добыл подарки для девяноста девяти братьев. И только для сотого не успел. Времени не достало.

Что делать?

Между тем нарты въехали во двор Алхуза, где их ожидало обильное угощение, подобающее знаменитым родственникам.

Пиршество было в разгаре, когда Алхуз решил незаметно исчезнуть, уйти в горы и добыть подарок для сотого нарта. Что ему стоило немного поохотиться и вовремя вернуться назад? Ведь это был Алхуз — отменный охотник и скороход!

Однако, на беду, дичь не попадалась. Шел Алхуз, шел и незаметно дошел до нартской деревни. Вот уж и дом, достигающий небес... Но что это? Горят, горят дома нартской деревни!

Это недруги воспользовались отсутствием братьев и совершили нападение. Подождгли они дома нартов и разграбили их основательно. Вот уж к тому, большому дому нартов торопятся...

Но тут ворвался в ряды грабителей Алхуз. Засвистели стрелы его, а когда надвое переломился лук, пустил Алхуз в ход кинжал. Грабители не выдержали такого натиска: кто poleg, а кто наутек пустился!

И вот предстал Алхуз перед Гундой Прекрасной. Она перевязала ему раненую руку промасленным полотенцем, чтобы кровь остановить, а поверх полотенца наложила на рану повязку. Повязкой этой был ее платок из чистого золотистого шелка.

Алхуз торопился на пир. Он снова вступил в пределы гор, и на этот раз удача сопутствовала ему: поймал он молодую серну! И вовремя явился на пиршество.

Братья заметили, что у Алхуза перевязана рука и что перевязана она шелковым платком, который принадлежит их сестре. Спутать платок этот с другим было невозможно! Пришлось Алхузу во всем признаться. Рассказ его был краток и правдив.

— Не осуждайте меня, великие герои, за то, что оставил я пир и тайно удалился. Я ходил в горы, чтобы раздобыть недостающую живую дичь в подарок одному из вас. Не знаю и сам, как занесло меня в ваши края. И увидел я, что недруги творят в деревне вашей черные дела: убивают людей, грабят и жгут дома. Они и вашей сестре угрожали. Пришлось мне драться с ними, все полегли от моих ударов, оставил в живых только двух. Эти двое — вестники горя: они сообщат своим о гибели сообщников. Ваша сестра цела и невредима, она ждет вас. На обратном пути великий Аиргь и великий Ажвейпшаа¹, царствующие в горах и лесах, послали мне свою лучшую серну, и она красуется в моем загоне вместе с остальными.

Нарты сказали:

— Ты лишил нас ратных трудов, но ты защищал свою жену.

Вот собрались нарты в обратный путь. Провожали их с великим почетом. Дал Алхуз братьям своей будущей жены лошадей, коров и быков, по сотне голов мелкого рогатого скота. Нарту Ситу как старшему преподнес горного тура с завитыми рогами и остальным братьям преподнес

¹ Аиргь и Ажвейпшаа — покровители рода аиргь и рода ажвейпшаа.

туров и серн, зубров и кабанов. Сатаней-Гуаше, матери нартов, Алхуз послал дикого кабана, Гунде Прекрасной — горную куропатку и куниц. Нартов сопровождали люди, которые гнали скот и везли живую дичь на конях.

Поблагодарили нарты своего будущего родственника и отправились в свою деревню. Там они увидели содеянное врагами и от сестры узнали о великом геройстве Алхуза.

Казалось, горе уже позади, но это только казалось.

Не прошло и месяца, как на деревню нартов напал жестокий великан со своим громадным войском. Пока подоспели нарты, великан увез Гунду Прекрасную.

Об этом несчастье нарты сообщили Алхузу. Тот примчался к ним быстрее ветра.

— Я сам отомщу похитителю, — сказал Алхуз. — А иначе — я не зять вам, великим нартам. А иначе, я не посмею взглянуть в глаза моей невесте!

И понесся он на коне, перерезая дорогу великану. И настиг он великана и крикнул ему:

— Стой! Оставь мою невесту и, если дорога тебе жизнь, убирайся прочь!

В ответ на эти слова послал великан стрелу — высекла стрела молнию из скалы, в которую попала. Алхуз принялся за дело: его стрелы отнимали душу у всех, в кого вонзались. Два дня и две ночи продолжалась битва. Великан оставался невредимым — без единой царапины. Алхуз не смог попасть в уязвимое «место смерти» и выпустить душу из могучего тела великана. А подлый похититель тем временем решил погубить Гунду Прекрасную, чтобы не досталась она Алхузу.

— Хорошая собака и та не лает на женщину! — крикнул Алхуз, угадав намерение великана. — Вот каково твое мужество!

И от бешеной злобы запустил стрелу с такой силой, что она пронзила великана насквозь, поразила его в самое «место смерти». Взревел великан, собрал последние силы и направил стрелу в сердце Алхуза. И не стало великого героя, не стало Алхуза!

И впервые заплакала Гунда Прекрасная. Слезы ее текли на землю и сжигали ее. Голос Гунды достигал высоты небес. Щеки свои изодрала она в великой скорби.

И над телом жениха произнесла Гунда такую клятву:

— Клянусь, что выйду замуж только за того, кто победит меня в единоборстве, ибо Алхуз был сильнее меня, и только сильный заменит его!

Гунда Прекрасная плакала, и плач ее был слышен далеко-далеко. Услыхав голос сестры, нарты помчались к ней изо всей мочи.

19

МУЖЕСТВО МСТИТЕЛЯ

ыл в прежние времена род такой — елдыз. Нарты елдызам приходились племянниками по материнской линии.

Елдызы были людьми храбрыми. Испокон веку враждовали они с великанами, которые появлялись из глубокого ущелья и проходили по большому медному мосту. Эти великаны не брезгали даже человеческим мясом. При каждом удобном случае нападали они на елдызов.

В конце концов одолели великаны своих упрямых врагов. Они уничтожили все потомство елдызов, не оставив никого, кто бы мог собаку со двора выгнать. Осталась в живых только беременная женщина — жена одного из елдызов.

Вот эту-то женщину и взял себе в жены славный человек из соседнего села. Он не посмотрел на то, что она

беременна. Не посчитал это позором. Человек этот уважал елдызов и очень хотел, чтобы не иссяк их род, чтобы жена его родила сына — достойного продолжателя рода елдызов.

И сын вскоре родился.

То-то было радости у близких и дальних родственников елдызов, у их друзей, у всех, кто добрым словом поминал жертву кровожадных великанов.

Мальчик рос. Свято хранила мать память об его отце, берегла мужнего коня, чистила мозгом бычьих костей мужнюю шашку, которая висела на стене у изголовья.

С годами мальчик превратился в сильного мужчину. Научился метко стрелять и хорошо ездить на горячих скакунах. И как это часто бывает, услышал он, как говорится, краем уха, что нет у него отца, а есть только отчим.

— Где же мой отец? — спросил он однажды мать.

Мать, зная его вспыльчивый нрав, не дала прямого ответа. Сын, разумеется, захочет отомстить за отца и может погибнуть в битве с великанами. Мать очень и очень опасалась этого.

Спустя год вытащил сын из ножен отцовскую шашку и приставил ее к своей груди.

— О мать! — воскликнул он. — Я лишу себя жизни на этом самом месте, если не ответишь, где мой отец.

Как ни тяжело было матери, но делать нечего — пришлось открыть всю правду о том, как были убиты его отец и все мужчины из рода елдызов.

Затем подала она сыну доспехи отца, опоясала отцовской шашкой и повела его в конюшню, где стоял конь отца — сказочно сильный, неутомимый конь!

Разве мог после всего слышанного и виденного усидеть на месте юноша? Ведь недаром назвала его мать Шаруаном, что значит Мститель.

Сел на коня Шаруан, вооружился оружием отца и спросил свою мать:

— Где найти этих людоедов?

Мать отвечала ему:

— Ты видишь вон те горы? Меж ними лежит черное ущелье. У входа в ущелье — медный мост. Когда великаны проходят по этому медному мосту, он гудит, как колокол. Неподалеку от этого моста, в черном ущелье живут три брата-великана. Зовут их Трехволосые, ибо на голове у них только по три волоска. Это страшные людоеды. Они-то и одолели род елдызов. Остерегайся их! Слушай меня, и я поведаю тебе нечто важное.

— Слушаю тебя, — сказал сын почтительно.

— Есть у нас родственники — племянники наши, которых зовут нартами. Они столь почтенны, что величают их по собственному имени и имени отцовскому. Их сто братьев, и все — молодцы как на подбор. Если ты во что бы то ни стало решил отомстить за отца — поезжай к нартам, в бою они станут с тобой рядом.

Сын сказал:

— О мать, ты — умная женщина, но здесь ошиблась.

— В чем же моя ошибка? — спросила мать.

— Вот в чем, — сказал потомок елдызов Шаруан. — Скажем, приду я к нартам. Они, конечно, мне будут рады. Скажут, приехал к ним единственный дядя по матери, устроят пир, позовут людей, чтобы представить меня. А в это самое время вдруг да спросит какой-нибудь шутник: «Скажите-ка, пожалуйста, чем знаменит наш уважаемый дядя? Разве отомстил он врагам своим за смерть

отца?» И что же я отвечу? Я буду стоять ни жив ни мертв. Ведь у нартов жилы на лбу полопаются от стыда за такого дядю! О мать, не смею я показаться на глаза моим племянникам, пока не отомщу за отца!

И остались дома мать и отчим одни, остались, подобно старым, отжившим свой век жерновам на мельнице.

Ехал Шаруан, ехал он и приехал, наконец, к тому самому медному мосту, за которым в черном ущелье жили великаны-людоеды. Едва приблизился Шаруан к медному мосту, как разнесся по ущелью гул. И понял Шаруан-елдыз, почему мост из меди выкован.

Спешился Шаруан, повесил доспехи на суку развесистого дерева, разжег костер и прилег отдохнуть.

Вскоре из ущелья донесся страшный грохот. Он был похож на раскаты грома, на гул землетрясения, на вой бури. И любой на месте Шаруана, — но только не он, — воскликнул бы: «Почему я не умер, прежде чем прибыть сюда!»

Грохот, потрясавший ущелье, все приближался. И Шаруан увидел великана, восседавшего на огнедышащем коне. Это был старший брат Трехволосых великанов-людоедов. Конь его, учуяв Шаруана, стал как вкопанный.

Великан крикнул на коня:

— Эх ты, трусливый! Чего и кого ты убоялся? Этих елдызов мы стерли с лица земли. Разве кто-нибудь из них во чреве материнском остался? Но когда же он мог родиться? Если даже и родился, то когда успел он созреть? Если даже и созрел он, как же посмел сунуться к нам!

И великан сердито натянул узду, да так сильно, что нижняя челюсть у коня отвалилась и грохнулась на медный мост.

А Шаруан, обнажив шашку, смело двинулся на великана.

Великан взревел, увидев Шаруана.

— Мы уничтожили род елдызов, за исключением того, кто находился в утробе матери. И когда только он мог родиться? Когда он успел созреть? Если даже и созрел, то как ему вздумалось мстить за отца? А раз уж вздумалось — так будет ему конец!

Шаруан взмахнул шашкой первым и рассек великана пополам — с головы до паха. Но великан тут же сросся. Шаруан дважды взмахнул шашкой и рассек великана на три части. Но и тут сросся великан и грозно двинулся на Шаруана. Снова сверкнула шашка, и, не дав срастись великану, Шаруан сбросил его в реку.

Точно так же расправился елдыз и со вторым людоедом. А у третьего, хоть и был он помоложе своих старших братьев, конь был пострашнее.

Третий великан наступал на Шаруана грудью своего коня. Шашка его сверкала, точно молния. Мост гудел под копытами коня так, что сердце у любого смертного разрывалось бы от страха.

Шаруан стоял посреди моста, привязав себя ремнем сыромятным к медным поручням. Полдня бился он, и казалось, вот-вот падет на колени от усталости.

В минуту смертельной опасности конь его, привязанный на берегу, так заржал, что звезды чуть не посыпались с неба. Но вот Шаруан сделал последнее усилие и сбросил великана вместе с его конем в пучину, по течению, на помощь тому, кто достоин ее.

И вот у костра, который разложил Шаруан-победитель, встретились два родственника — племянник и дядя.

— Не стыдно спрашивать,— сказал нарт Сасрыква.— Скажи мне, кто ты, проливший так много крови?

Елдыз ответил:

— Мужа не спрашивают, кто он, но узнают по героическим подвигам.

Сасрыква сказал:

— Вижу, ты герой. Разве нужен новый подвиг?

— Я мститель,— отвечал Шаруан,— а зовут меня Шаруан, отец мой елдыз, и я прихожусь дядей великим нартам.

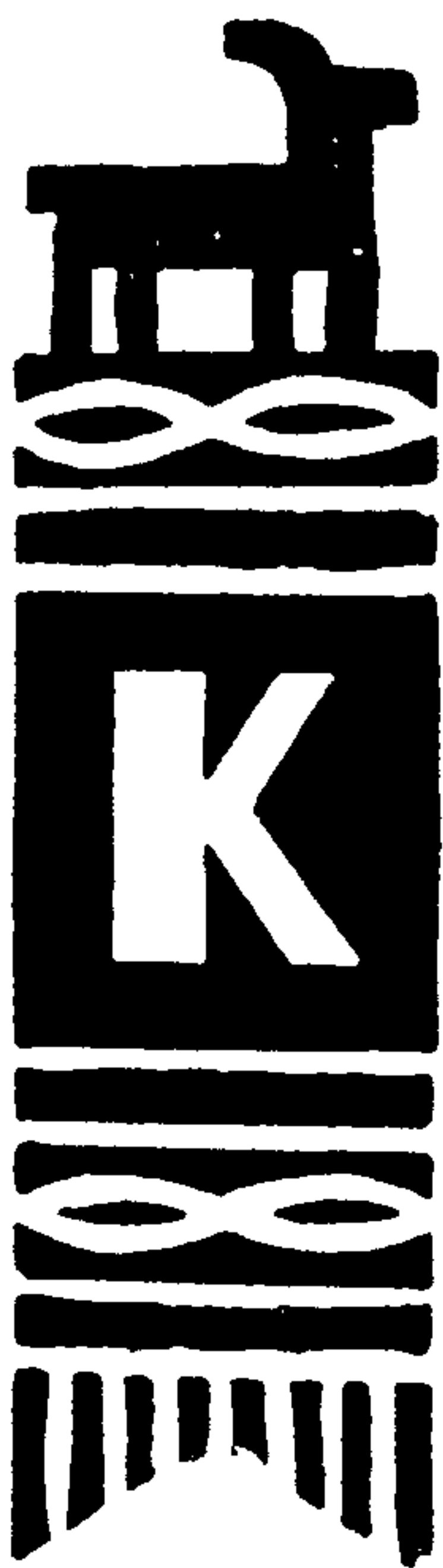
— Ну так знай,— сказал нарт Сасрыква,— я один из ста твоих племянников — Сасрыква.

Так познакомились племянник нарт Сасрыква и его дядя елдыз Шаруан.

ЖЕНИТЬБА НАРТА КУНА

Как-то раз долго бродил нарт Кун в поисках дичи. За целый день не выпустил он ни единой стрелы. И вдруг — удача: стоит на скале тур — огромный, гордый. Натянул Кун тетиву и не успел прицелиться как следует, а тур уж покотился к подножью скалы.

«Кто же убил его?» — подумал Кун и направился к добыче. Подходит и удивляется: какой-то человек — ростом поменьше локтя — ловко сдирает шкуру. Такой маленький, а тушу освежевал быстро и куски мяса развесил на ветках деревьев.

Этот человек был родом ацан. Ацаны, как известно, были людьми маленького роста — в высокой траве их даже и не заметишь.

— Возьми свою долю мяса, — предложил ацан Куну.

— Сначала ты, — сказал Кун. — Бери, сколько в силах взять. — А сам подумал: «Ну что он сможет унести, этот несчастный человечек? Самое большее один кусок, а остальное достанется мне».

Ацан сказал:

— Не беспокойся обо мне, бери мясо.

— Нет, сначала ты. Сколько можешь.

Ацан молча растянул на земле турью шкуру, положил на нее все куски мяса, живо стянул шкуру ремнями и взвалил себе на плечи.

И он двинулся. Он шагал так легко, словно не огромного тура тащил, а жалкого зайчишку.

Кун поразился увиденному, и захотелось ему узнать, где живет этот человечек — не больше локтя ростом.

Ацан смело идет по-над обрывами, по узеньким тропам, уверенно раздвигает жесткие кусты. Кун убыстряет шаг, чтобы не отстать от ацана, но не так-то просто догнать человечка. Если бы не туша убитого тура — наверное, вовсе потерял бы ацана из виду.

После утомительной ходьбы по скалам Кун увидел каменный дом, в котором жили ацаны. Жилище это служило им также и крепостью. Оно содрогалось и содрогалось оттого, что сестра ацанов Зылха ткала на станке.

Ацаны радушно приняли гостя из рода нартов. Напоили и накормили. Прислуживала за трапезой Зылха. Хоть и мала была ростом сестра ацанов, но уж очень приглянулась нарту.

На следующий день Кун открылся ацанам. Он сказал, что полюбил их сестру и желает жениться на ней.

Ацаны не очень-то обрадовались.

— Нам не хотелось бы этого, — сказали они Куну. — Ты — брат великих нартов. Ваш род прославлен и зна-

менит. И гордость — рядом с вами. Мы же маленькие, мы — простые люди. Может ли наша сестра стать женой одного из нартов и невесткой всех нартов? Нет, не отдадим мы сестру за тебя. Вдруг станешь бранить ее и, чего доброго, обзовешь дочерью маленьких, неказистых людей. Хорошо ли это будет?

Но Кун настаивал на своем. Он обещал никогда не напоминать о том, что Зылха — дочь маленьких людей.

Вот ацаны вызвали Зылху и спросили ее, желает ли она быть женою Куна.

— Не скрою от вас, — сказала Зылха, — я хотела бы выйти за него замуж. Но если когда-нибудь он упрекнет меня в том, что я дочь маленьких, неказистых людей — не останусь у него ни одного дня!

Кун уверил Зылху и ацанов, что ни он, ни братья его нарты никогда не обидят Зылху, что будет ей у Куна так же хорошо, как здесь, у ацанов.

На том и порешили: выдали Зылху за нарта.

Когда же пришло условленное время, ацаны устроили пир, и Кун увез Зылху к себе.

Нарты встретили невестку свою с большой радостью. Зарезали сто быков. Позвали гостей. Сыграли свадьбу пребогатую.

А наутро попросили нарты свою невестку свалять для них мяч из шерсти ста бычьих шкур.

Зылха, как положено молодой жене, не выходила из брачных покоев. Она сваляла мяч и кинула его нартам из окошка.

Нарты принесли с собою палки для игры в мяч — аймцакиача. И долго они играли. Не раз залетал мяч под самые облака. Но никто не стал победителем до поры до времени.

Вот снова запустили они мяч под облака. Быстро падал он вниз на землю, но так травы и не коснулся: его схватил Сасрыква и побежал к тому, другому краю поля. Братья погнались за ним, но так и не смогли догнать. Победил Сасрыква. «Он похож на серну», — подумала Зылха, наблюдавшая за игрой из окошка...

Словом, жили молодожены в мире и согласии. Нарты уважали свою невестку, не давали ее в обиду.

Однажды Кун в путь собирался. Очень он торопился. Его ждали братья. И вдруг обнаружил Кун, что ноговица его распорота. Нельзя одевать такую ноговицу, не зашив ее!

— Я так и знал! — в сердцах воскликнул Кун. — Так и следует мне — зятю несчастных, маленьких ацанов!

Эти слова услышала Зылха. Недолго думая выхватила она нож и вспорола себе живот; достала оттуда ребенка и бросила его Куну.

— Вот все, что было между нами! — крикнула она и скрылась.

Нарты были поражены ее поступком.

Что же делать?

Надо спасти ребенка. Попросили они женщин накормить ребенка грудью. Но куда там! Ни одна кормилица не смогла приблизиться к нему — от него пылало нестерпимым жаром, словно от костра.

Нарты ломали себе головы, не зная, как быть с ребенком. Ничего лучшего не придумав, решили обратиться за советом к Зылхе. Послали к ней человека.

— Горделивые нарты, — передала она через посланца, — не молоком кормите ребенка, а расплавленным железом!

Послушались нарты ее, и мальчик выпил железо, точно молоко. И стал он быстро расти. И решили все, что получится из него герой.

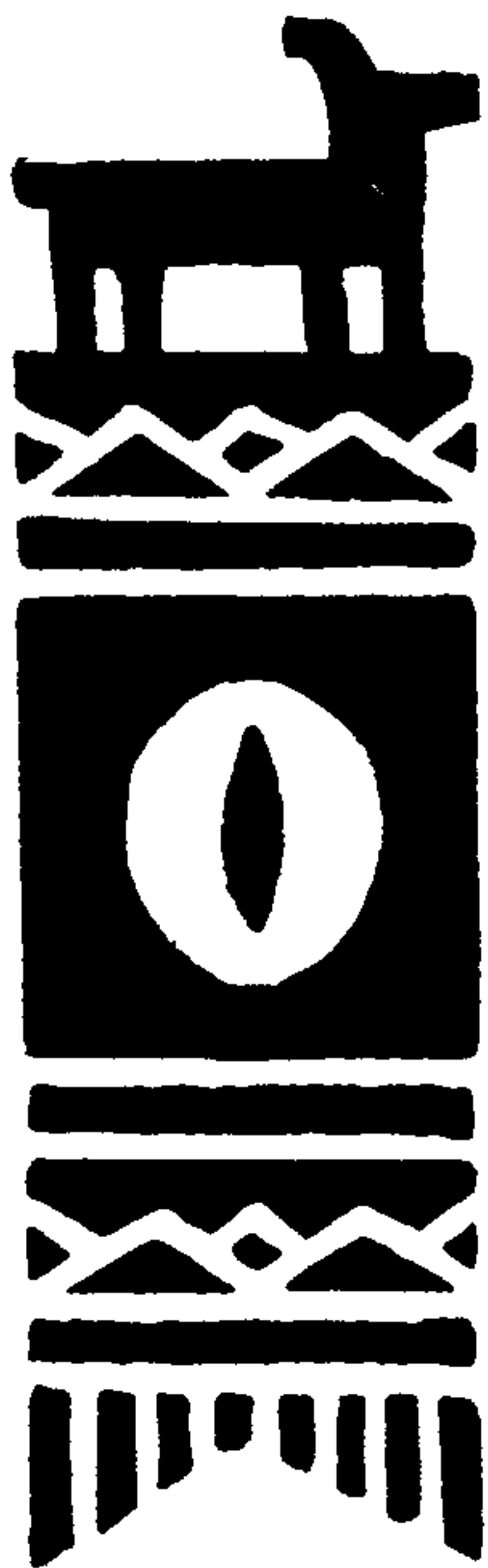
Однако время шло, и мальчик не оправдывал этих надежд. Он целыми днями сидел у очага и строгал какую-нибудь палочку. Прогонят его с одного места — усядется в другом. И снова строгает палочку. Стружки валяются повсюду: у очага, во дворе, в покоях. И прозвали мальчика Цвиц, что значит Стружка.

— Из него ничего не получится, — решили нарты.

Однако можно ли так говорить о человеке, который только-только начинает свою жизнь?

САСРЫКВА СБИВАЕТ ЗВЕЗДУ

дناهاды девяносто девять братьев собрались в поход. Все было готово: оружие проверено, обувь цела, лепешки медовые — в переметных сумках. Коней своих нарт выкупали в Кубине, оседлали их. Братья попили, поели. И Сатаней-Гуаша сказала им:

— Счастливого пути, дети мои!

Разом поднялись братья со своих мест. Каждый из них держал в руке кнут. Садись на коней по старшинству.

Ударил кнутом нарт Сит, и показалось всем, будто гром ударил. Стрелой вылетел из ворот нарт Сит. А за ним понеслись его братья.

Опустел двор. Только нарт Сасрыква остался со своей матерью.

Он печален.

Легонько держит повод своего огнеподобного коня Бзоу.
Печален нарт Сасрыква, ибо никто не пригласил его
в поход.

Проснулись нарты поутру, шум, хохот на дворе.
Со всеми братьями и он проснулся на заре.
Коня почистил, оседлал, стоял, исполнен сил,
Но брата младшего к столу никто не пригласил.
Вот каждый в руки плеть берет, он тоже плеть берет —
Никто ему не предложил отправиться в поход.
Помчались нарты с удальством и песней боевой,
Для них Сасрыква, младший брат — как будто не живой!
Как буря, братья понеслись — победа впереди,
А он как вкопанный стоит, и руки на груди.
Зачем оставили его? Чтоб он стерег телят?
Чтоб на дворе пугал ворон Сасрыква, младший брат?

Заплакал нарт Сасрыква. Поплелся к матери.

— О мать, — проговорил он.

— Здесь я, сын мой. Что тебе?

— О мать, братья мои отправились в поход, и никто
не пригласил меня. В чем причина?

— О свет моих очей! Разве старшие должны пригла-
шать младшего? Следуй за ними.

Сасрыква недолго раздумывал — вскочил на верного
Бзоу и в мгновение ока исчез за воротами.

Быстро нагнал он своих братьев и, не смея опережать
старших, поехал сзади.

— Кто ты? Куда путь держишь? — спросили его.

— Как кто? Я брат ваш! — воскликнул Сасрыква.

— Не знали, — с усмешкой произнес Гутсакья.

— Ты не от нашего отца рожден, — сказал Сит.

— И еще лезешь к нам в братья? — сказал нарт Гут-сакья.

Что делать? Сасрыква вернулся домой точно побитый.

— Что случилось? — с тревогой обратилась к нему Сатаней-Гуаша.

— Ничего, — ответил Сасрыква, — я позабыл лепешки. Накорми-ка меня. И если это возможно — приготовь мой любимый айладж.

Сатаней-Гуаша живо просеяла муку, взяла свежего сыру и приготовила айладж. Она подала сыну кушанье, исходившее паром.

— Садись и поешь вместе со мной, — попросил Сасрыква.

Сатаней-Гуаша положила перед собой горячий айладж. Она коснулась горячего айладжа пальцем. Но тут Сасрыква схватил ее руку и воткнул палец глубоко в горячий-прегорячий айладж. Мать вскрикнула.

— Пока ты не объяснишь, кто я, — сказал Сасрыква, — не выпущу твоей руки.

— Ты — мой сын, — сказала Сатаней-Гуаша, с трудом преодолевая боль. — И ты лучше всех.

— Я не спрашиваю, лучше я или хуже, — сказал пылающий гневом Сасрыква. — Кто мой отец? И почему братья мои смеются надо мной?

Сатаней-Гуаша не растерялась. Она сказала твердым голосом:

— Пусть твои братья, которые пренебрегают тобой, вечно нуждаются в твоей помощи!.. А ты, сын мой, — часть скалы. В тебе чудодейственная сила. Пусть лучше расскажет об этом кузнец Айнар.

Сасрыква выбежал во двор, сел на коня и помчался вслед за своими братьями.

Сатаней-Гуаша подняла к небу глаза и молитвенно проговорила:

— Пусть вас, братья Сасрыквы, обидевшие сына моего, настигнет невиданный дождь — страшнее любого града, и ветер пусть дует вам в глаза — страшнее любого ветра, и пусть жизнь ваша зависит от сына моего Сасрыквы.

Между тем огнеподобный Бзоу летит вперед, и все ему нипочем — ни дождь, ни град, ни ветер, ни встречные реки. Он несется по долинам и горам, точно быстроногая серна.

Двое суток ехал Сасрыква, ехал в горы, все в горы. И вот усилился дождь. И повалил снег. И ветер подул, да такой, что казалось, горы обратятся в прах. А когда прояснилось — Сасрыква увидел своих братьев. Они жались друг к другу так тесно, что можно было набросить на них одну шапку. Бороды их обросли сосульками, и сосульки касались земли. Они погибали от холода.

— Что с вами? — спросил Сасрыква братьев.

Они очнулись словно ото сна и заговорили все разом:

— Сасрыква, брат наш! Мы умираем! Мы замерзаем! Спаси нас!

— Я с вами! — сказал Сасрыква. — Не бойтесь: я здесь!

И подумал: «Что же делать? Где раздобыть огонь на этой голой земле?»

Над ним раскинулось широкое небо, и было оно усыпано звездами. Они горели так ярко! «Их спасет только звезда!» — сказал про себя Сасрыква. Он натянул тетиву

лука, прицелился в самую яркую из звезд и выпустил стрелу. И сбил, Сасрыква сбил яркую, самую яркую звезду! Она упала на землю, излучая тепло и свет. Наквозь промерзшие нарты собрались в кружок и стали греться. Но как ни была ярка и тепла эта звезда, согреть нартов она не могла. Их мог обогреть только земной огонь!

Сасрыква сел на коня и въехал на гребень горы. Видит — вьется дым. И он поехал на этот дым, решив, что там, где есть дым, есть и огонь. Но не так-то просто оказалось до огня добратся. Пришлось Сасрыкве переплывать бурные реки и проходить глубокие овраги, прежде чем ощутил он тепло огромного костра, в котором сгорали даже камни.

Однако путь к костру преграждал великан, свернувшийся так, что колени его касались подбородка. Великан спал, и Сасрыква не смог разбудить его.

Тогда обратился нарт к своему коню с такими словами:

— Будь шустрым, как белка, а я стану легким как пух!

И нарт разогнал коня своего Бзоу и влетел в правое ухо великана, а через левое вылетел. Набрал Сасрыква угольев и уже хотел было прежним путем возвратиться назад.

Но, по несчастью, обронил пылающий уголек, и лохматое великанье ухо загорелось. Чудовище проснулось, и Сасрыква вместе со своим конем очутился у него на ладони.

— Эй, ничтожный апсуа! — вскричал великан. — Как попал ты ко мне? И как тебя звать?

Сасрыква ответил:

— Я всего-навсего слуга нарта Сасрыквы.

— Ах, вот оно что! Скажи, ничтожный апсуа, а правда ли, что живет на свете Сасрыква, совершающий удивительные подвиги?

— Да, живет,— ответил Сасрыква, а сам с беспокойством думал о своих братьях. «Как бы отделаться от этого великана?» — размышлял он.

— Расскажи-ка мне о его подвигах,— сказал великан, тараща огромные глаза на нарта.

— Долго рассказывать,— сказал Сасрыква.

— Ничего, что долго, рассказывай...

— Ну что ж,— начал Сасрыква,— расскажу, только не вздумай следовать его примеру.

— Это почему же?

— Потому что не всякий это сможет... Вот, скажем, поднял однажды Сасрыква валун величиной с дом, поставил его на скалу, а сам стал под скалой. Он приказал мне сдвинуть с места валун, который едва держался на самом краю утеса. И что бы ты думал? Валун разбился о голову Сасрыквы! Только не вздумай повторять его подвиг!

Однако великан только рукой махнул и через мгновение уже тащил на гору преогромный валун. Рядом с валуном поставил ничтожного апсуа — слугу Сасрыквы, и попросил помочь совершить подвиг. Сасрыква толкнул валун, и полетел валун с превеликим грохотом. Ударился о голову великана и тут же рассыпался, точно был слеплен из сухого песка.

Огорчился Сасрыква, но что поделаешь — силен великан!

— На что же еще способен твой Сасрыква? — взревел великан.

Нарт сказал:

— Этот Сасрыква собрал однажды куски железа, сварил их в котле и выпил, точно молоко. Ему понравилось расплавленное железо.

Великан приступил к делу: живо расплавил в котле куски железа и выпил.

— Да,— проговорил он,— знает твой Сасрыква толк в еде — очень приятно пить железо.

Огорчился Сасрыква, но что делать — силен великан!

— Ну, расскажи еще что-нибудь о Сасрыкве,— просит великан.

— Сасрыква,— говорит нарт,— очень любит в морозный день окунуться в реку и стоять в ней неделю, а порой и больше. Войдет в воду и ждет, пока она не замерзнет, а потом ломает лед и выходит на берег цел-невредим.

— Так вот оно что! — говорит великан.— Сумел Сасрыква — сумею и я!

В это самое время Сатаней-Гуаша чудом узнает о тяжелом положении, в которое попал ее любимый сын. И произносит такое заклинание:

— Ударьте морозы посильнее, чтобы накрепко замерз великан в воде!

И в самом деле ударили морозы. Замерзли горные реки. Вот тут и пришлось великану испытать свою силу.

Залез он в воду, и она замерзла вокруг него. Но великан легко взломал лед. Тогда Сасрыква раздобыл стог сена, разбросал сено по льду, и сделался лед во много раз прочнее.

Стоит великан во льду — одна голова торчит над гладкой ледяной поверхностью. А когда захотел он выбраться, то уже не смог. Пытался было взломать лед, но все напрасно. Пытался было уговорить Сасрыкву, чтобы тот

помог ему, но все напрасно. Видит великан — грозит ему погибель.

— Эх, проклятый, — говорит великан нарту, — наверное, ты и есть Сасрыква, ибо обхитрил меня, вокруг пальца обвел.

— Ты угадал, — ответил Сасрыква и обнажил шашку, чтобы отрубить голову ловко пойманному чудовищу.

— Эй, Сасрыква! — кричит великан. — Нет, ты не сумеешь отрубить мне голову. Но раз ты такой молодец, одарю я тебя перед смертью. Слушай меня: шашка твоя погнется, точно соломинка. Возьми лучше мою, если только сумеешь вытащить ее из ножен. Вытащи ее и толкни по гладкой поверхности льда так, чтобы она ударилась о мою шею и перерезала толстую жилу. Жила эта чудодейственная. Сделай из нее пояс для прекраснейшей и умнейшей из женщин — Сатаней-Гуаши и для себя — непревзойденного героя. И вы станете бессмертными.

Что долго раздумывать! «Попытка не пытка», — сказал себе Сасрыква и послушался великана. В самом деле, отрубив голову, нарт обнаружил на шее толстую жилу. Вырезал он эту жилу. Но не был бы Сасрыква нартом, если бы полностью доверился чудовищу.

Сасрыква набросил жилу на высокую липу, стоявшую неподалеку, и она свалилась, точно подрубленная. Коварный замысел великана раскрылся!

Расправившись с великаном, нарт поднял горящую головешку и на верном коне Бзоу прискакал к братьям.

Звезда, согревавшая нартов, понемногу гасла, теряла свое тепло.

— Не падайте духом, братья мои! — крикнул Сасрыква. — Вот я привез вам огонь земной взамен огня небесного.

— Огонь-то есть,— уныло сказали братья,— а где же хворосту взять, вокруг все голо.

Сасрыква сказал:

— Выньте газыри свои, расщепите их — и разгорится костер!

Братья послушались Сасрыкву. И запылал костер, а вскоре в котлах уже варилось мясо серны и оленей, убитых Сасрыквой.

Напились нарты мясного отвара и досыта наелись мяса. Ну можно ли было после всего этого не уважать Сасрыкву, если даже у него и другой отец?

ОДНА ЛИСА И СТО ЧЕЛОВЕЧКОВ

а, ушла невестка нартов Зылха, ушла от своего мужа. И нарты сказали:

— Ну что же, обиделась молодая. Успокойся — вернется.

Но не тут-то было: не возвращалась Зылха. Упрямство ее задело самолюбие нартов: дескать, как это так — пренебрегает родством с великими нартами?!

— Надо кому-нибудь сходить за нею, — сказал Сит, — неудобно женщину без внимания оставлять.

А Гутсакья, как это с ним частенько случалось, не удержался, чтобы не сострить.

— Торопитесь к ее именитому роду, — сказал он. — Что делать без этих человечков, ползающих по папоротнику? Пропадем мы без них!

Молодому болтуну вольно болтать, но в серьезном деле важны слова старших, тех, кто умудрен жизнью.

И вот решили отправить к ацанам самого младшего, Сасрыкву: с одной стороны, это означало бы, что нарты оказали внимание своей невестке, не бросили ее, а с другой — и честь для ацанов не велика, — ведь прибыл не самый старший, а тот, кто моложе всех!

Одним словом, поехал Сасрыква к ацанам. Спешился, прошел через крепостные ворота и слышит какой-то шум. И от шума того содрогается дом ацанов.

Догадался Сасрыква, что это работает Зылха, ловко владеющая ткацким челноком. Так оно и оказалось, когда нарт перешагнул через порог дома.

Но Зылха даже головы не подняла, а встать, как положено по обычаю, и не подумала.

Сасрыква простил ей эту невежливость, рассказал ей о том, что думают о ней нарты и что они предлагают ей. А предлагают они одно: вернуться к Куну.

Зылха достала свой маленький нож и поднесла его к своему горлу.

— Если ты еще раз повторишь то, что сказал, — я погублю себя.

Доподлинно так и сказала Зылха. Нарт убедился, что говорить с невесткой больше не о чем. Он только спросил, где братья ее.

— В горах. Пасут стада, — ответила маленькая женщина.

К полудню Сасрыква достиг вершины той горы, на которой отдыхали ацаны. У них это было заведено с испокон веку — вместе работать, вместе отдыхать.

Сасрыква повторил им то же самое, что сказал Зылхе:

она должна вернуться к мужу, нарты желают продолжать родство с ацанами.

Однако ацаны твердили то же самое, что нарт уже слышал из уст Зылхи:

— Пусть будет все так, как есть. Не удостоили нас родством — не надо!

Что делать? Полная неудача! Приходится Сасрыкве возвращаться домой ни с чем.

«Дай, — думает нарт, — хоть этого орла подстрелю, что-то он несет в своем клюве».

Как известно, нарты стреляли в орла только в крайнем случае, когда их брала досада. Несомненно, так было и в этом случае.

Сел орел на высокую пихту. И ветвь обломилась под ним, перелетел орел козлу ацанов на рога, пристроился на рогах и начал клевать свою добычу.

«Что он там клюет?» — подумал нарт и решил всмотреться получше.

Тут-то и попало ему что-то в глаз. Нарту показалось, что это орел чем-то запустил в него.

— Скорее ко мне! — крикнул Сасрыква ацанам. — Поглядите, что попало в глаз!

Подбежали к нему два человечка и видят: торчит в глазу кость. Потянули ее, а вытащить так и не смогли. Что делать? Позвали остальных. И стали ацаны из всей мочи тянуть кость. Тянули, тянули и вытащили только к вечеру.

Кость оказалась телячьей лопаткой. Забросил ее Сасрыква подальше и поблагодарил человечков. Распрощался с ними и уехал к себе.

Трудно сказать, сколько прошло времени после этого случая. Наверное, много, очень много. Кость — ту самую

телячью лопатку — занесло землей, и выросла на ней трава. Образовалась прекрасная лужайка. На эту лужайку переселились ацаны из ста дворов. Они построили дома, двери которых были обращены на восток, только на восток.

И вот проснулись однажды ацаны и видят — совершилось чудо: все двери обращены на запад! Вот так действительно чудо. Чудо повторилось через несколько дней, когда все двери вернулись на свое место.

И решили ацаны не спать по ночам, только бы узнать, что это происходит с их поселком, какая это сила поворачивает их дома то на запад, то на восток.

Первая ночь прошла спокойно — только глаза покраснели от бессонницы. Вторая тоже — только глаза припухли от бдения. А на третью ночь все и открылось: прибежала пушистая лиса, вцепилась в лопаточку и стала ее грызть, а чтобы скорее разгрызть — давай ворочать ее то в одну, то в другую сторону!

Ацаны по уговору выстрелили в лису. Трудно сказать, сколько стрел вонзилось в зверя. Дело в конце концов закончилось тем, что лиса свалилась бездыханная.

Ацаны принялись сдирать с нее шкуру. Проработали они весь день, а содрали только с одного бока. Вечером они разошлись с тем, чтобы с утра приняться за другой бок.

Но вот незадача: являются утром ацаны и никак не могут лису перевернуть. Напрягаются изо всех сил, а тушу с места не сдвинуть.

Шла в ту пору мимо ацанов невестка нартов Зылха.

— Несчастные! — крикнула она и, поддев лису веревкой, перевернула на другой бок. — Только отдайте мне мою долю. Я пойду обратно и прихвачу с собой!

Лишь к вечеру кончили свою работу ацаны. Поделили шкуру меж собой, а половину отдали Зылхе — невестке нартов.

Зылха, вернувшись домой, принялась кроить шапку для сына. Но шкуры не хватило. Тогда ацаны отдали ей часть своей доли, и шапка была готова.

— Иди-ка сюда! — позвала сына Зылха, невестка нартов.— Иди-ка, сын, да падут недуги твои на меня!

И она, любуясь мальчиком, надела ему на голову шапку из лисьей шкуры.

И сын был доволен, очень доволен, ибо была над ним вечная материнская благодать.

САСРЫКВА СПАСАЕТ СВОИХ БРАТЬЕВ

риближался день нового похода. Куда же отправятся нарты на этот раз? Разумеется, туда, где не ступала нога человечья. Вот где добыть себе славу, вот где настоящее мужское дело.

Собрались нарты вечером поговорить обо всем перед походом, и старший из них — Сит — сказал так:

— Послушайте, а где этот Сасрыква, который, не будучи нам братом, все-таки сделался братом?

Стали искать Сасрыкву. А его нет нигде: ни дома, ни на широком дворе. Не удивительно, что не оказалось Сасрыквы, а удивительно, что братья только сейчас хватились его, ибо Сасрыква уже целую неделю охотился в горах.

Только Башныху — человек добросердечный — упрекнул нартов:

— К чему выяснять сейчас, брат он нам или не брат? Он нас из беды выручал, как брат. Разве этого мало? Или вас занимает только кровь — чужая она или своя? Этот парень ушел со двора неделю тому назад, и никто из вас не подумал, что с ним. Не стряслось ли с ним несчастье?

— Зачем гадать? — сказал нарт Гутсакья, — Может, кто и знает, где он?

— Если известно тебе что-либо — говори, — обратились к нему те, что сидели поближе.

— Хотите знать, где он? Так вот: он у своего великолепного отца Айнара. Кузнец кислым молоком объелся — вот Сасрыква и лечит его.

Нарты дружно захохотали. А Кун лукаво спросил:

— И когда, ты думаешь, вернется Сасрыква?

— Когда? Вот переспеет алыча — тогда и вернется! Кому охота повидаться с ним — пусть ждет его под алычой. Знаете, как плюхается на голову переспелая алыча?

Нарты снова захохотали, но вдруг приумолкли: побоялись, как бы Сатаней-Гуаша не услышала насмешек над ее любимым Сасрыквой.

Башныху сказал:

— Шутки в сторону, путь перед нами и дальний и опасный. Подождем этого парня и заберем его с собой.

Гутсакья сказал:

— Видно, крепко полюбилась тебе переспелая алыча. В таком случае подожди Сасрыкву и досыта наешься вместе с ним переспелой алычи.

— Гнилой алычи, — добавил кто-то.

Снова засмеялись нарты, чуть животы себе не надорвали.

Посмеялся и нарт Башныху, следуя мудрой пословице: «Смейся даже с теми, кто над тобой смеется».

Возможно ли, чтобы великие нарты так зло потешались над братом-героем? Возможно, ибо зависть — опасный недуг, и он порой находит себе дорогу даже к сердцам великих. А девяноста девяти братьям было чему позавидовать: слава Сасрыквы росла с каждым днем!..

Рано утром, — до того, как проснулись в лесу птицы, — нарты оседлали коней своих и вооружились как положено. Сели они на коней как положено: по старшинству.

— О мать, — обратился нарт Сит к Сатаней-Гуаше, — мы уходим в далекий путь. Не беспокойся, если мы и задержимся, ибо хлебом горя досыта. А наш младший брат пусть ждет нас дома, пусть за скотом последит.

Не понравились Сатаней-Гуаше эти слова, но что поделать? Нарты уже, как говорится, в дороге, и не время спорить.

— О великие герои, божества охоты! — помолилась Сатаней-Гуаша. — Да будет поход их добром, а путь счастливым! Пусть возвратятся они, любуясь собой!

Точно звезды вылетели за ворота девяносто девять нартов.

Ехали они и днем и ночью. Неведомая сила влекла их все вперед и вперед.

Спустя месяц они прибыли в долину, заросшую густой и высокой травой. Она переливалась под ветром, словно морские волны. Нарты ехали по лугу, оставляя за собою след, точно корабль на море.

И увидели они одинокое дерево, верхушка которого касалась самого неба. Его прохладная тень привлекла

утомленных нартов, и они расположились вокруг этого дерева. Не остыли еще разгоряченные тела нартов, не высох еще пот на их лицах, как из травы показался тщедушный загорелый старик с белыми как снег волосами.

— Давно не бывали здесь люди, — сказал старик. — Откуда вы? Куда путь держите?

Нелегко было выведать у нартов, куда они держат путь. Они неохотно делились своими мыслями и не любили болтать в походах. Из уважения к сединам старика нарты сказали, что едут туда, где еще не ступала нога человека.

— Да будет счастлива ваша мать! — воскликнул старик. — Знайте же: еще ни один человек не возвращался оттуда, куда вы осмелились идти. Люди вы, как погляжу, неплохие. Послушайтесь меня — возвращайтесь назад.

Обиженные нарты сказали:

— Не такие уж мы трусы, как это тебе показалось, старик!

Самый младший из нартов — Гутсакья — добавил:

— Либо тебе, старик, жаль для нас тени этого дерева, либо тебе противен запах наших трупов.

Нарты посмеялись этой шутке.

А старику было не до смеха. Видит добрый человек, что слова его не идут впрок, и говорит:

— Если не верите мне, возьмите луки и выстрелите в это дерево. Если сорвется с него хотя бы один листочек — значит, лживы мои речи.

Полетели в дерево девяносто девять стрел, но не сбили ни единого листочка. Дерево было точно из железа.

— Видите, — сказал старик, — вам надо возвращаться.

Нарт Гутсакья сказал:

— Эй, старик несчастный, если бы нарт повернул с избранного им пути из-за какого-то чудом уцелевшего листочка, то о чем бы еще зубоскалили у очагов старухи?

Что делать? Сказал старик свое и — удалился. А бесстрашные нарты, отдохнув, отправились дальше. Едут шумной ватагой — вокруг трава, а впереди стеной лес стоит. Нарты и не подозревали, что это за лес! Он был дремучий, солнечный свет не проникал сквозь густую листву деревьев. Даже ночью, когда звезды высыпали на небе и восходил месяц, в лесу было так же темно, как и днем. Ветер, как бы он ни бушевал, не мог шелохнуть ни единым листочком. Лес стоял словно железный. На северной стороне высилась огромная гора. Деревья на той горе будто огнем опалены.

Гадают нарты: где переночевать — на лугу или в лесу?

Решили — в лесу лучше.

Поохотились. Настреляли дичи. Развели костер. Сели ужинать. И собак своих, без которых не ходили в опасные походы, накормили.

И вдруг со стороны Северной горы раздался страшный крик. Пока братья думали да гадали, что бы это могло быть, крик все приближался. Братья пошли навстречу кричавшему и вскоре увидели безобразную старуху. Брови ее свисали до земли, рот был до ушей, а ступни вывернуты назад. Оберегая от злых собак, братья проводили ее к огню.

— Что с тобой, старуха? — спросили нарты. — Почему ты плачешь?

Старуха запричитала:

— С голоду я умираю... От холода я умираю... Спасите, люди добрые...

— Садись, странная старуха. Вот огонь, грейся. А вот тебе и еда...

Но старуха не притрагивалась к пище. Съежившись в комок, сидела перепуганная...

— Собаки... Эти собаки...— причитала она плача.

— Не бойся их,— успокаивали нарты.

— Боюсь. Боюсь я их. Они разорвут меня. Привяжите их, не то кусок застрянет в горле от страха!

Из уважения к странной старухе принялись нарты собак привязывать, да нечем.

— Привяжите их моими волосами,— сказала старуха и вырвала из своих бровей длинные-предлинные волосы

Привязали нарты собак, и старуха успокоилась. Она жадно повела глазами и шумно вдохнула:

— Шшый!

И мясо, приготовленное на ужин, исчезло в один миг.

Собаки забеспокоились, зарычали. А старуха вдохнула еще раз:

— Шшый!

И собаки исчезли в ее чреве.

Нарты словно остолбенели. От удивления не могли даже пальцем пошевелинуть. А старуха еще раз вдохнула:

— Шшый!

И братьев словно и не бывало на этом свете: проглотила их старуха!

А в это самое время нарт Сасрыква вернулся домой из далекого похода. Вернулся бодрый, со славой. И, к своему удивлению, не застал братьев.

— Они там, куда не ступала нога человека,— объяснила Сатаней-Гуаша.

— Могли бы и подождать меня, — проговорил обиженный Сасрыква, — если не в бою, то за ужином мог бы я быть полезен братьям: мяса наварил бы, костер разложил, воды принес. Приготовь, мать, еды на дорогу, пойду за ними! Может, они в беде. Может, я пригожусь им.

Сатаней-Гуаша, зная характер сына, не стала ему перечить, и Сасрыква яркой звездой вылетел за ворота.

— Эй, мой горячий араш Бзоу! — крикнул Сасрыква. — Неси меня туда, где не ступала нога человека!

И понесся Бзоу по долинам, как заяц, понесся по горным тропам, как серна. А за ним — охотничья собака Сасрыквы по кличке Худыш, что значит Белошея.

И прибыл Сасрыква на тот самый луг, где братья его повстречали старика с темным лицом. И так же, как и братьям, довелось ему встретить того самого старика. Так же, как братьям, он не советовал Сасрыкве ехать дальше. И в подтверждение своих слов указал на дерево словно из железа выкованное. Но братья не сбили и листочка, зато Сасрыква не только листочек сбил, но и целую ветку отломил стрелой. Со звоном упала ветка на землю.

— Ну что ж, — сказал старик, — будет тебе удача.

Вот едет к лесу, что маячит вдали, герой Сасрыква. Копыта Бзоу гулко цокают на весь мир:

— Акáра-акáра! Акáра-акáра!

А за конем Бзоу следует по пятам собака Худыш — сильная, как лев.

Едет к лесу Сасрыква, а копыта его коня выводят на весь мир, точно песню:

— Акáра-акáра! Акáра-акáра!

Вот достиг нарт Сасрыква леса. Что же он видит? Еще не остыла зола на том месте, где устроили привал его братья, еще тлеют угли и головешки. А поодаль — шашка

валяется на земле. Шашка одного из братьев. Понял Сасрыква, что стряслась беда.

А конь Бзоу неожиданно заржал. А Худыш вдруг ошестинился. И раздался в лесу, со стороны горы Северной, страшный крик. И спустя некоторое время показалась безобразная старуха со ртом до ушей, с вывернутыми ступнями и бровями до земли. Она кричала на всю вселенную. Она кричала так, словно вся родня ее перемерла.

— Что с тобой, старуха? — спросил нарт. — Отчего плачешь?

Старуха запричитала:

— С голода умираю... От холода умираю... Спаси меня, добрый человек...

— Садись, удивительная старуха. Будет тебе тепло. Будет и еда.

Но старуха, как и тогда, не притрагивалась к пище. Вся она, как и тогда, съежилась. Как и тогда, сидела словно перепуганная.

— Эта собака... Эта собака... — сказала она плача, как и тогда.

— Не бойся, — успокаивал ее нарт.

— Боюсь. Боюсь ее. Она разорвет меня. Кусок застрянет в моем горле от страха, если не привяжешь эту собаку.

И она кинула нарту огромный волос, который выдернула из левой брови.

Смекнул великий герой Сасрыква, что дело тут неладно, неспроста хочет старуха привязать Худыша. И верно: кто стал бы величать Сасрыкву великим героем, если бы ум его не был острым как шашка! Нарт умным был, все хитрости знал как свои пять пальцев.

Притворился Сасрыква, будто привязывает Худыша к дереву, а сам незаметно отбросил волос в сторону. Затем как ни в чем не бывало разложил костер, сварил мясо из дорожного запаса.

— Шшый! — вдохнула старуха, и все мясо исчезло.

Старуха еще раз собралась было вдохнуть, но на нее набросился Худыш и начал нещадно рвать. А Сасрыква приложил к ее горлу острое шашки.

— Ах! — испуганно вскрикнула старуха, и тут из рта ее, как положено, по старшинству, повыскакивали нарты — все девяносто девять братьев! Последним появился на белый свет насмешник Гутсакья.

— Вот оно что! — вскричал Гутсакья, увидев Сасрыкву. — И ты с нами? А мы очень о тебе тревожились...

Убедившись, что все братья живы-здоровы, Сасрыква размахнулся шашкой и отрубил старухе голову. Но голова тут же пристала к шее. Рубанул Сасрыква еще раз. А голова отлетела и снова прилипла к своему месту. Еще раз рубанул Сасрыква...

— Ты, кажется, шутишь, — сказал Гутсакья и мигом присыпал разрубленную шею теплой золой.

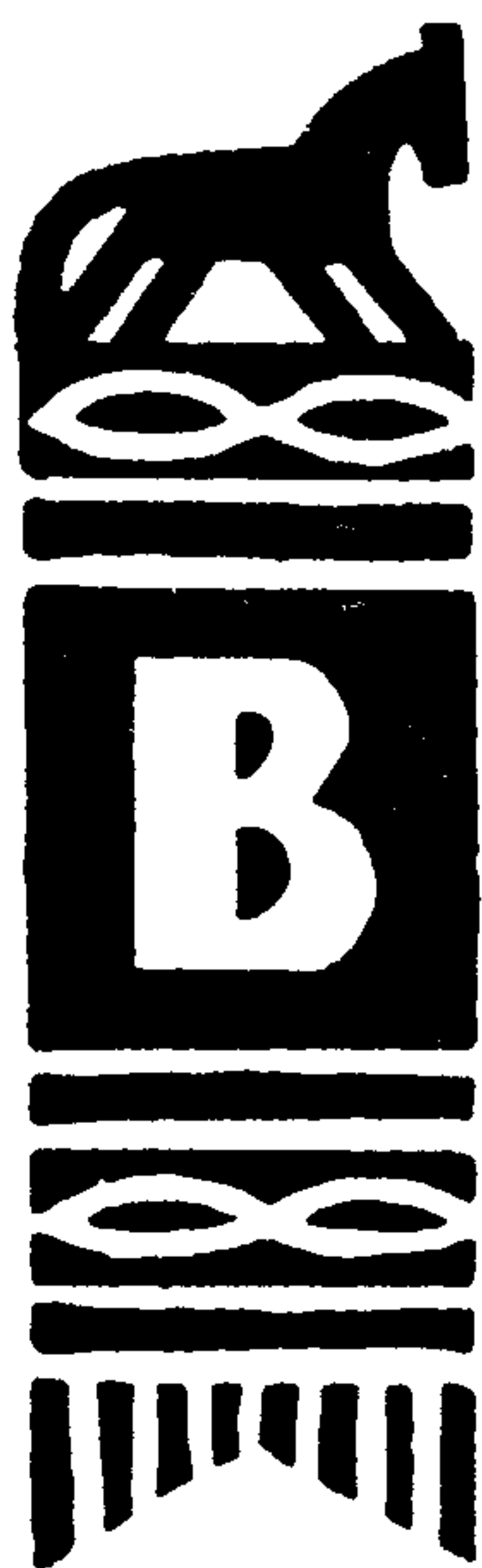
И не стало злобной старухи.

Нарт Сит сказал так:

— Ты, Сасрыква, самый младший, но мужеством превзошел всех нас.

Это была великая похвала!

САСРЫКВА УБИВАЕТ ДРАКОНА

от едут нарты походным строем. Едут они девять дней и девять ночей.

Едут нарты, веселые с виду, а на сердце у них — черная туча. Едут и думают:

«Неужели суждено, чтобы этот незаконно-рожденный Сасрыква вечно нас опекал? Узнает народ о том, как спасал он нас, и стыда не оберешься! Называли нас великими героями, а теперь слава наша может улетучиться, словно водичка из котла. Но, пожалуй, и этого будет ему мало, и он постарается уничтожить нас. Уж лучше сами изведем его!»

Вот остановились они отдохнуть. Спешились, разулись, поразмялись. Сасрыква повалился на траву и тут же уснул.

А братья принялись судить да рядить, как бы им от Сасрыквы избавиться.

Нельзя убивать его мечом — кровь будет свидетельствовать против братьев.

Нельзя убить и стрелой — та же кровь восстанет против убийц.

Ежели умертвить — что делать с его конем, его собакой? Нарты боялись коня и собаки так же, как боялись они Сасрыкву.

— Что делать?

И вот на чем они порешили.

Недалеко пропасть. Через нее проложен узкий мост. Что, если подрубить его и пропустить по нему Сасрыкву?

Просыпается Сасрыква, и братья обращаются к нему с такими словами:

— Ты молод, Сасрыква. И славен мужеством. Но есть геройство, которое по плечу только величайшим из героев.

— Скажите какое, — сказал Сасрыква.

— Видишь мост через пропасть?

— Вижу, — сказал Сасрыква.

— Очень трудно прыгнуть на этот мост вон с той скалы. Но если ты удержишься на ногах, а потом пройдешь по мосту, то свершишь нечто великое.

— Попробую, — сказал Сасрыква. — Разве для этого надо быть героем?

Сказал и поднялся на скалу. Разбежался и прыгнул. Вот коснулся моста, и вдруг подрубленный мост рухнул! Бревна полетели в пропасть, а вслед за ними — Сасрыква.

Братья постояли немного, прислушались к далекому шуму, повернули к себе и запели походную песню.

Встречные люди говорили:

— Молодцы нарты — опять со славой возвращаются!
А в этот самый день Сатаней-Гуаша с самого утра была не в духе. Ей нездоровилось, тревожное чувство не оставляло ее.

— Что-то я услышу, — говорила Сатаней-Гуаша.

И вдруг раздался стук. Это сама по себе закачалась колыбель, в которой был вскормлен Сасрыква.

— Горе мне! — воскликнула Сатаней-Гуаша. — Какая страшная примета: что-то случилось с моим Сасрыквой! Но что?

Она выглянула во двор. И увидела, как помутнел ясный день, как туча напозла на голубое небо. И воцарилась такая тишина, что, казалось, вот-вот случится нечто ужасное.

— Это знак, это знак!.. — сказала Сатаней-Гуаша. — Мой Сасрыква в беде!

И стала молиться она всемогущему, чтобы вернул он ей Сасрыкву живым и невредимым.

Молилась Сатаней-Гуаша горячо, и колыбель перестала стучать, уплыла туча, и снова прояснилось небо, и снова стало шумно.

А в это время Сасрыква летел в пропасть, летел, точно в темный, бездонный колодезь. И чем дальше он летел, тем светлее становилось вокруг. Вот уж засиял другой, огромный мир, и над ним засверкали звезды.

Наверху, у края пропасти, беспокойно стучал копытами конь Бзоу, заливалась лаем охотничья собака Сасрыквы. А Сасрыква летел все дальше, все дальше и, наконец, мягко упал на лужайку. Он встал, отряхнулся и сказал:

— К счастливой козе и веточка зеленая тянется. Так и я: не погиб, а очутился в этом прекрасном мире.

AB

Действительно, все здесь было прекрасно: лужайки и леса, дома и пашни. Одно поражало: дома пусты, людей в них нет и голосов человеческих не слышно вокруг. Только над одной хижинкой вился дымок. На дымок и пошел Сасрыква.

Жила в этой хижине старая женщина, старая, как жернова на мельнице, отработавшие свой век.

— Где же люди этих мест? — спросил ее Сасрыква. — И почему они оставили свою чудесную землю?

— Ты прав, — сказала старуха, — земля наша чудесна. Но жить здесь невмоготу.

— Почему? — поразился Сасрыква.

— Недалеко отсюда, — объяснила старуха, — протекает родник. Вода его, как молоко, как живая кровь для человека. Но тем родником завладел дракон. Никого не подпускает дракон к роднику. Много душ он загубил. И все покинули эти края. Я же поклялась оставаться здесь до конца.

— Но неужели среди людей этой земли не нашлось ни одного мужчины? — удивился Сасрыква. — Ну что ж, пойду погляжу на вашего дракона!

— Не ходи, не ходи, — умоляла старуха.

Сасрыква не послушался ее: взял кувшин и зашагал к роднику. Набрал воды и только повернул назад, как дорогу ему преградил дракон. Готовое разорвать храброго Сасрыкву, чудовище шипело разверстой пастью.

Герой выхватил шашку, и началось единоборство. Дракон извивался вокруг нарта, шелкал зубами то слева, то справа, то спереди, то сзади. Сасрыква наносил удары, рекой лилась кровь — черная драконова кровь, горячая, как кипятки.

Вот уж полдень, а Сасрыква все бьется с драконом.

Вот и солнце садится, а битва продолжается. Истекающий кровью дракон огрызается. И, наконец, издыхает...

Сасрыква тут же валится с ног от усталости и засыпает...

Спал он три дня и три ночи. А разбудил его прохладный ветерок.

Открыв глаза, герой увидел огромную орлицу. Одно крыло подложила орлица под голову Сасрыкве, а другим, как опахалом, обдувала спящего.

— Зачем беспокоишься? — сказал Сасрыква.

— Хочется мне отблагодарить тебя, — ответила орлица. — Ведь это чудовище поедало моих птенцов. А я только грустно летала в поднебесье. И плакала. Скажи только слово, и я для тебя сделаю все, что ты пожелаешь.

— Ничего мне не надо, — сказал Сасрыква. — Я нарт и хочу только мою Апсны.

— А больше ничего? Ни золота, ни серебра?

— Ни золота, ни серебра — только Апсны!

— Ну что ж, — сказала орлица, немного поразмыслив, — запасись мясом ста быков и положи его в корзину. Наполни водой сосуд, в который вмещается сто кувшинов, и поставь в другую корзину. И тогда считай, что ты у себя, в Апсны.

— Где же я добуду столько мяса? — грустно произнес Сасрыква.

— Если не ты, то кто же его достанет? Смотри-ка, сколько народу вокруг. Люди хотят тебя видеть. Они хотят отблагодарить тебя. Но слушай: что бы они тебе ни предлагали — не бери! Проси только мяса ста быков и сто кувшинов воды. И ничего больше!

Окружили люди Сасрыкву. Благодарят его. Целуют в левое плечо в знак особого уважения. Плачут от радости.

— Мы считали себя погибшими, — говорят они Сасрыкве. — Кто спасет нас, думали? Кто избавит нас от чудовища, думали? Пропали совсем! — так мы думали. Проси все, что хочешь, герой из героев. Проси золота. Проси серебра. Все, что угодно, проси.

Сасрыква отвечает:

— Не надо мне золота. Не надо серебра. Дайте мне мясо ста быков и сто кувшинов воды. И две корзины дайте, если в состоянии, чтобы мог я в те корзины уложить мясо ста быков и поставить сосуд с водой. Я из Апсны и хочу снова увидеть мою Апсны. А больше мне ничего не надо!

Посоветовались люди неведомого, но прекрасного края, поговорили меж собой и обратились к герою из героев:

— Храбрейший, ты получишь все, что надо. Дай нам сроку три дня и три ночи.

И вот прошел срок, назначенный людьми неведомого, но прекрасного края, и на широком поле появились две корзины: одна — с мясом ста быков, а другая с сосудом, вмещающим воду ста кувшинов.

Возле корзин опустилась огромная орлица. Перекинули корзины, связанные между собою, через шею орлицы, усадили на спину героя Сасрыкву — и она взлетела. А перед тем как взлететь, говорит орлица Сасрыкве:

— Как только крикну я «кыр» — бросай мне кусок мяса, крикну еще раз «кыр» — подавай воду.

И полетела орлица прямо к небу. Прямо в тучи и сквозь тучи — все выше и выше.

Летит орлица, а Сасрыква вовремя кормит и поит ее. Орлица режет воздух, как молния тьму, и летит Сасрыква к своей Апсны. Вот уже и знакомая пропасть близка, и солнце наверху, и горы, и огненный Бзоу на краю пропасти, и собака — друг Сасрыквы.

— Кыр! — кричит орлица.

А кормить ее нечем — все мясо вышло.

— Кыр! — повторяет она.

А что ей дать?

Слабеют крылья орлицы. Не в силах она уже лететь.

— Кыр! — слышит Сасрыква.

И тогда вонзает он кинжал себе в бедро и бросает орлице кусок своего собственного мяса. Крылья вновь обретают силу, они снова рассекают воздух — и вскоре нарт у себя, в своей Апсны!

Вот слышит Сасрыква ржание Бзоу и лай своей собаки, освещенных полной луной.

Увидел нарт свои горы, реки и долины, освещенные полной луной. Это был необыкновенный вечер! Луна с удивлением глядела на Сасрыкву и на коня его Бзоу, что стоял по правую руку, и на собаку его, что стояла слева. И запечатлелся на луне образ героя, и образ коня его справа от него, и образ собаки слева от него. Запечатлелся навечно! Ибо это было желание тех, кого спас от пасти дракона герой Сасрыква. А желание народа всегда исполняется!..

Прощается Сасрыква с орлицей, но она почему-то медлит, не улетает.

— Хорошим мясом ты меня кормил, — говорит птица. — Особенно хорошим — в конце пути.

— Я сделал что мог, — отвечает Сасрыква, — ибо я стремился к своей Апсны.

— Хорошее мясо было в конце пути...

— Это было мое собственное,— признается Сасрыква и показывает орлице окровавленную ногу.

Птица лизнула ему рану, и рана зажила. А как только зажила — орлица улетела. Она летела так быстро, что вскоре превратилась в маленькую звездочку...

А в это самое время въезжали нарты к себе во двор. Сатаней-Гуаша встретила их и с тревогой спросила:

— Где же мой Сасрыква?

— Здесь я! — услышала она голос самого младшего сына.

Герой соскочил с коня, пошел навстречу матери. Он стоял среди своих братьев как ни в чем не бывало. Он и виду не подавал, что обижен.

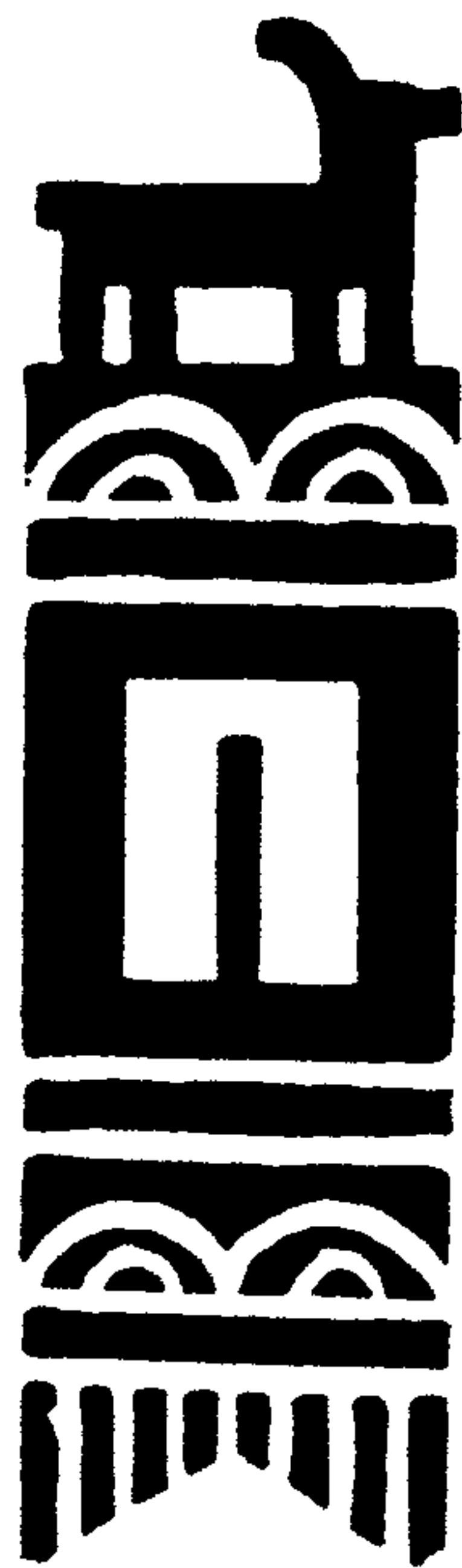
Разве может герой из героев поступать иначе?

25

НОВЫЕ УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ САСРЫКВЫ

ока нарты приходили в себя от всего пережитого, их брат Сасрыква собрался на охоту. Он был молод, непоседлив, точно сердце и голова его имели крылья.

Обычно Сасрыква ходил по горам и днем и ночью, не давал возможности диким козлятам пастись с козами, а птицам сидеть на ветвях.

Но на этот раз с ним приключилось нечто странное: в буковом лесу он совсем не убил дичи. «Это от дурного глаза», — подумал Сасрыква.

И вдруг, подняв голову, он приметил орла, сидевшего на верхушке высокого бука, под самым небом. В другое время не стал бы Сасрыква стрелять в орла. Но сейчас, проплутав весь день с пустыми руками, решил прице-

литься. Вот он натянул тетиву. Он уже готов запустить стрелу!.. Но тут заговорил орел человеческим голосом:

— Герой Сасрыква, не убивай меня! Как говорится, горный лист может запросто повстречаться с прибрежным. Так и мы с тобой: может, я и пригожусь тебе когда-нибудь. Вот мое перо. Подержи его возле огня, и я тотчас появлюсь перед тобой.

И орел сбросил нарту перо.

Поднял Сасрыква перо, спрятал его в газыре и пошел себе дальше. Идет по лесу и на опушке видит дикую козу, шерсть ее была красива и лоснилась на солнце.

— Бог охоты, великий Ажвейпшаа, принеси мне удачу! — сказал Сасрыква и прицелился в козу.

Еще мгновение — и засвистит стрела, но коза вдруг заговорила человеческим голосом:

— О Сасрыква, великий герой, не убивай меня! Может быть, встретимся мы с тобой и я пригожусь тебе. Погрей мою шерсть у огня, и я мигом явлюсь пред тобой.

Вырвала коза клочок своей шерсти и отдала его охотнику прямо в руки.

Очень удивился Сасрыква. Все случилось будто в сказке. Но он не проронил ни слова, спрятал в газырь клочок козьей шерсти и пошел себе дальше, досадуя на неудачу. Так бродил он до ночи, а ночью разыскал бук с могучими ветвями, влез на него и улегся спать меж ветвей.

А утром спустился на землю, обшарил скалы, леса, долины, но все напрасно — дичи как не бывало.

Что делать? Уж и голодно нарту, и усталость дает о себе знать. И вот направился нарт в сторону моря. «Наловлю рыбы, — думает Сасрыква, — вот и обед будет».

76

Пришел он к морю — такому тихому, синему, словно лесное озеро. Достал крючок, который всегда носил при себе, достал леску из конского волоса и принялся ловить рыбу. И он поймал рыбу, да еще какую! С золотой чешуей!

— О Сасрыква-герой! — взмолилась рыба. — Отпусти меня в море. Как говорится, лист прибрежный может встретиться с листочком горным. Быть может, и я пригожусь тебе. Вот моя чешуйка, погрей ее у огня, и я мигом явлюсь пред тобой.

Делать нечего, отпустил нарт и рыбку с золотой чешуей. И она уплыла в море. А золотую чешуйку спрятал Сасрыква в один из своих газырей.

Отправился нарт снова в лес.

Невеселые мысли одолевали его. Как он вернется домой с пустыми руками? Как только войдет он во двор, братья скажут: «С возвращением, Сасрыква, с удачей!» И они будут ждать его ответных слов. А что он им скажет? Если увидят они грустного Сасрыкву — непременно засмеют. Не иначе! Сасрыкве чудится, что слышит их грубый смех, он словно звучит в ушах. И не будет тогда конца их насмешкам! «А что же еще можно ждать от человека, у которого нет отца?» — скажут они. А что станет говорить Сатаней-Гуаша? Она будет удручена, убита его неудачей.

И тут, словно подслушав мысли нарта, посылает ему Ажвейпшаа чудесную куницу. Прицелился Сасрыква, но стрелять так и не стал — уж очень хороша была куница!

— Будь что будет! — сказал нарт и положил стрелу в колчан.

— Спасибо, — сказала куница человеческим голосом, — быть может, я когда-нибудь пригожусь тебе. Вот он, мой

волосок. Спрячь его, и, если понадобится я тебе, — погрей его у огня, и я тут же явлюсь как из-под земли.

Все это было удивительно. Словно в сказке.

Делать нечего — спрятал нарт куний волосок и пошел дальше.

Идет по лесу и видит: стоит в стороне сакля. Обрадовался нарт, открыл ворота, окликнул хозяина.

А жила в этой сакле одинокая старуха. Сидела она у очага и грелась. От голода у нее с трудом язык ворочался.

Встретила старуха гостя приветливо. Пожаловалась, что голодна, что нечем ей покормить нарта.

— Вот уж три дня, как я ничего не ела, — сказала она. — Да разве я одна! Все деревни вокруг голодают по три дня в неделю.

— Это почему же так? — спросил нарт.

Старуха объяснила:

— Мы не едим три дня в неделю. Три дня запрещено лаять собакам. Три дня запрещено пастись скоту. А все потому, что наша молодая княжна в эти три дня забавляется со своим зеркалом.

— Зеркалом? — удивился нарт.

— Да, зеркалом. Оно у нее волшебное. Все она видит в нем. И княжна не желает, чтобы три дня в неделю кто-нибудь двигался и мешал ее забавам... Княжна очень красива, — говорила старуха. — Это — невиданная красавица. Девяносто девять женихов домогались ее руки. Их головы выставлены перед княжеским дворцом.

— Они погибли, как трусы? — спросил нарт.

— Нет, добрый гость, это были храбрые люди... Дело в том, что любой, кто желает взять себе в жены красавицу княжну, должен в течение трех дней трижды где-нибудь спрятаться. Княжна выйдет замуж за того, кого

не сумеет отыскать. А если отыщет — конец жениху: голова его попадет на княжеский частокол!

— Я иду сватать вашу княжну, — сказал нарт.

— Смотри, ты будешь сотый и голова твоя на частоколе тоже будет сотой, — предупредила старуха.

— Чему быть — того не миновать, — сказал нарт. — Но я не могу оставить людей в беде!

И нарт направился к княжескому дворцу. Еще издали на дворцовом крыльце сверкнуло что-то ослепительно яркое: это княжна сияла своей несравненной красотой. Две косы ее спускались до самых пят, стройная шея напоминала красиво изогнутый кувшин, а талия — ствол молодой яблони.

— У этого нашего гостя красивая голова, — громко сказала княжна. — Она очень подойдет нашему частоколу.

Услышал Сасрыква ее слова и сказал:

— Это мы еще посмотрим, где торчат моей голове. Ей и на плечах неплохо. Я готов, княжна, выполнить все твои условия.

— Ну что же, — сказала княжна, — спрячься сегодня, да получше. А утром я разыщу тебя и приготовлю место на частоколе.

Вечером развел Сасрыква костер в лесу, достал из газырей орлиное перышко, погрел его возле пламени — орел тут как тут.

— Что с тобой, Сасрыква? — спросил он. — Чем помочь тебе?

— Спрячь меня так, — попросил нарт, — чтобы три дня не могла отыскать меня коварная княжна.

Орел без лишних слов подхватил нарта и поднялся в небеса. Там, в небесах, где облака особенно густы, у орла имелось гнездо. Там он и спрятал нарта.

Утром проснулась княжна, сладко зевнула и принялась за поиски. Взяла в руки зеркало из чудесной гладкой меди и направила его в горы. Обшарила княжна леса и реки, но нет нарта. Тогда обратила она свое зеркало к небу. Обыскала солнце, и луну, и звезды, добралась до густых облаков и увидела орла, прикрывающего собою гнездо свое. И увидела княжна кончик башлыка под орлиным крылом.

— Так вот где ты! — воскликнула она. — Выбейся из гнезда и предстань предо мной.

Что делать? Предстал Сасрыква пред княжною грустный-прегрустный.

— Ну-ка, попробуй спрятаться еще раз, — сказала княжна. — Но помни, только три раза ты можешь это сделать. Мой частокол ждет!

Куда деваться нарту? Разумеется, идти в лес. Там он развел костер, достал из газыря клочок козьей шерсти и погрел его возле пламени: дикая коза тут как тут.

— Я готова помочь тебе, герой Сасрыква, — сказала она.

— Спрячь меня на трое суток, — попросил ее Сасрыква, — спрячь, да так, чтобы не нашла меня коварная княжна.

— Держись, Сасрыква, за мои рога, да покрепче!

И в одно мгновение помчала коза Сасрыкву через леса и горы, моря и реки на самый край света, на высокую скалу. И укрыла его в пещере, а сама уселась перед входом.

Встает утром княжна, сладко зеваает и принимается за поиски. Берет в руки зеркало из чудесной гладкой меди и направляет в небо на солнце, и луну, и звезды, на густые тучи, и нежные облака. Вот шарит она по лесам

и рекам, направляет зеркало к горам. И на краю света, на высокой скале, видит княжна дикую козу, прикрывающую собой вход в пещеру. А еще она видит полу серой черкески, которую не сумела прикрыть коза. Как же это она оплошала!

— Эй ты, парень! — крикнула княжна. — Выбейся-ка из пещеры и торопись ко мне. Мой частокол ждет не дождется тебя!

Что делать? Предстал Сасрыква пред княжной грустный-прегрустный.

— Попробуй в третий и последний раз, — сказала княжна. — Может, и повезет тебе, как кошачьему хвосту, который оказался в зубах у злой собаки.

Куда идти нарту? Разумеется, в лес. И опять разложил он костер, достал из газыря золотую рыбью чешую, погрел ее над пламенем. И появилась пред ним рыба с золотой чешуей.

— Я здесь, — сказала она.

Сасрыква поведал ей о своем горе.

— Следуй за мной, — сказала рыба в золотой чешуе, выслушав просьбу Сасрыквы.

Привела она его к морю, а сама — бултых в воду, и вскоре вынырнула с огромной рыбиной. Та раскрыла свою пасть, и Сасрыква вошел в ее утробу, словно к себе в дом. Опустилась рыбина на самое дно и затаилась в песке.

Встает утром княжна, зеваает, берет в руки зеркало из чудесной гладкой меди. Направляет его на горы, на небо, на солнце и на луну, на звезды, леса и реки. Но все напрасно. Вот шарит она в пучинах вод и в самом глубоком месте находит огромную рыбину. Странной показалась княжне эта рыбина. Задержала на ней княжна свое волшебное зеркало из чудесной гладкой меди...

Вот зевнула рыбина, и во чреве ее обнаружила княжна Сасрыкву.

— Вот ты где, парень! — обрадовалась она. — Выходи-ка из своего убежища и предстань предо мной!

Что делать? Делать нечего, и пошел Сасрыква к княжескому дворцу.

— Какой же тебе нравится кол? — спросила насмешливо княжна. — Может, этот? Или вон тот?

Сасрыква сказал:

— Кол для мертвой головы годится любой. Но если ты очень уверена в себе — разреши мне спрятаться еще один раз.

Непонятно почему, но княжна уважила его просьбу. Может быть, потому, что нарт Сасрыква отличался красотой? Ведь недаром же нравился он многим девушкам, которые были на выданье.

— Хорошо, — сказала княжна, — прячься.

Куда идти нарту? Разумеется, в лес. Опять развел Сасрыква костер, достал из газыря куний волосок, погрел его у пламени. И появилась куница тут как тут!

— Я здесь, — пропищала она.

Поведал нарт кунице свое горе, и куница сказала ему:

— Спрятать тебя от глаз княжны дело очень трудное. Но я попробую... Возьми меня за уши и с силой потяни к себе.

Сасрыква исполнил все в точности. И что же? Сползла шкура с куницы, а под нею оказалась золотистая шерсть.

— А теперь, — сказала куница, — залезай в мою шкуру и притворись мертвым. Не двигайся. Я оставлю тебя у княжеского дворца. Самое главное — не двигайся. И жди, что будет.

Послушался ее Сасрыква, забрался в кунью шкуру, зашила ее куница так, что швов не видать, поволокла нарта к княжескому дворцу и бросила у частокола.

Просыпается утром княжна, сладко зевает, берет в руки волшебное зеркало из гладкой меди.

А в это время ей говорят:

— Княжна, у ворот мы нашли убитую куницу. Большая куница, а шерсть то у нее какая!

Понравилась княжне кунья шерсть. И она сказала:

— Оставьте куницу у моих ног, я оторочу ее мехом свое платье.

И принялась за поиски Сасрыквы. Направила она зеркало на небо, на солнце, и луну, и звезды. Обшарила горы и реки, леса и моря. Искала в земле и под землей, в воде и над водой. И не нашла!

К вечеру, выбившись из сил, сказала княжна:

— Выходи, парень, где бы ты ни был!

Нарт Сасрыква вспорол шкуру и предстал перед княжной. Невозможно и рассказать, как разозлилась княжна. Она погнула свое зеркало и выбросила. Она кусала локти и рвала на себе волосы. Княжна не могла простить себе того, что парень лежал у самых ее ног, а она прозе-вала его.

Сасрыква собрал народ и сказал так:

— Зеркало не будет больше служить этой княжне, да и потеряло оно свою силу. Жениться на такой — позор. Я отдаю ее вам на справедливый суд. И не будет отныне горя и слез на вашей земле.

С тем он и простился и отправился к себе домой.

Как приятно возвратиться под родной кров после столь удивительных приключений, о которых впору только в сказках рассказывать!

26

ПОБЕДИВШИЙ ГУНДУ

Гунда Прекрасная, как известно, славилась не только своей красотой, но и несравненной силой. И мужа желала себе тоже сильного. Ведь Гунда дала обет не выходить за того, кто слабее ее.

Мужчины тех мест, откуда восходит солнце, и мужчины тех мест, куда заходит солнце, домогались ее руки. Они являлись к Гунде Прекрасной, но ни один из них не смог победить ее. Гунда валила их наземь, словно маленьких. Побежденные убирались восвояси с позором: она клеймила их спины или отрезала им уши. И уши те выставляла на плетне. Девяносто девять безумцев поплатились своими ушами и своими спинами.

Слава о Гунде Прекрасной докатилась до самого дальнего запада. Прослышал о ней могучий герой Хважарпыс. И тоже примчался сватать Гунду.

Она приветливо встретила его, однако предупредила:

— Оставил бы ты это дело. Разве не известен тебе мой обет? Погляди, это уши безумцев! Пусть лучше красуются они на положенном месте, а не на этом плетне!

Стал перед Гундой Прекрасной герой из героев Хважарпыс и сказал так:

— Сдается мне — я мужчина и не вернусь домой с пустыми руками. Не признаю себя побежденным женщиной... Что долго говорить, давай бороться.

Гунда Прекрасная ответила ему:

— Ну что ж, выходи, если уж решил бороться. Однако знай: до сотни недостает всего лишь одного уха. Если коснешься земли, пощады тебе не будет.

И борьба началась.

Гунда Прекрасная схватилась с Хважарпысом. Обвили они друг друга руками так, что кости затрещали. Они дышали так тяжело, что от дыхания их деревья гнулись в ближнем лесу. Они вспахали все поля своими ногами. Земля под ними дрожала. Даже солнце остановилось, заглядевшись на героев.

Долго боролись они, и вот наконец обнял ее Хважарпыс богатырским объятием, поднял над землей и закружил, закружил. И кинул наземь ту, которую никто не мог победить.

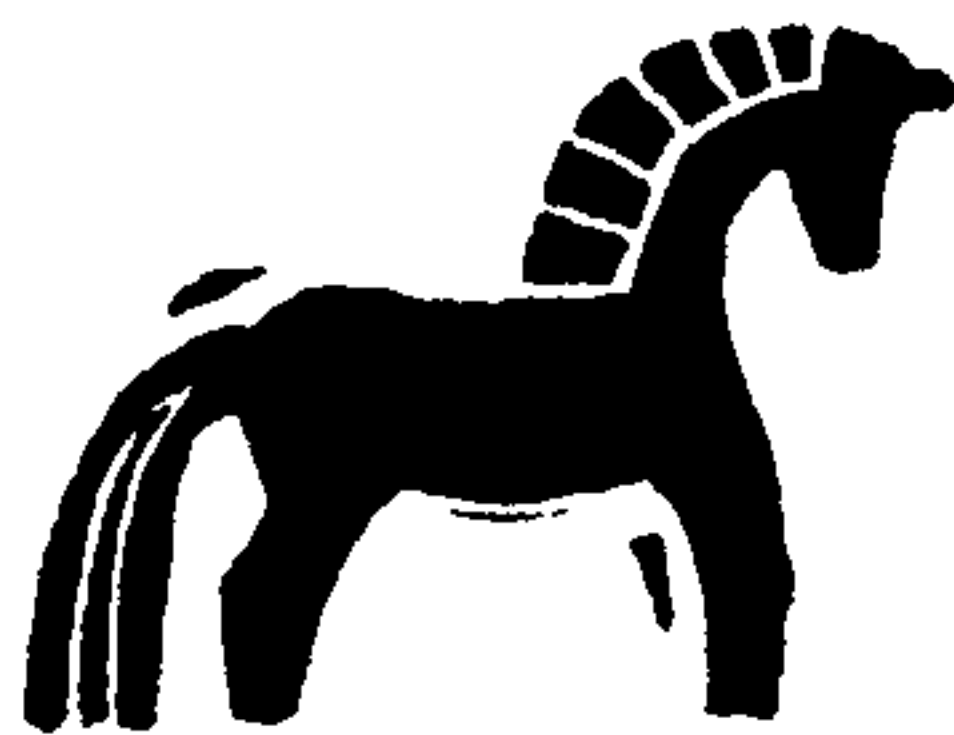
Да, Гунда Прекрасная оказалась побежденной. И слух об этом прошел далеко-далеко. Нарты сказали:

— Наша сестра побеждена. Зато мы приобрели достойного шурина.

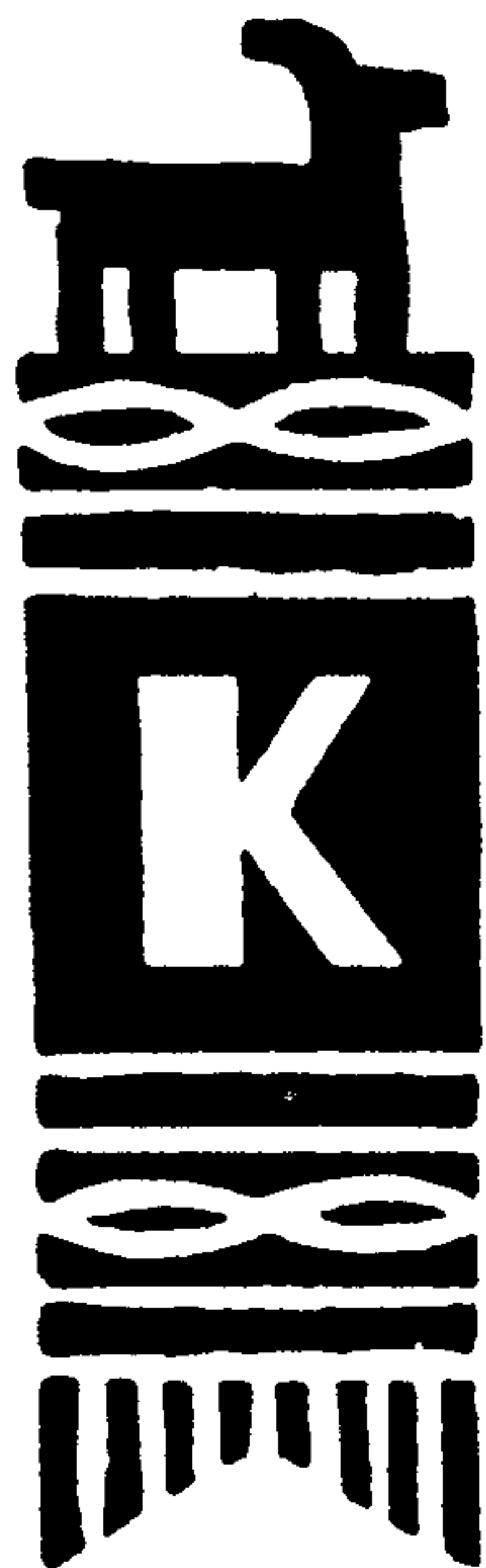
Радовалась и Сатаней-Гуаша. Она говорила:

— Моя дочь теперь будет женой героя из героев.

У матери нартов был припасен жирный бык. Его-то она и зарезала и гостей позвала на пир. И сосватал Хва-
жарпыс единственную сестру великих нартов — Гунду
Прекрасную.

**ПОЧЕМУ НАРТЫ ПОШЛИ
ПОХОДОМ НА ВЕЛИКАНОВ**

как будто бы все было у нартов. Все — да не все. А где же виноград? Где вино?

Не было вина, ибо не было и винограда.

А яблоки? А персики? А инжир и черешня?

Не было всего этого, и нарты огорчались.

А вот у великанов все это было. Росли у них и виноград, и яблоки, и персиковые деревья, инжир и черешня. Но ни с кем не делились великаны. Разве могли составлять исключение нарты?

А нартам до смерти хотелось вырастить у себя виноградную лозу и яблоню, персиковые деревья, инжир и черешню. Иметь их столько, чтобы всем хватило плодов, чтобы могли наслаждаться все апсуа, все апсуа и другие племена — близкие и дальние.

Великаны враждовали с нартами.

Это была смертельная вражда. И не могли нарты надеяться на то, что великаны предложат им великодушно семена плодов. И не могли даже подумать, что великаны захотят выслушать просьбу нартов, просьбу апсуа или иных племен — близких и дальних. Только сила могла подействовать на великанов! Только война!

Три года подряд ходили нарты походами на великанов. И все напрасно!

А когда нарты собрались в четвертый раз, Цвиц попросил их:

— Возьмите и меня с собой.

Нарты сказали:

— Нельзя, чтобы дом оставался без присмотра. Нельзя, чтобы мать была одна в доме без мужчины.

О чем говорить? Разве не ясно, что нарты хотели обойтись без Цвица?..

— Когда же вы вернетесь? — спрашивает Цвиц.

— Будем живы — через три месяца.

И нарты двинулись в путь.

Месяц шел за месяцем. На исходе четвертого вскочил Цвиц на коня и отправился к великанам. А навстречу ему нарты.

— Что случилось? — спрашивает Цвиц.

— Возвращаемся ни с чем, — отвечают нарты.

— Вот так герои! — восклицает Цвиц, горяча огнеподобного коня. — Назад, сейчас же назад! Нельзя возвращаться ни с чем!

И Цвиц устремился вперед, как стрела, как ястреб.

Что делать нартам? Они последовали за ним.

И вот герои снова у стен той самой крепости, за кото-

рой укрылись великаны. Перед нартами — стена, а в стене — железные ворота.

Цвиц говорит:

— Поставьте впереди себя Сасрыкву. Стойте здесь, у ворот. Будет буря. Будет гром. Засверкают молнии. Но пусть не дрогнут ваши сердца! Пусть минует вас страх и малый и великий, ибо откроются ворота и вы должны будете разить великанов, но не чем-нибудь, а шашками. Только шашками!

И он куда-то скрылся.

Как и предсказывал Цвиц — поднялась буря. Как говорил он — загрохотал гром и засверкали молнии.

Вот железные ворота как бы сами собой распахнулись. И тут-то появился Цвиц. Шашка у него наголо.

— Герои-нарты, вперед, вперед! — кричит Цвиц.

И мчится, как стрела, как ястреб на дыпленка. А за ним — нарты.

Что делать, когда неожиданно сваливается на голову камень? Куда бежать, если вокруг огонь? Великаны с трудом понимают, что случилось. Полетели головы с непокорных. Оставшиеся в живых складывают оружие, преклоняют колени.

Смотрят нарты: вокруг благоухающие деревья. На них — плоды. Плоды эти так и тают во рту. Виноград и яблоки, персики, инжир и черешня... Чего только нет!

Взяли нарты плодов от каждого дерева и с победной песней повернули восвояси.

Они условились, где какому расти дереву. И во всем царило согласие, пока не дошло дело до виноградной лозы.

Одни сказали:

— Пусть повсюду растет.

Другие добавили:

— Пусть растет и поит нас своим соком.

А третьи:

— Опасайтесь лозы!

Цвиц сказал:

— Тот, кто будет не в меру пить ее сок, пусть бегится, словно Сасрыква, выведенный из терпения. Кто же будет пить его в меру и с достоинством — пусть походит на меня, когда я веселюсь и веселю других.

Его слова стали заклятием. И заклятие это по сей день тяготеет над соком, что родит виноградная лоза. А плоды, которые зреют осенью на деревьях в Апсны, ведут начало от тех плодов, что выросли у нартов.

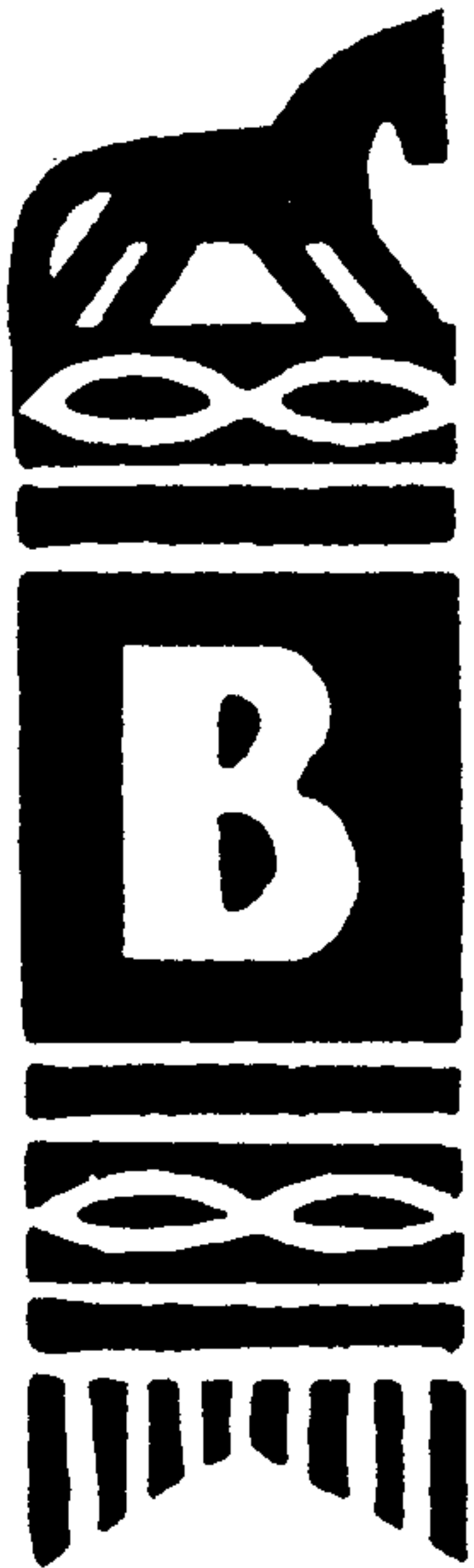
А до того Апсны не знала подобных плодов.

Разве не доброе было сделано дело?

ВЕЛИКИЙ КУВШИН

иноградники нартов были обширны, славились обильными урожаями. Виноделием занимался нарт Сит. Он знал свое дело как никто другой.

Хранилось вино в глиняных кувшинах. По ту и эту сторону Кавказского хребта, пожалуй, нет места, где бы люди не находили в земле остатки нартских кувшинов. В них очень удобно было держать вино: со временем оно делалось ароматным, точно земляника, долго сохраняло свежесть и вкус винограда.

Кувшины были разной величины. Те, которые побольше, имели собственные имена: Вадзамакят, Хямхуа, Авадзакят, Агдзакят. Самым большим, великим кувшином

считался Вадзамакят. Он вмещал шестьсот обычных нартских кувшинов, употребляемых для воды.

Надо сказать, что Вадзамакят не был простым глиняным кувшином. Он отличался свойствами, тайна которых не раскрыта до сей поры. Следует знать, что Вадзамакят изготовили особым способом. Как и кем — это тоже неизвестно. Вино Вадзамакята обладало особой силой: выпив его, нарты становились еще более могучими. Говорят, что клали в этот кувшин разрубленную красную змею. Но где водится эта змея — никому не ведомо. Вот еще одно удивительное свойство Вадзамакята: сколько ни черпай вина из него — оно не убывало.

Все это, разумеется, создало великую славу этому нартскому кувшину. Если нарты поклялись возле него — значит, так тому и быть: никакого отступления! Да, священный был кувшин этот Вадзамакят!

Великий кувшин был зарыт в самом сердце Кавказских гор — на Клухорском перевале. Правда, иные утверждают, что не на Клухорском, а Нахарском. Но об этом можно поспорить.

Как ни дружили между собой нарты, как ни были они спаяны родственной кровью, но пошло меж ними это самое «мое-твое». Пришлось им поделить отцовское добро и разграничить это «мое-твое». Что делать? — такова жизнь.

Сасрыква сказал так:

— Я ничего не хочу из отцовского добра — дайте мне только Вадзамакят. И ничего другого я и не возьму!

Скажу прямо: каждый из нартов хотел того же самого, Сасрыква лишь опередил их. После его слов никто не обмолвился о кувшине, но и отдать его младшему брату тоже никому не хотелось.

Одним словом, Вадзамакят стал причиной горячих споров. Спорили день, спорили два. Долго спорили братья.

И вот Сасрыква сказал:

— Давайте решим дело так: пусть каждый из нас расскажет о своих подвигах. Самый удивительный подвиг заставит заклокотать вино в Вадзамакяте. Тому и достанется кувшин.

Говоря это, Сасрыква был убежден, что кувшин достанется именно ему, ибо кто из братьев мог сравниться с ним геройскими подвигами?

Первым стал возле кувшина старший из братьев — Сит. Он долго рассказывал о своих подвигах, но вино и не думало клокотать. Вслед за ним его место по старшинству занимали остальные нарты, но вино оставалось спокойным, как молоко в глиняной посудине.

Пришел черед Сасрыквы. Он занял место своих братьев и с пылом рассказал о своих подвигах. Воистину это были геройские подвиги! Рот разинешь, слушая о них, обо всем на свете позабудешь.

Но вот незадача: не заклокотало вино. Ничего, кроме обычного шипения, вызываемого крепостью самого вина.

Сасрыква огорчился, очень огорчился!

Здесь же, недалеко от кувшина, стоял работник нартов по прозвищу Бжеиква-Бжашла, что означает Полу-черный-Полуседой. Мужественным был этот человек, больше того — он был героем. Но никто не знал об этом, кроме матери нартов великой Сатаней-Гуаши.

Сатаней-Гуаша сердцем чужала беду, угрожавшую ее сыновьям в дни многотрудных походов. И тогда она вызывала Бжеикву-Бжашлу, окрашивала всю его одежду, лицо, ноги, руки наполовину в белую, наполовину в чер-

ную краску и посылала на подмогу сыновьям. Исполнив свой долг, не открывая своего имени, Бжеиква-Бжашла возвращался домой. Так и не знали нарты, кто их тайный друг...

Видит Бжеиква-Бжашла, что никому из нартов не достается Вадзамакят. И обратился тогда он к братьям:

— Дайте и мне слово сказать.

Нарты удивились:

— Тебе слово? Да что ты можешь сказать? Ну, если не лень — говори.

И Бжеиква-Бжашла начал так:

— О великие нарты, вспомните, как однажды собрались великаны со всех концов света, чтобы погубить вас. Они устроили засаду в горах, с нетерпением ждали вашего появления. Вы оседлали своих огнеподобных коней и смело вышли в поход. Вас не остановили укрепления, построенные великанами. Вы храбро бросились на врага. А иначе вы не были бы нартами! Бились вы долго. Кровь великанов лилась рекой, но их было множество, и они окружили вас, зашли к вам с тыла. Смертельная опасность угрожала вам, и в эти мгновения дрогнуло сердце вашей матери. Сатаней-Гуаша позвала меня и сказала так: «Жизнь моих сыновей на волоске. Нельзя мешкать, надо спешить на помощь. Прояви мужество, Бжеиква-Бжашла!» Не раз приходилось мне оказывать вам поддержку в битвах. Разве мог не внять я просьбе Сатаней-Гуаши и на этот раз? Я перекрасил свою одежду, чуваки, лицо и руки в черно-белый цвет и стал получерным-полуседым. Двинулся я в путь и повстречал великана на коне. Он стал наседать на меня, но огнеподобный конь его вздрогнул, остановился, застыл на месте. А великан прикрикнул на него. «Кого ты испугался? Если Бжеикву-Бжашлу, то

не родился он еще, а если и родился, то не созрел для битвы, а если даже и созрел, не посмеет явиться сюда!» И великан пришпорил своего огнеподобного коня. А я ему в ответ: «Я и родился, и созрел для битв, и явился сюда! Давай сражаться, коли в тебе сила мужа!» Мы бросились друг на друга с шашками наголо. Без особого труда одолел я его и пошел дальше... Слышу: словно гром грохочет. Вижу: едет младший брат убитого великана, но посильнее и пострашнее старшего. Я выскочил на дорогу, и огнеподобный конь великана застыл от испуга, он стал точно каменный. А великан прикрикнул на него: «Кого ты испугался? Если работника нартов Бжеикву-Бжашлу, то не родился он еще, а если и родился, то не созрел для битв, а если даже и созрел — не посмеет явиться сюда!» И он пришпорил своего огнеподобного коня. А я ответил: «Я родился и уже окреп, явился сюда и своих нартов ищу. Наверное, их задержал этот валяющийся без головы твой брат!» И мы бросились друг на друга с шашками наголо, и молнии заблестали вокруг. Я одолел его, отсек ему голову и двинулся дальше. И вот тут-то я увидел такое, чего никогда не видел: мне навстречу ехал на огнеподобном коне младший брат двух мертвых великанов. Земля под ним дрожала и трескалась. Конь его, огнеподобный, при виде меня застыл на месте. Великан прикрикнул на него: «Ах, чтоб тебя волки изодрали! Если ты боишься Бжеикву-Бжашлу, то не родился он еще, а если и родился, то не созрел для битв, а если даже и созрел, что он против меня?!» И вонзил он в коня шпоры. Я ответил: «Родился я и окреп и даже успел явиться сюда, чтобы отомстить за нартов. Покажи мне свое мужество!» И мы бросились друг на друга с шашками наголо. Гром и молния были меж нами, земля

качалась, подобно колыбели. Я напрягал все силы. С великана струился пот, и вокруг нас образовалось целое озеро. Он выстрелил в меня — и стрела оторвала ногу. Выстрелил в него я — и сорвал с него голову. Я победил!.. Осмотрелся вокруг, привязал свою ногу поплотнее, выбрался из озера, вспорол брюхо огнеподобному коню великана, и улегся в брюхе, и, засыпая, подумал: здесь меня никто не найдет, да и нога скорее приживется к месту... Пролежал я в брюхе коня три дня и три ночи. Выспался, отдохнул, и рана тем временем зажила. На четвертый день направился к вам. Великаны, узнав, что главари их убиты, пали духом. Мы разбили их и отправились домой... И вот пред вами я — Бжеиква-Бжашла, пред вами и Сатаней-Гуаша, которая не даст мне соврать!

Едва выговорил работник нартов последние слова, как заклокотало вино в кувшине Вадзамакят, словно разложили под ним огонь.

Нарты очень удивились. А разгневанный Сасрыква, напрягая силы, вытащил из земли кувшин Вадзамакят. И он сказал так, обращаясь к кувшину:

— Ты повинен в наших раздорах. Не будет тебя — не будет и споров меж нартами!

И он столкнул кувшин с перевала в сторону Апсны. И покотился Вадзамакят, и разбился он вдребезги в середине Апсны.

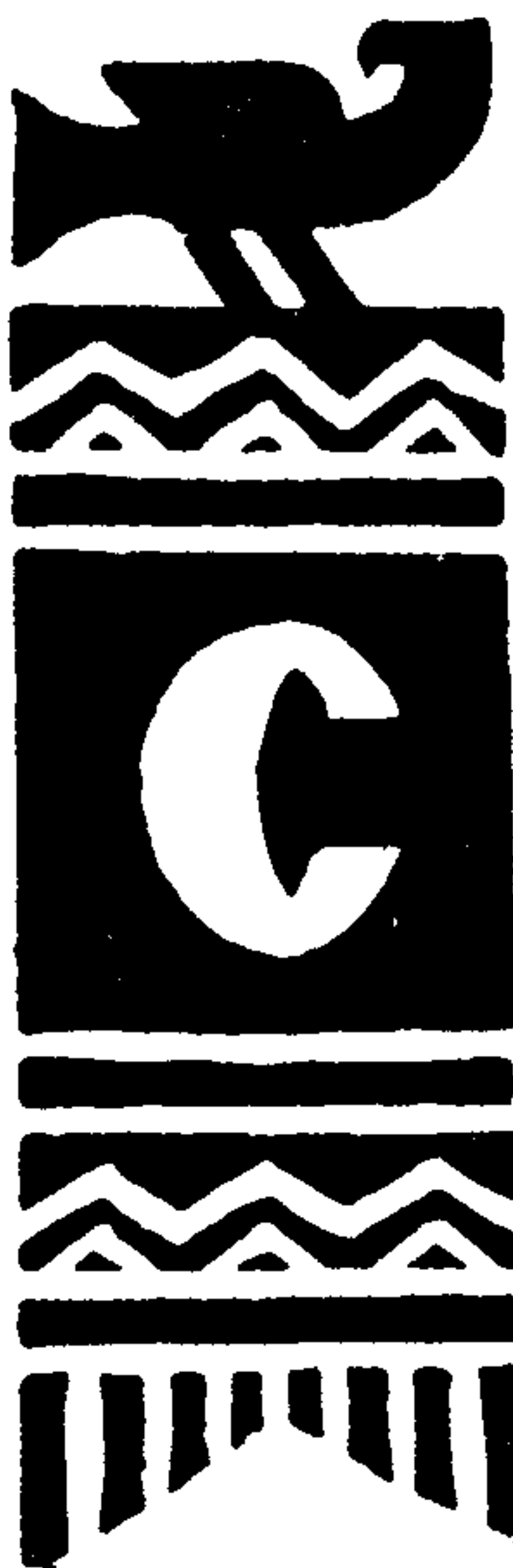
Так завершился этот спор о великом кувшине нартов.

На дне Вадзамакята оставались виноградные косточки. Эти косточки рассыпались по земле Апсны, и выросли из них виноградные лозы. И назывались они нартскими лозами. Не было в мире вина лучшего, чем вино, добываемое из нартских лоз, но — увы! — выродился этот виноград, нет его больше в Апсны.

29

ПОЕДИНОК С АЛТАРОМ ТОЛУМБАКОМ

лава великого Сасрыквы росла и росла. И нельзя сказать, что это обстоятельство очень радовало его братьев. Однако что поделаешь? Трудно добывать славу, но уж если добудешь ее, то не удержишь: пойдет она гулять по белу свету, словно вольный ветер!

Мы знаем, Сасрыква выбрался из бездонной пропасти живым и невредимым. Ни царапинки на нем! Это встревожило братьев. И они были вынуждены время от времени выбирать его своим вожаком в походах. Затаили они гнев против своего младшего брата. Если бы увидели нарты, что брат их тонет в реке, то, не задумываясь, подлили бы своей собственной крови, чтобы потопить Сасрыкву.

А Сасрыква совершал поход за походом. Даже седло

с коня почти никогда не снимал. А сам хозяин редко снимал с себя одежды, чтобы отдохнуть как следует.

Молодой нарт добывал себе славу — одну краше другой! Имя его славил народ...

И вот Сасрыква начал хвастать. Сначала будто бы невзначай, а затем — все чаще. В свою забаву сбивал стрелой яйца, которые держала над головой Сатаней-Гуаша. Так он забавлялся каждое утро. И все хвастал. Тогда Сатаней-Гуаша сказала:

— Не хвастай, сын мой! Есть на свете герои, которые во сто крат сильнее тебя!

Он, сказать по правде, не ждал этих слов. Призадумался Сасрыква. Умыл лицо и руки. И произнес такую клятву:

— Не вернусь домой до тех пор, пока не встречу героя сильнее себя!

Тут же вскочил на коня и вылетел за ворота.

Сначала мчался он вдоль берега моря, подобно серне. Но не встретил никого. Затем направился в горы. Рыскал по хребтам и лощинам, подобно барсу. Но и здесь никого не встретил...

И снова спустился на ровное место.

Вот летит он, и бурка на нем развевается. Летит подобно ворону! И вдруг в Табарде заметил всадника.

Всадник тот приближался к Сасрыкве, но как! — камни летели из-под копыт его коня, точно звезды, топот конский гремел — точно гром, а плеть рассекала воздух подобно молнии. И конь велик, и всадник велик!

«Куда он направляется?» — подумал Сасрыква.

Как так — куда?! Как и положено настоящему герою — навстречу Сасрыкве! Едет и не сворачивает в сторону!..

Сасрыква уступил дорогу и сказал:

— Добрый день!

К его удивлению, всадник вроде бы и не заметил нарта.

Сасрыква повернул коня, опередил всадника и снова поздоровался с ним. Ответа не последовало. Но когда нарт проделал то же самое еще раз — незнакомый всадник остановился и с удивлением стал рассматривать Сасрыкву, точно диковинку.

А потом без особой почтительности посадил Сасрыкву к себе в нагрудный карман, коня его связал и повесил за своим седлом, точно курицу. И все это всадник проделал, не слезая с коня, который мчал его вихрем...

На равнине Табарды росла дикая груша. В тени ее любил отдыхать незнакомец, встречу с которым Сасрыква не мог забыть до конца своих дней.

Вот уж и жаркий полдень... Вот уж и к дикой груше подъехали... Всадник-великан спешился возле нее, снял с седла Бзоу и положил на траву, а коня своего отпустил пастись. Сам же, подложив седло под голову, собирался поспать.

И в это время Сасрыква подал голос:

— Все-таки, как бы я ни выглядел в твоих глазах, считаю себя человеком достойным. Прошу тебя, не засыпай, пока я нахожусь в твоём кармане.

— Черт возьми, — вскричал великан, — чуть было не позабыл о тебе! Кто ты? Откуда?

— Сказать по правде, — отвечал нарт, — зовут меня Сасрыква. Не знаю, приходилось ли тебе слышать такое имя? Я дал себе клятву не возвращаться домой, пока не встречу человека сильнее себя.

Великан без труда вытащил Сасрыкву из нагрудного кармана и сказал:

— Эх, ошибся ты, несчастный! Не только тебя, но и меня могут превзойти и в силе и в ловкости.

Затем развязал путы на ногах Бзоу, оседлал его и посадил ему на спину Сасрыкву.

— Езжай на все четыре стороны, герой Сасрыква...

Что еще оставалось делать молодому нарту? Поехал на все четыре стороны, убедившись в том, что перед незнакомым всадником он оказался бессильным младенцем.

Никогда еще столь печальным не возвращался к себе домой нарт Сасрыква. Мать тотчас догадалась, что с сыном произошло что-то недоброе.

Сасрыква направился в свою комнату и грохнулся на нары.

Мать принесла ему еду — он отказался есть. Сатаней-Гуаша принялась упрашивать его, но тщетно: сын был слишком расстроен, чтобы есть даже из материнских рук.

Не притронулся к еде Сасрыква и на другой день. И даже на третий!.. Видит мать, решил сын уморить себя голодом.

— Что с тобой приключилось? — спросила его Сатаней-Гуаша.

— То, что ты и предсказывала, — мрачно ответил сын. — Я встретил человека во много раз сильнее меня. И пока не решу, как одолеть его, — к еде не притронусь.

Вот проходят пять дней... Сатаней-Гуаша опять приступает к сыну:

— Пока придумываешь — ноги протянешь. Ну поешь хотя бы чуть-чуть.

— Наверное, протяну ноги, — отвечает сын.

— Скорее всего придется мне придумать что-нибудь, — говорит Сатаней-Гуаша.

— Поклянись, что ты так и поступишь,— и тогда я поем,— говорит Сасрыква.

Сатаней-Гуаша клянется:

— С нынешнего дня я берусь придумать способ, с помощью которого ты сможешь победить врага своего.

На душе у Сасрыквы полегчало, он поел досыта и набрался сил.

А Сатаней-Гуаша тем временем наладила свой ткацкий станок и принялась ткать. И соткала она попону для коня Бзоу. Попона была не обычная, а разноцветная. И были на ней вытканы узоры красные и желтые, белые, синие и черные.

Сатаней-Гуаша постирала попону, расстелила ее на крыльце, сровняла концы и вывесила на солнце. Вот когда заиграла попона всеми цветами!

Затем мать ста братьев достала с чердака старый нартский котел и пошла к Айнару-кузнецу.

— Эй, золоторукий Айнар-кузнец! — позвала она.

— Я здесь, Сатаней-Гуаша, — ответил он.

— Вот из этого котла смастери колокольчики — большие и малые. В нужное время они должны звенеть так, чтобы ухо человеческое не выдерживало их звона.

— Я понял тебя, — сказал Айнар-кузнец.

И принялся за дело. Работал усердно. Работал быстро. И вскоре готовы были колокольчики — большие и малые. Айнар-кузнец принес их Сатаней-Гуаше. Она поблагодарила его и позвала своего сына.

— Сын мой, — сказала она Сасрыкве, — седлай своего огнеподобного коня.

Сасрыква вывел во двор коня Бзоу. Сатаней-Гуаша покрыла коня попоной, а колокольчики привесила к ее

краям. Нарт оседлал коня и оборотился к своей матери, которая сказала так:

— Садись на коня и езжай. Пусть звенят эти колокольчики! Твой конь привыкнет к их звукам. Но когда ты достигнешь равнины Табарды — того места, где растет дикая груша, собери траву зеленую и вложи ее во все колокольчики, чтобы они не звенели. Тот всадник-великан обязательно примчится к дикой груше. Найди дорогу, по которой он поедет. И вырой яму на той дороге, но не глубокую, и стань в нее так, чтобы ты и конь твой были видны. Когда тот всадник приблизится к тебе, вынь траву из колокольчиков — больших и малых, и с гиканьем бросайся на всадника. Колокольчики — большие и малые — своим звоном наведут ужас на коня, непривыкшего к таким звукам, а разноцветная попона заставит его шархаться из стороны в сторону. И конь тот взовьется кверху и понесется назад — туда, откуда прибыл... Однако всадник-великан не из робкого десятка. Он не пожелает показать тебе спину, всеми силами будет пытаться остановить коня своего. Изю всех сил будет натягивать узду. И когда рванет ее — у коня отвалится нижняя челюсть. И невозможно будет остановить коня!.. И тогда, улучив минутку, пришпорь своего Бзоу и бросайся на противника. Я прошу только об одном: можешь оскорбить всадника, можешь поиздеваться над ним, но ни в коем случае не убивай его!

Так говорила Сатаней-Гуаша.

И Сасрыква, внимательно выслушав ее, тут же вскочил на коня и, словно ветер, помчался к равнине Табарды.

По всей земле разнесся звон колокольчиков — больших и малых. От звона их человек мог оглохнуть в одно мгновение. Слышавшие этот звон, не могли понять, откуда он. Многие полагали, что звенит само небо...

Так мчался Сасрыква, пугая все живое, оставляя позади себя горы, долины и леса. Вот скоро покажется равнина Табарды! Зорко глядит во все стороны молодой нарт: не появится ли кто?..

И он поступил так, как советовала ему мудрая Сатаней-Гуаша: и травы нарвал, и той травой обвязал язычки колокольчиков — больших и малых, и яму вырыл, и стал вместе с конем в ту яму...

Вскоре там, где небо сливается с землею, показался всадник. Всадник все ближе и ближе! Из ноздрей коня пар идет, и от того пара сохнет трава на равнине. Бока у коня поджарые, словно у куницы. Мчится конь легко-легко, как степной ветерок.

Всадник все ближе... Все ближе всадник!.. И вот с гиганьем бросается на него Сасрыква. Колокольчики — большие и малые — нестерпимо звенят, на солнце неистово сверкает разноцветная попона, от которой рябит в глазах...

Два врага, обнажив шашки, бросаются друг на друга, точно зубры.

Заржал огнеподобный Бзоу...

И случилось так, как предсказала Сатаней-Гуаша: конь под тем всадником не выдержал, шарахнулся в сторону. А когда всадник-великан попытался было изо всех сил натянуть узду — нижняя челюсть у коня отвалилась. И конь вышел из повиновения!

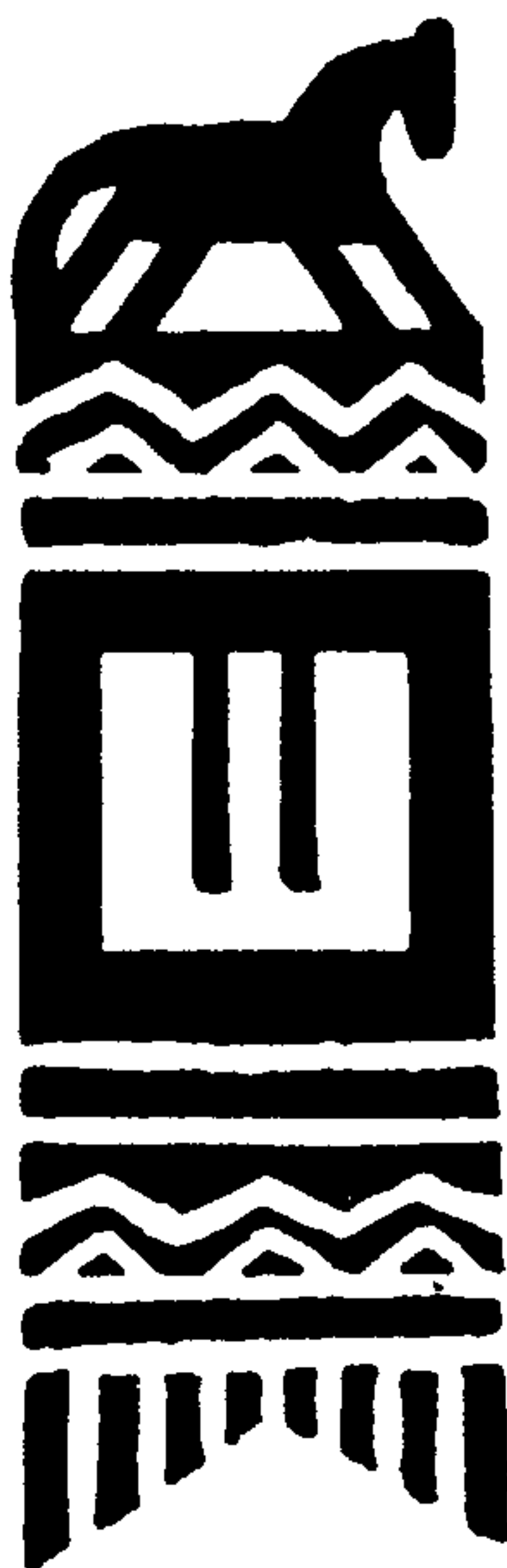
Тогда Сасрыква прищпорил своего Бзоу. И нагнал противника посредине равнины Табарды. Размахнулся Сасрыква шашкой и отсек голову вражьему коню. И — о, ужас! — конь поскакал без головы, унося на себе всадника-великана.

Так был посрамлен незнакомец, звали которого Алтаром Толумбаком...

30

СИЛЬНЕЕ СИЛЬНОГО

ло время, Сасрыква оставил свои прежние забавы, и матери казалось, что сын возмужал. Однако отыскалась новая забава.

Рано утром, выкупав Бзоу, Сасрыква поднимал скамью, на которой умещались все столбчатые, и перекидывал ее через дом. Пока летела скамья, Сасрыква успевал перебежать на задворок и там ловил ее. Это повторялось трижды.

А потом, бывало, поставит скамью на место, усадит на нее мать и, подбоченясь, опять спрашивает:

— Правда, я сильный? Есть ли кто сильнее меня?

Снова мать вышла из себя и сказала:

— Забыл ты, Сасрыква, что живут на свете люди и посильнее тебя!

И тут она грохнулась на скамью и разломала ее. Под-

нялась, рассерженная донельзя, и, ударившись головою о железный брус, погнула его.

— Если ты не хвастаешь попусту, — воскликнула Сатаней-Гуаша, — иди вот этой дорогой, и ты снова увидишь того, кто сильнее тебя!

Не говоря ни слова, нарт вскочил на коня и отправился в путь.

Скакал он по той дороге ровно пятнадцать дней, а на шестнадцатый увидел пахаря, пахущего поле. Пахарь был невероятного роста, был он однорукий, могучий.

— Добрый день! — крикнул Сасрыква, почтительно привстав на стремянах.

Но пахарь не расслышал его слов. Он продолжал пахать, выворачивая глыбы величиною с добрый дом.

— Благодарного труда тебе и семье твоей! — снова крикнул Сасрыква.

Однако пахарь и на этот раз не расслышал его. Тогда Сасрыква огрел коня плетью и помчался навстречу неучтивому пахарю. Увидев всадника, пахарь накрыл его глыбой земли величиною с добрый дом и продолжал свою работу.

В полдень пришла к нему жена, принесла еду в железной миске. Была эта миска не меньше амбара, в котором хранят кукурузу.

Наевшись, пахарь сказал жене:

— Да, чуть было не позабыл. Здесь у меня припрятана забава для детей. Это какой-то жалкий абхазец. Заклинаю тебя нашей верой, возьми его с собой!

С этими словами он отбросил глыбу величиною с добрый дом и передал Сасрыкву вместе с его конем жене. Та посадила нарта в миску и без труда понесла домой лесной тропою.

По дороге Сасрыква уцепился за встречные ветки и, накрепко обхватив коня коленями, выскочил из миски. Очутившись на воле, конь Бзоу понесся быстрее ветра.

Вот скачет Сасрыква во весь опор и видит аробщика. Это был не простой аробщик, был он громадный, ростом с того самого пахаря.

— Да приумножится твое добро! — сказал Сасрыква.

— И тебе того же самого! — ответил аробщик. — Однако что же случилось? Я вижу, ты торопишься, необычайно торопишься.

Сасрыква признался:

— К чему скрывать? Я побаиваюсь за себя. Вот-вот нагонит меня враг. Если это возможно — дай мне укрыться где-нибудь понадежнее.

— Полезай сюда, — сказал аробщик, приподняв миску, которая стояла на арбе вверх дном.

Недолго думая полез Сасрыква под миску. Вместе со своим конем.

Вот догоняет пахарь аробщика.

— Я ищу одного жалкого абхазца, — говорит он, обращаясь к аробщику. — Не видал ли ты его?

Аробщик отвечает:

— Как же не видел, если он у меня в миске сидит?

— Отдай его мне, — говорит пахарь. — Он мой.

Аробщик и в ус себе не дует.

— Ты слышал поговорку: «Не в свою миску не лезь». Убирайся отсюда, пока цел!

И началась тут драка: пахарь сцепился с аробщиком. Покатились они по земле, вздымая клубы пыли.

Пахарь одолел аробщика, подмял его под себя и кричит Сасрыкве:

— А ну, поди-ка сюда!

— Не могу! — отвечает Сасрыква. — Я же в миске!

Толкнул пахарь ногою миску, перевернул ее, и Сасрыква вместе с конем вывалился на землю.

— А теперь, — говорит пахарь, — вырви у меня волос из бороды, и я свяжу этого старого великана.

Но как ни силился Сасрыква вырвать волос из бороды пахаря, так и не смог. Вот не смог — да и все!

— А еще мужчиной называешься и носишься по белу свету, — с укоризной сказал пахарь, сам вырвал волос и связал тем волосом аробщика.

Затем встал, отряхнулся, запросто отправил Сасрыкву вместе с его конем в карман своего архалука и направился домой...

Что говорить? Служил великий нарт забавой детям пахаря, они играли им, как мячом, передавая один другому.

Спустя день, когда возвратился пахарь с поля, Сасрыква сказал ему:

— Послушай, почему ты так невежливо обращаешься со своим гостем? Я же нарт Сасрыква, и тебе следует быть со мной поучтивее...

— Умереть мне! — воскликнул пахарь. — Как же это так случилось, что я не узнал тебя?!

Он позвал своих братьев, и они вместе с нартом пили вино до самого утра.

А утром сказал Сасрыква пахарю:

— Я открылся перед тобой и назвал свое имя. Скажи, кто ты, который сильнее самого сильного?

— Эх, Сасрыква, Сасрыква, — ответил пахарь. — Да разве я самый сильный? Ужель ты думаешь, что нет человека сильнее меня? А вот послушай и реши сам... Как-то я с моими товарищами отправился в горы. Там застигла

нас непогода, и мы укрылись в пещере. Пещера оказалась глазом бараньего черепа. А поблизости пастух пас стадо, у него была собака, и она, та самая собака, притащила в зубах этот череп своему хозяину. Разумеется, вместе с нами. Пастух, раздосадованный глупой выходкой собаки, забросил череп в овраг, словно камешек. При падении мои товарищи погибли. Я же чудом спас свою душу, но остался без руки. Вот где человек сильнее нас с тобой!

— Да,— задумчиво произнес нарт,— тот человек необычайной силы...

— Вот ты и задумайся теперь,— посоветовал нарту пахарь-великан.

Простился с ним Сасрыква и поехал назад, к своей великой матери...

Представь себе, в каком он возвращался настроении. Что скажет он Сатаней-Гуаши? Как ей на глаза покажется?

С тех пор перестал похвально своей силой нарт Сасрыква, ибо понял он, что всегда найдется тот, кто сильнее сильного.

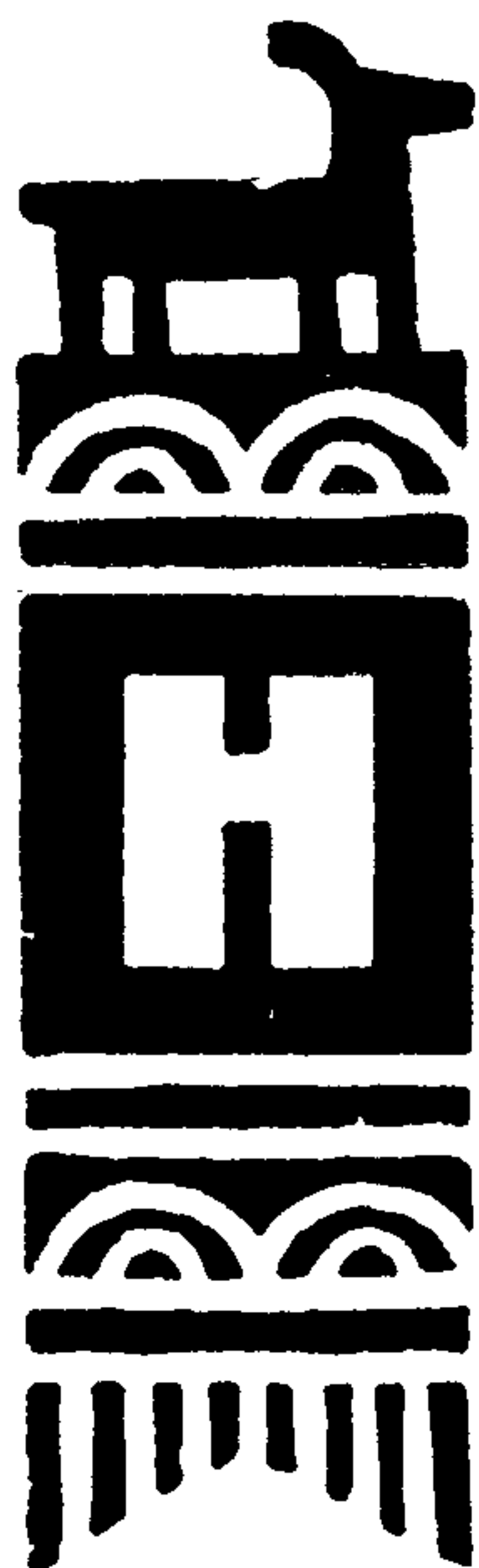
С той поры и начал по-настоящему мужать великий нарт.

31

**НЕСРАВНЕННАЯ НЕВЕСТКА
НАРТОВ**

еприступна была вершина, на которой жили братья из племени аиргь. Еще неприступней был их дворец, воздвигнутый из птичьих костей на этой вершине.

Один лишь ветер долетал до стен дворца, ветер да солнечные лучи и тучи небесные. В ненастные дни дворец казался серой тучей среди серых туч. А в безоблачный день он голубел на голубом небе и трудно было глазу различить его голубизну.

В этом-то дворце и жила красавица, сестра семи братьев аиргь. Невозможно описать лицо ее, сверкавшее точно месяц, ее походку, напоминавшую бег лани, и стан ее — стан молодой серны. Первородная красота ее казалась вечной.

Добрая слава о сестре братьев аиргь разнеслась во все стороны света. И не удивительно, что в один прекрасный

день, оседлав своих коней, направились ко дворцу братьев аиргь нарт Сасрыква и герой Нарджхоу.

Ехали витязи разными путями. Но мысли их были сходными. И не мудрено, что сошлись их дороги.

Разве надо было объяснять им, куда и зачем едет каждый из них? Куда же могут стремиться молодые и сильные, как не к сестре братьев аиргь?

Встретившись, они обнажили шашки. Они обнажили их ради предосторожности. Узнав друг друга, они протянули руки в знак дружбы и отправились дальше, к цели своего путешествия.

Доподлинно неизвестно, сколько дней и ночей ехали витязи. Известно одно: прибыли они к подножию высокой и желтой скалы. Отсюда заметили они яркий луч на вершине горы, которая высилась совсем рядом. И они догадались, что находятся неподалеку от дворца семи братьев аиргь и что это она, сестра их, излучает свет своего мизинца, приветствуя братьев, возвращающихся с добычей, приветствуя их и освещая им путь.

В то время как витязи стояли у подножия скалы и любовались ярким лучом, исходящим из дворца, братья аиргь въезжали во двор с победной песней и богатой добычей.

— Прекрасное время! — воскликнул нарт Сасрыква. — Братья дома, и мы можем потолковать с ними.

— Что верно, то верно, — согласился Нарджхоу, — однако добраться до них не так просто...

Оба витязя разглядывали следы копыт на желтой скале. Все следы вели вверх, и ни один из них не показывал дорогу вниз. Стало быть, никто из тех, кто поднимался на скалу, никогда не возвращался обратно. У иных душа могла бы уйти в пятки от черных мыслей, но не у героя Нарджхоу и не у нарта Сасрыквы!

— Поднимайся первым ты, — сказал Сасрыква, — ты старше меня.

— Прошу тебя, — сказал учтивый Нарджхоу, — ведь ты — герой, слава о котором идет по всей земле.

Сасрыква сказал:

— Ты больше совершил славных дел, чем я. Тебе и подниматься первому.

Не говоря более ни слова, Нарджхоу огрел плетью коня и взмыл вверх по скале. Из-под копыт огнеподобного коня вылетали желтые камни, и поднимались они до самых небес, и со свистом, подобно ярким звездам, падали на землю.

Вот достиг Нарджхоу выступа скалы, а впереди еще полдороги. И вдруг остутился огнеподобный конь! Вот он пятится задом...

— Погиб, Нарджхоу погиб! — восклицает Сасрыква, и сердце его тревожно сжимается.

Но не таков был Нарджхоу, чтобы погибнуть! Он сумел удержать коня и повести его вперед. И вот вцепился конь копытами, словно орел когтями, в желтую скалу, пошли в ход даже зубы. И вот, кажется, что недалеко уже до вершины. Но нет! Снова срывается конь...

Еще одна попытка не удалась. И Нарджхоу повернул назад.

— Что ж, Сасрыква, — сказал он, — как видно, не суждено мне взобраться на скалу. И не суждено мне жениться на сестре братьев аиргь. Желаю тебе счастья!

Сасрыква подоткнул полы своей черкески, чтобы не развевались и не мешали быстрому взлету, повязал за спиной концы башлыка и взбодрил зычным криком своего чудесного Бзоу...

Вот уже искры сыплются со скалы, подобно звездопаду.

Словно куница в ствол дерева, вливается несравненный Бзоу в желтую скалу. И, словно куница — быстро-быстро, — возносится на вершину смелый Бзоу. И зубы идут в ход: он хватает ими малейший выступ скалы. Даже хвост приходит ему на помощь: он рассекает воздух, помогая взбираться.

И вот на вершине скалы нарт Сасрыква!

Здесь ровная, зеленая полянка. На ней растут горные цветы — яркие и пахучие. Но костей человеческих больше, чем цветов! Откуда они?

И вдруг к усталому нарту подходит незнакомый старик.

— Привет тебе, бесстрашный нарт! — говорит старик. — Я знаю, по какому важному делу ты приехал. Не падай духом, глядя на эти кости. Это останки неудачливых молодцов. Но выслушай меня, и будет тебе благо.

Сасрыква поблагодарил старика за добрые слова и выслушал его внимательно. И вот что сказал старик:

— У девушки, к которой ты стремишься, семеро братьев, и все они злые и могучие. Они берегут ее пуще глаз своих. Погляди, сколько отважных пало в ужасных поединках! Здесь слабым спуску не дают! Но ведь и сильный, одержавший верх над братьями, не может сказать, что завладел девушкой. Ибо и сильный должен ей понравиться. Вот почему мой сын, прошедший через все испытания, сидит во дворце уже много лет, ибо не понравился он ей. А он, мой сын, поклялся своими глазами увидеть жениха, любившегося сестре братьев аиргь. Сидит мой сын, и играет он песни на апхярце. Если играет он тихие, грустные песни, — стало быть, она спит. Вот тогда-то и надо идти к ней в комнату и пальцем тронуть ее косу.

Она проснется и скажет: «Почему ты разбудил меня? Я только что видела во сне того, кто нравится мне!» Если скажет она именно так, то ты, наверное, догадаешься, что ответить. И она будет твоей, и ты увезешь ее отсюда, а сын мой вернется ко мне, и я буду счастлив. Но имей в виду: если погонится мой сын за тобой — не убивай его. А убей коня его. Запомни это — и будет тебе благо.

Сасрыква поклонился старику, сказал ему: «Большое спасибо», — и поехал ко дворцу.

Главные ворота были открыты настежь. Во дворе — ни души. Привязал Сасрыква коня к коновязи и поднялся по ступенькам на седьмой ярус дома.

На костяном балконе седьмого яруса сидел юноша и играл на апхярце. Он едва касался струн своим смычком и тихо напевал печальную песню:

Она не стареет и не молодеет,

Ахахáира гúшадза¹.

Но кто ее любящим сердцем владеет?

Ахахáира гúшадза!

Кого же во сне она видит глубококом?

Ахахáира гúшадза.

Могу ль с отважным сойтись ненароком,

Ахахáира гúшадза?

Когда наши кони примчатся друг к другу,

Ахахáира гúшадза?

Когда же ударится меч о кольчугу,

Ахахáира гúшадза?

¹ Непереводимый припев.

Когда к мертвецам он отправится в гости,
Ахахáира гúшадза?
Чтоб тлели со всеми и череп и кости,
Ахахáира гúшадза?

Она не стареет, не ведает тягот,
Ахахáира гúшадза,
А я, горемыка, состарился на год,
Ахахáира гúшадза!

Послушал Сасрыква песню и пошел дальше. Отворил дверь в спальню — и застыл, ослепленный красотой спящей девушки. Девушка излучала чудесный свет — свет красоты несравненной, его излучали белая кожа и черные волосы ее.

Нарт осторожно, очень осторожно подошел к спящей и тронул ее длинную косу.

Девушка проснулась.

— Зачем помешал ты мне! — сказала она с укором. — Я только что видела во сне героя Сасрыкву.

Нарт ответил:

— А теперь он здесь, перед тобой. И все это наяву!
Девушка не смутилась.

— Ну что ж, — сказала она, — я — твоя. Однако сын старика, играющий на апхярце, скорее умрет, нежели выпустит меня отсюда.

— Это уж моя забота, — сказал нарт.

— Если мы и вырвемся из его плена, нас где-нибудь подстерегут мои братья.

— И тогда найдется выход!

— Если ты решил, — сказала красавица, — садись на своего коня, подскочи к окну моему и — забирай меня!

Сасрыква послушался ее. А сын старика все сидел и все напевал свое:

Взлети на скалу — ничего не добудешь,
Ахахáира гúшадза!
Красавицу спящую ты не разбудишь,
Ахахáира гúшадза!

Не скажешь ты ей даже слово привета,
Ахахáира гúшадза,
Напрасно пришел — и уйдешь без ответа,
Ахахáира гúшадза!

Зато к черепам на дороге суровой,
Ахахáира гúшадза,
Прибавится новый, прибавится новый,
Ахахáира гúшадза!

Эти колкие слова были нестерпимы для нарта, но взял он себя в руки и незаметно прошел мимо поющего.

Нарт спустился во двор, сел на коня своего Бзоу, прищпорил его и в мгновение ока подскочил кверху, к самому окну, у которого ждала его красавица.

Девушка вылетела, словно птица, на лету подхватил ее лихой нарт — и был таков!

Сын старика отбросил в сторону смычок и апхярцу и завопил не своим голосом:

— Сестру похитили вашу, братья аиргь! Сестру похитили! Слышите ли вы?

Как из-под земли выросли двое юношей на конях. Под одним — гнедой конь, а под другим — вороной. И сломя голову бросились догонять нарта-похитителя.

Как только огнеподобный Бзоу вырвался на простор, несравненная сестра братьев аиргь посоветовала нарту, чтобы он возвращался назад не той дорогой, по которой приехал во дворец.

— По другой? — удивился нарт. — Я появился здесь не как вор и удаляюсь отсюда на виду у всех! Земля широка, и для настоящего мужчины везде отыщется дорога.

Бзоу не скачет, а почти летит над землей, летит по равнине, простирающейся за дворцом. А два молодца пуше ветра гонятся за ним.

Сасрыква торопит своего Бзоу, но как ни торопит, а проскочить через равнину не может. Не так уж велика, казалось бы, равнина, однако не кончается, словно без конца она, без края. Вдруг Сасрыква замечает, что скачет конь его мимо знакомых мест. Что за чудо! Хочется задержаться немного, обдумать положение, все взвесить. Но куда там! За ним, наступая на задние копыта Бзоу, мчатся с шашками наголо два брата аиргь.

И нарт погоняет коня своего...

Братья заметно отстают, а вскоре от невероятной усталости издыхают их кони...

Все это видел с высоты дворцового балкона сын старика, безнадежно влюбленный в сестру братьев аиргь. Не мешкая, оседлал он коня своего из породы нартских копей и помчался во след нарту-похитителю. Сасрыква уже знал, кто за ним гонится и какой под ним конь.

— Мой верный Бзоу! — воскликнул он. — Опасность близка!

И только сейчас, только сейчас понял великий нарт, что мчится Бзоу не по прямой, а по кругу на равнине. Поэтому-то нет конца-края этой равнине!

«Не к добру это», — подумал нарт.

Вот уже начал уставать огнеподобный Бзоу. Не так уж низко стелется он над землей. Вот нагоняет нарта беспощадный влюбленный!

И тут Сасрыква поступил так, как советовал ему старик: пустил стрелу в самое сердце коня, настигавшего их. Дрогнул конь, вздыбился и грохнулся наземь, подминая седока.

— Теперь ты можешь ехать по любой дороге, — сказала сестра братьев аиргь, облегченно вздыхая.

Сасрыква без особого труда отыскал следы копыт своего Бзоу и по желтой скале спустился вниз, где ждал его герой Нарджхоу. Он встретил нарта и его невесту с большим радушием, накормил их и напоил ключевой водой.

И отправились они втроем в обратный путь. Доехали до перекрестка, где герои повстречались впервые, и нарт Сасрыква сказал:

— Герой из героев Нарджхоу! Я знаю, как жаждал ты видеть хозяйкой своего дома эту красавицу. Верно, добыл ее я, но никто об этом не узнает. Бери ее!

На что только способны высокая честь и уважение к другу! А иначе разве мог бы высказать такие слова великий нарт?! Возможно ли отдать другому чудо-красавицу, добытую с таким трудом?!

— Нет, — возразил герой Нарджхоу, — не смог я преодолеть желтую скалу. Девушка по праву и по справедливости твоя. Настоящий мужчина должен радоваться вашему счастью!

На что только способна высокая честь и уважение мужчины к мужчине! А иначе разве мог бы высказать такие слова герой Нарджхоу? А иначе мог бы отказаться он от такой красавицы?

Сестра братьев аиргь — несравненная красавица — могла по достоинству оценить благородство одного и другого героя.

Сасрыква упросил своего друга Нарджхоу сопровождать их до нартского села и погулять на свадьбе. С удовольствием принял это приглашение герой Нарджхоу.

Ехали все трое, встречные узнавали Сасрыкву и приветствовали его и невесту.

Вперед, к нартам, был послан гонец, и нарты ждали своего брата с невестой. Они держали совет, как быть, ибо не положено справлять свадьбу незаконнорожденному брату. После долгих споров, ссылаясь на то, что неудобно, дескать, перед людьми, решили нарты встретить брата с почетом и сыграть свадьбу.

Семь дней и семь ночей продолжался пир. Семь дней и семь ночей пелись песни и танцевались танцы. На самом почетном месте восседал герой Нарджхоу.

Вместе с другими прислуживала за столом красавица Гунда, сестра нартов. Она то появлялась среди гостей, то уходила к кипящим в стороне котлам. Нарджхоу приметил ее, а приметив, влюбился, да еще как — без памяти.

Именно здесь, на пиру, увидел впервые красавицу Гунду герой из героев Нарджхоу.

УДИВИТЕЛЬНЕЕ УДИВИТЕЛЬНОГО

же год, как женат Сасрыква. И, по обычаю, пригласил он к себе братьев жены и устроил пир.

Перед тем как покинуть гостеприимный кров, братья аиргь говорят Сасрыкве:

— Очень соскучилась наша сестра по отчужденному дому. Разреши ей ненадолго поехать с нами.

Сасрыква не мог отказать в этой просьбе, и жена его уехала с братьями на лучшей лошади.

Вот прошел месяц. Еще один... А братья аиргь не возвращают свою сестру. Стал беспокоиться нарт Сасрыква, и решил он разузнать, в чем дело. Сел на коня и двинулся в путь.

Неизвестно доподлинно, сколько дней провел он в дороге. Но хорошо известно, что в один прекрасный день подъехал он к берегу бурной реки, точнее — небольшой

бурной реки. Посредине реки возвышался валун, а на том валуне бились смертным боем два бараньих черепа с огромными рогами.

Сасрыква был поражен. Ему казалось, что видит он все это во сне. Чтобы бились мертвые черепа?! Да где же это видано? Где это слыхано?

Сасрыква переправился вброд через реку, размышляя над странным боем двух бараньих черепов. И он сказал себе: дурной это знак. А разве могло быть иначе?

Дорога вела к тесному ущелью. И вдруг стало темным-темно! Что за наваждение?.. Сасрыква глянул на небо, а его и не видно: вороны заслонили небо! Летели они такой плотной стаей, что небо казалось в глубоком трауре.

«Куда летят птицы? — думал нарт. — И откуда их такое множество? Нет, не к добру это».

И едет себе дальше, все дальше по ущелью. Еще день, и два, и три. На четвертый выезжает на широкую равнину. Видит — посредине равнины стоит большое дерево, а под деревом свалены в кучу старые и новые женские и мужские чувяки, ноговицы и мягкие сапоги.

Обувка, что поновее, сама взбегает вверх по стволу дерева, а которая постарее — с верхушки торопится вниз.

Нет, никогда не бывало ничего похожего! Чтобы бежала обувка, точно живая?! Чтобы чувяки понимали, куда им бежать — вверх или вниз?! Нет, это чудо из чудес! Это нечто удивительное. И ничего хорошего все это не предвещает.

Так думал нарт, скача по равнине. И вскоре он заметил, что конь его покрывает большущие расстояния: за день проделывает трехдневный путь! И это тоже удивительно!

Нарт терялся в догадках...

Вот приехал он во дворец братьев аиргь: ворота открыты настежь и коновязь пуста.

Спешился нарт, шагает по двору. И что же? Здесь его ждет такое, что удивительнее удивительного.

Подумай сам: лежит собака, не ощенилась она,— а щенки уже лают, злобно лают на Сасрыкву, словно пытаются схватить его за ногу. А между тем собака спит глубоким сном и не слышит лая своих щенков, до поры до времени сидящих в ее утробе.

Однако самое что ни на есть удивительное было впереди.

Щенки продолжали яростно лаять, а их уже осаживал чей-то властный голос. «На место, на место, проклятые!» — кричал кто-то на щенков. И как ты думаешь, кто бы это кричал, кто заступался за Сасрыкву? Младенец, находящийся в утробе матери. Вот кто! А мать его, ничего не подозревая, вертела себе жернова ручной мельницы и пела себе песню:

Саунау, Саунау¹,
Мели, мели еще разок,
Чтоб выпал мелкий порошок.
Пусть видит дальний, видит близкий:
Тебе даю из малой миски,
Мне из большой воздай ты миски,
Мели, мели еще разок,
Чтоб выпал мелкий порошок!

Сасрыква, что называется, обомлел от удивления. Но самое, пресамое удивительное оказалось все-таки впереди.

¹ Саунау — богиня мукомольного дела.

Вот идет навстречу нарту Сасрыкве его жена, его любимая жена. Увидел ее нарт и сказал себе: «Должно быть, настал мой конец». А что он мог еще подумать, если к нему шла жена, любимая жена, но без головы. Нет головы, а разговаривает! Вот поди разберись во всем этом! И недаром великий нарт едва не лишился чувств.

Она не сразу подошла к мужу — дала ему возможность передохнуть, прийти в себя. Выждав положенное время, обратилась она к нарту с такими словами:

— Что с тобой? Почему ты так печален?

Нарт ответил:

— Как же не быть мне печальным, если всю дорогу, едучи к тебе, видел удивительные чудеса. Они ничего хорошего не предвещают.

— Расскажи же, что ты видел, что удивило тебя?

Нарт рассказал о том, как бились бараньи черепа посредине реки, о том, как новая обувь поднималась на дерево, а старая спускалась вниз по стволу, о том, как лаяли щенки из утробы собаки, и о том, как осаживал их еще не появившийся на свет младенец.

— И это все? — спросила сестра братьев аиргь.

— Пожалуй, все, — ответил муж, — если не считать того, что не вижу я твоей головы, но слышу твою речь. Мне кажется, что все это не к добру.

— Ты прав, — сказала ему жена. — Не жди добра.

— Так открой же мне, что все это значит!

— Слушай, — сказала сестра братьев аиргь, — я ничего от тебя не скрою... Ты видел черепа баранов? Это черепа тех самых баранов, которых зарезали нарты и великаны в знак примирения. Черепа эти торчали на двух шестах по берегам реки, которая служит рубежом земли нартов и земли великанов. А то, что они бьются теперь, означает

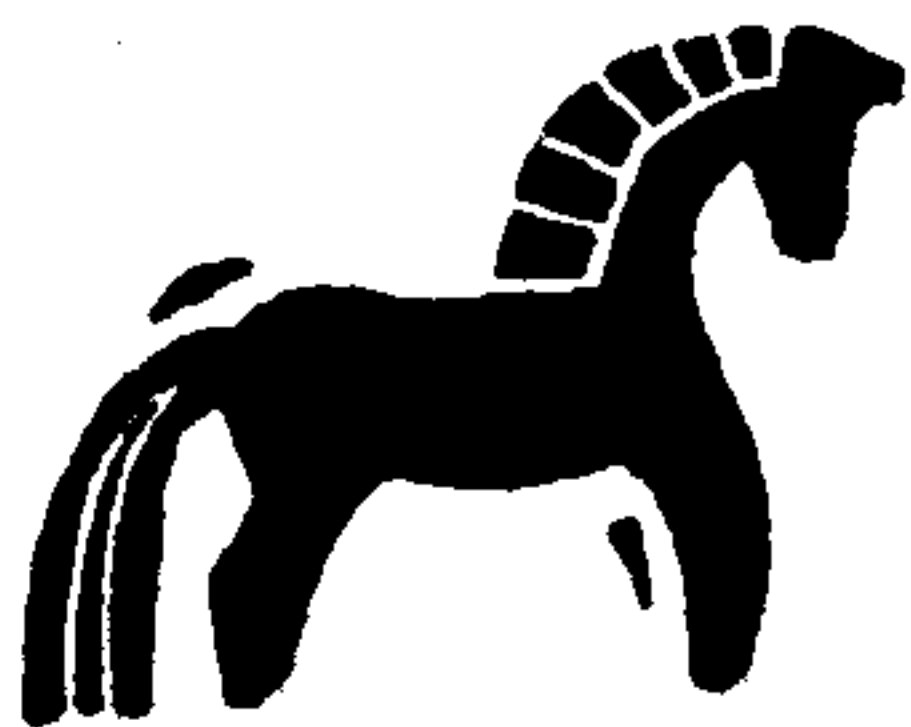
только одно: между нартами и великанами снова разгорелась война. Ты видел стаю ворон? Это значит, что великаны напали на твое село... Ты видел старую и новую обувь? Это старые уходят, а свежие силы приходят тебе на помощь. Ты слышал лай неоценившихся щенят? Это злобствуют те, которые хотят войны. Ты слышал голос младенца из утробы матери? Это голоса тех, кто на твоей стороне! Это означает, что растут те, кто желает войны с тобой, кто замышляет дурное против тебя, это означает также, что растут и те, кто за тебя, кто против войны, кто за благо и мир!.. Что до моей головы — я скажу тебе так: ты — моя голова. И пока твоя жизнь в опасности — не будет у меня головы. Если дрогнешь в бою — не будет у меня головы! Если от страха сожмется в бою твое сердце — не будет у меня головы! Но ты победишь — верь и не падай духом. И снова появится у меня голова.

Выслушал нарт сестру братьев айргь — свою любимую жену — и вскочил на коня.

Он крикнул жене:

— Если село мое в опасности — могу ли я находиться далеко от него? Я очень тороплюсь. И прошу тебя об одном: возвращайся, возвращайся поскорее и береги мой очаг, пусть горит он ярко, пусть стоит мой дом как крепость! Все это я поручаю тебе. Не мешкай же!

И он исчез, как ветер в горах.

33

ГЕРОЙ ПОЛУЧЕРНЫЙ-ПОЛУСЕДОЙ

виц ни характером своим, ни статностью своей не уступал нартам. Однако геройства своего он не выставлял напоказ. Он по-прежнему грелся у теплой золы и строгал палочку.

Когда Цвиц возмужал и научился по-настоящему управлять конем, завелись у него три чудо-лошади: белой, красной и черной масти. И тайно сшил себе Цвиц три черкески: белую, красную и черную. И никто до поры до времени не видел ни коней его, ни черкесок.

Днем просиживал Цвиц у очага, а вечером, когда заходило солнце и становилось совсем темно, он преображался. Каждый вечер под покровом темноты он отправлялся в поход и тайком от нартов добывал себе великую славу. И стали замечать нарты, что стада их умножаются,

что в скотных дворах все больше коров и буйволиц. Стали поговаривать, что это Адоуха — высшая сила — благоволит к нартам и посылает им несметное количество живности.

Если нарт Сасрыква, брат девяноста девяти братьев, оказывался в опасном положении, на выручку ему спешил Цвиц. Не выдавая себя, Цвиц бился с врагами бок о бок с нартом Сасрыквой и выручал его из беды.

Однажды великаны, пришедшие из-за моря, построили крепость и принялись тревожить нарта Сасрыкву и его людей. Нарт не мог одолеть великанов, не раз оказывался на волосок от смерти.

Прослышав об этом, Цвиц смастерил себе бороду, покрасил ее наполовину черной краской, а наполовину белой. Свою одежду он тоже покрасил наполовину черной, а наполовину белой краской. Точно так же перекрасил он и коня своего. И только после этого двинулся Цвиц на помощь нарту Сасрыкве.

И вот на узкой тропе встречает Цвиц женщину с шашкой в руке. В сумерках не признал Цвиц в ней свою родную мать, решившую испытать мужество сына перед битвой с великанами.

— Ты не двинешься дальше! — вскричала она.

Цвиц выхватил шашку из ножен и смело бросился вперед. Размахнулся он что было силы и концом шашки отрезал кусочек материнского подола. Размахнулся еще раз, сталь сверкнула, точно молния... И тут мать взмолилась:

— Не убивай меня, сын мой... Я — твоя мать... Теперь-то я вижу, что ты герой...

От изумления Цвиц замер. Замер и конь Цвица, не знавший страха. Все это случилось от неожиданности, ибо не думал, не гадал Цвиц, что придется ему поднять руку на родную мать.

— Пусть будет счастливым твой путь, сын мой, — продолжала мать. — Возьми эту шашку. Только ею сможешь ты одолеть великанов. И поступай только так, как скажу я тебе, а не иначе. Пусть разыщет Сасрыква семь стволов дубовых, и семь стволов шелковицы, и семь стволов ореха. Пусть добудет он жилы ста быков и построит азаандак¹, стреляющий бревнами, толщиной с туловище человека. Пусть привяжут тебя к стволу кизила, туго натянут тетиву, свитую из ста бычьих жил, и запустят бревно вместе с тобою во вражескую крепость. И ты падешь на головы врагов, как снег среди ясного дня. Они схватят тебя, бросят в яму и станут забрасывать яму чем попало. Подыми кверху эту шашку — и все, чем забросают великаны яму, чтобы закопать тебя, будет перерезано надвое. Ты останешься невредимым, а справа и слева от тебя яма та заполнится, и ты подымешься наверх, как по ступеням. Поднявшись наверх, кидайся на врагов и рази их этой шашкой. Против нее никто не устоит.

Цвиц принял шашку от матери и поехал дальше. И вовремя подоспел к Сасрыкве, ибо последний уже изнемогал в бою.

Цвиц Получерный-Полуседой, не признанный нартом Сасрыквой, сказал так:

— Добудь семь стволов дубовых, и семь стволов шелковицы, и семь стволов ореха. Зарежь сто быков и свей из жил бычьих тетиву истрой азаандак. И ты увидишь то, что увидишь.

— Хорошо, Получерный-Полуседой, — сказал Сасрыква и в точности исполнил желание Цвица.

Вот привязали Цвица к стволу кизила, натянули те-

¹ А з а а н д а к — катапульта.

тиву и выстрелили, точно из лука. И полетел Цвиц головою вперед во вражеский стан, упал посреди крепости. Не успел он опомниться, как великаны бросили его в глубокую яму и стали ту яму забрасывать камнями, бревнами и всем чем попало.

Цвиц над головою держал шашку — и камни, и бревна, и все прочее отлетело от него вправо и влево, а сам он остался жив и невредим. Справа и слева от него яма заполнялась камнями и бревнами, и Цвиц поднимался наверх, как по ступеням. Вот выбрался он наконец из ямы и вступил с великанами в бой. Шашка материнская разила каждого, кого касалась, обороняла сына в неравном бою, добывала сыну великую славу.

Сасрыква передохнул. К нему вернулись силы. Он долго благодарил Получерного-Полуседого за помощь в беде и за скот, отбитый у великанов.

Цвиц сказал, что им пора расстаться.

— Разделим добычу, — сказал Сасрыква.

— Все уступаю тебе, — сказал Цвиц.

— Кто же ты? — спросил Сасрыква.

— Я Получерный-Полуседой. Но если суждено когда-либо еще раз встретиться с тобой, я бы хотел, чтобы мы узнали друг друга. Дай я выжгу метину на твоей спине горящим огнивом, и все богатство достанется тебе одному.

Сасрыква согласился. И Цвиц выжег огнивом метину на его спине. Они расстались.

Едет домой Цвиц, а встречные говорят:

— Вот Черный всадник.

Те же, которые смотрят на него справа, говорят:

— Вот Белый всадник.

Так и не узнали люди, какой проехал всадник, Белый или Черный. И не догадывались, что это Цвиц едет на

коне, тот самый Цвиц, который у золы греется и палочки без конца строгают...

Однажды решили нарты поделить свое имущество.

— Выделите долю и мне, — подал голос Цвиц, сидевший у теплой золы.

— Тебе? — сказал Сасрыква. — Тебе, строгающему палочки?

— Я прошу долю младшего, — сказал Цвиц.

Сасрыква воскликнул:

— Что же сделал ты, несчастный, что доли своей домогаешься?!

— Ваше богатство увеличивается все время...

— Так что же! — сказал Сасрыква. — Такое уж счастье нам выпало.

Цвиц сказал:

— Пусть будет по-твоему. Но если ты мужчина, давай поспорим: поставим рядом котлы, которые вмещают по сто мисок воды. Пусть каждый поведаст всем о своей славе. И тогда мы увидим, чей закипит котел — чья слава выше!

Сасрыква согласился. Наполнили котлы водой, и Сасрыква поведал о славе своей. Была она выше гор, и вода чуть было не закипела в его котле.

После него повел рассказ о славе своей Цвиц, и из котла клубами пошел пар. И когда он в своем рассказе дошел до того места, где выжег метину на спине нарты Сасрыквы, — вода забурлила.

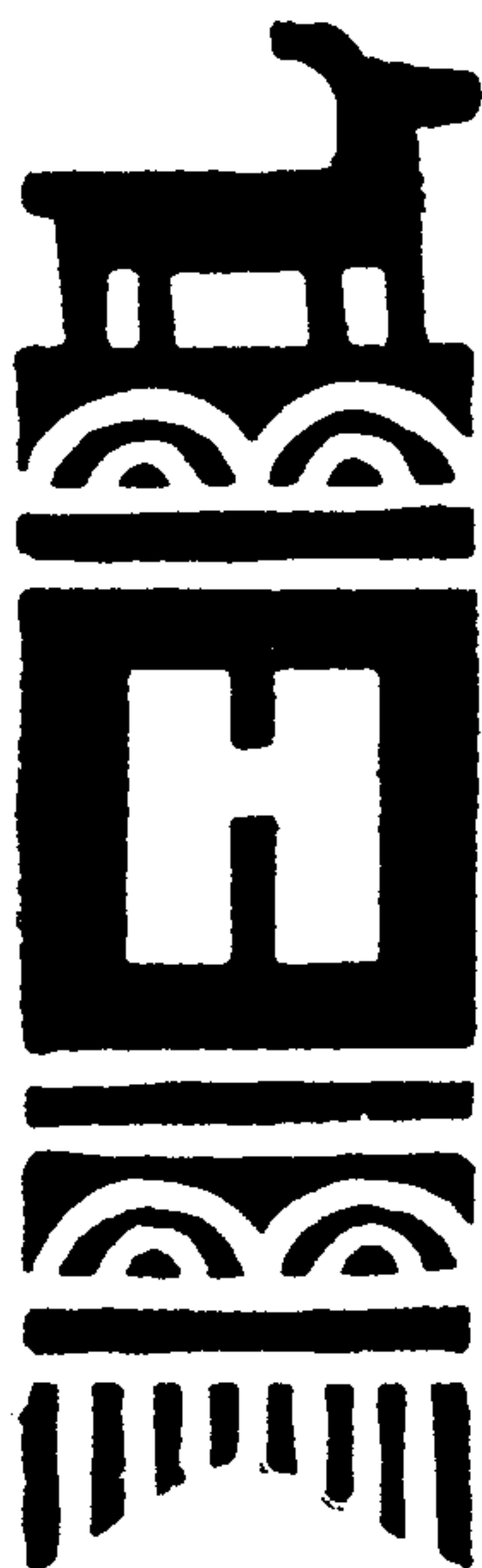
Сасрыква обнял Цвица.

34

ВЗЯТИЕ КРЕПОСТИ ГУИНТВИНТ

а западе Абхазии высилась некогда крепость Гуинтвинт. Она считалась неприступной. Ее изрядно укрепил правитель того края. И неспроста: в крепости хранилась казна этого правителя, стяжавшего себе мрачную славу своей беспощадностью.

Нарты решили взять крепость Гуинтвинт, свергнуть ее правителя и завладеть казной. Но как ни ломали себе головы — ничего у них со взятием крепости не получалось. После каждого похода на Гуинтвинт возвращались нарты ни с чем.

Как известно, был у нартов племянник по имени Цвиц.

Однажды двинулись нарты в поход. И Цвиц спросил Сатаней-Гуашу:

— Куда это едут нарты?

Сатаней-Гуаша сказала:

— Видишь ли, сын мой, есть на западе крепость. Название ее Гуинтвинт. Это — твердыня злого правителя, в ней находится вся его казна. Мои сыновья давно хотят разбить крепость Гуинтвинт, свергнуть ее правителя и завладеть казной. Но пока они ничего не достигли.

— А что будет, если они возьмут меня с собой?

Сатаней-Гуаша усмехнулась.

— Чем же ты поможешь, — сказала она, — даже нарты ничего не могут поделать.

— Попроси их, — взмолился Цвиц, — пусть возьмут меня с собою. Может, я и пригожусь?

— Хорошо, — пообещала Сатаней-Гуаша, — может, и согласятся.

В скором времени вернулись нарты из похода на Гуинтвинт. Ни с чем и на этот раз. А когда они вновь стали собираться на запад, Сатаней-Гуаша обратилась к ним с такой просьбой:

— Возьмите, прошу вас, с собою и Цвица. Уж очень он томится без дела. Глядишь, окажется вам полезным, на худой конец стремяна ваши подержит, когда на коней будете садиться.

Старший из братьев ответил:

— Может быть, о мать, он и сказал тебе эти слова. Но зачем ты передаешь их нам? Неужели ты и в самом деле веришь, что он будет нам помощником? Правда, он как-то показал себя героем, но это случайно.

Не обратили нарты никакого внимания на ее просьбу, сели на коней и двинулись на запад.

— Ты все слышал? — спросила Сатаней-Гуаша Цвица.
— Все, — ответил он, опечаленный.

Вот прошла неделя с того дня, как нарты ушли на запад. И тогда Цвиц тайком вывел из конюшни коня, облачился в доспехи и поскакал на запад. В полдень повстречал нартов — они уже возвращались назад не солоно хлебавши.

— Добрый день! — приветствовал их Цвиц.

— Добро тебе! — отвечали братья, не узнав его.

— Не стыдно ведь спрашивать, — сказал Цвиц, — где были вы, герои нарты?

— Где мы были? Все там же, под стенами крепости Гуинтвинт, — отвечали нарты. — Но ничего не поделаешь с этой проклятой твердыней!

— Вижу, вы очень огорчены, герои нарты.

— Очень, — сказали братья.

— В таком случае послушайте меня: назначьте срок, назначьте место, где мы с вами увидимся. Может, я и помогу вам чем-нибудь?

— Ну что ж, — сказали нарты.

И условились они о месте и времени встречи. Условились — и разъехались: нарты — к себе, а Цвиц — тоже к себе, но только более коротким путем.

Въезжают братья гурьбою в ворота, а Цвиц уже дремлет у очага...

Наступил назначенный срок: братья встретились с Цвицом. Они и на этот раз не узнали его. Нарт Цвиц обратился к ним с такой речью:

— Растопите пихтовую смолу и покройте меня густым слоем смолы с головы до ног. Потом поднесите меня в крепости и перебросьте через стену, подобно суме дорожной. Перебросьте и ждите! Посмотрите, что дальше.

будет... А будет вот что: сквозь крепостную стену начнет просачиваться кровь. Как только заметите ее, тут же бейте стену чем попало, и она разрушится. Затем, не теряя времени, устремляйтесь в пролом, и вы увидите то, что увидите. И уж тогда поступайте как знаете.

— Хорошо,— сказали братья и в точности исполнили то, о чем говорил Цвиц...

В той крепости жила одна старуха, предугадывавшая все, что замыслили враги крепости Гуинтвинт. Она собрала осажденных и в присутствии правителя сказала так:

— К нашим стенам снова прибыли нарты. Они собираются кого-то перебросить через стену. И тот, кого перебросят, попытается уничтожить нас. А перебросят его вон в том месте. Поэтому немедленно выройте глубокую яму, чтобы непрошенный гость попал в нее. А гостя того забросайте камнями и бревнами, чтобы нашел он в яме свою смерть.

Правитель приказал сделать так, как сказала старуха. Только вырыли яму и собрали вокруг нее бревна и камни, как в нее полетел покрытый смолой Цвиц. Он упал на землю, и смола предоохранила его кости.

Вслед за ним полетели в яму бревна и камни. Сообразив, в чем дело, Цвиц вытащил свою шашку из ножен и поднял ее над головой. И все, что падало сверху, летело в стороны, наткнувшись на острие шашки. А бревна переламывались надвое.

Цвиц оставался цел и невредим. Он подымался все выше по камням и бревнам, заполнявшим яму. Наконец выбрался наверх — и давай рубить врагов направо и налево! Рекою полилась кровь. Она стала просачиваться наружу. Вот тогда-то и разбили нарты крепостную стену,

которая от крови стала податливой. Ворвались нарты в крепость сквозь пролом в стене, и уж тут их ничто не могло удержать: правитель и все, кто не сдавался, распростились с жизнью!

Нарты освободили невольников, оставили им часть казны, а с остальной частью направились к себе домой.

На том самом месте, где встретились они с Цвицом, решили выделить ему соответствующую долю добычи. К их глубокому изумлению, Цвиц от своей доли отказался. Не принял он также и приглашения поехать в гости к нартам. Как ни уламывали его братья, Цвиц настоял на своем и распрощался с ними...

Нарты с песней въезжали к себе во двор, а Цвиц уже грелся у теплого очага. И вскоре он стал свидетелем того, как делили братья добычу.

Прошло немного времени, и братья заспорили, ибо следовало определить, кому достанется доля старшего, то есть доля самого смелого.

— Мне,— говорил Сасрыква, ссылаясь на свои заслуги в других походах.

— Мне,— говорил нарт Сит, ибо он был старшим по возрасту.

Дело принимало нешуточный оборот: братья все больше повышали голос.

Тогда попросил слова Цвиц. И ему дали слово.

Он рассказал все, как было, как брали вместе крепость Гуинтвинт, как прославился при этом Цвиц. Рассказ был столь же правдив, сколь и удивителен!

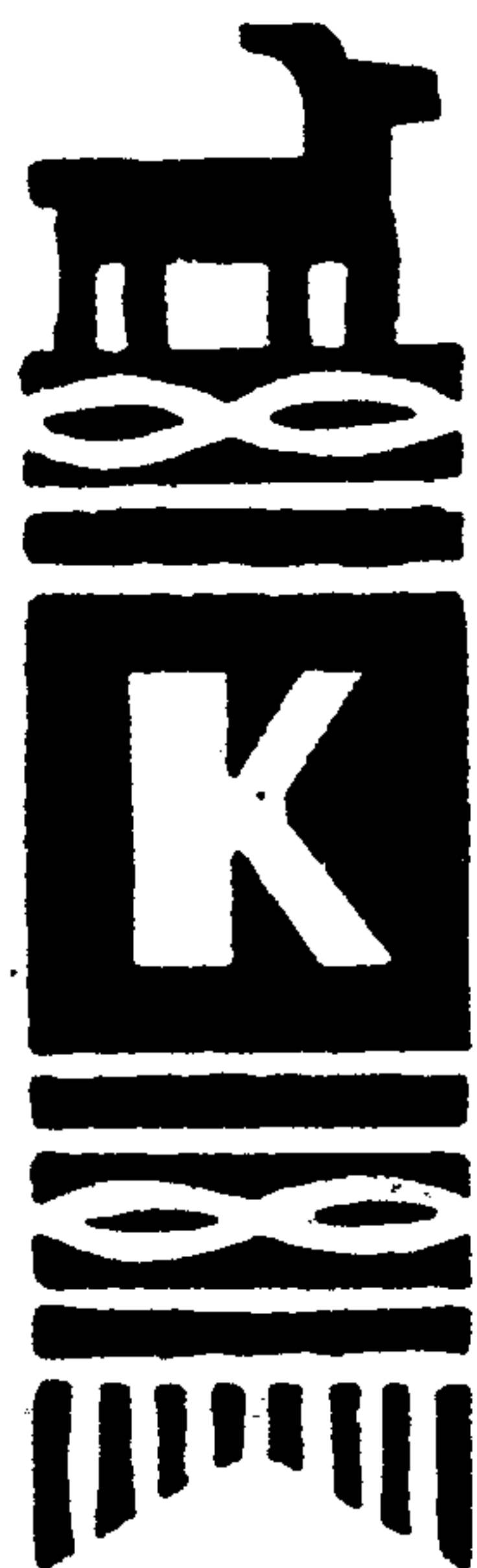
Что было делать? Цвицу выделили его долю, долю старшего.

Пошла по земле слава о Цвице. Нарты относились к нему с уважением. А когда тот роздал бедным свою долю добычи, они волей-неволей, не желая и в добрых делах отстать от него, последовали его примеру — тоже роздали бедным свою добычу, которая досталась им при взятии крепости Гуинтвинт.

ЧЕРНЫЙ ДЕНЬ АЦАНОВ

ак известно, ацаны жили в горной местности. Они строили дома свои из камня и прочные ограды вокруг дворов тоже из камня. Остатки этих построек можно видеть и в наши дни.

Жили ацаны дружно. Воевали все вместе — и старики, и молодые, и женщины, и дети. Не было меж ними смерти. И рождения не было. Не знали они, что такое горе. Сообща пасли стада коз, сообща охотились, сообща рубили они папоротниковые ветви.

Племянник их Цвиц жил у нартов. Ацаны давно не видели его. Да и племянник мало что знал теперь об ацанах.

Однажды упал с неба золотой короб. Ацаны подобрали его. Открыли. И что же? В коробе оказался мальчик.

Обрадовались маленькие человечки. Стали воспитывать мальчика, который рос не по дням, а по часам, Вскоре мальчик вырос и как-то раз спросил у ацанов:

— Вы, как я вижу, никого не боитесь. Даже смерти не страшитесь, ибо она бежит от вас. Так скажите, откуда может явиться ваша погибель?

Эти слова показались ацанам очень странными. Почему это вдруг мальчик заговорил о погибели? Однако столетний Киаламат ответил прямо, без обиняков, как и было это принято у ацанов:

— Ну что же, скажу тебе, раз ты хочешь знать: нас может погубить только снег из хлопка, только огонь небесный, который упадет в этот снег. А иной смерти мы не боимся.

И тут произошло нечто удивительное: мальчик, вернее, юноша, росший не по дням, а по часам, неожиданно исчез, словно и не бывало его здесь, словно и не появлялся он на земле ацанов в золотом коробе!

Ацаны обеспокоились: где же мальчик? Где тот, кого они так любовно растили?

Исчез! Бесследно исчез мальчик, появившийся на земле ацанов в золотом коробе!

Ацаны были убиты горем. Они ломали головы над тайной исчезновения мальчика.

Мудрый Киаламат, от взора которого ничто не могло укрыться, сказал весьма тревожно:

— Дети мои, во всем этом я вижу дурной знак.

И он указал на козла, борода которого слегка тряслась от ветра.

— Вы видите эту трясущуюся бороду? — спросил Киаламат. — Этого не бывало никогда на земле ацанов. Скоро наступят черные дни!

Киаламат оказался прав.

Ветер все крепчал. Он нагнал много туч. Тучи сгустились, из них посыпался на землю снег. Но снег не обычный, а из хлопка. Каждая снежинка была кусочком хлопка.

Долго шел снег. Когда намело его высотой в сажень — небо очистилось от туч, показались яркие звезды. И самая яркая из звезд полетела вниз, прямо на землю ацанов. Звезда подожгла хлопок, и в бушующем огне сгорели все ацаны.

Как говорил Киаламат, черный день наступил!

Единственный, кто сохранил в своих жилах кровь ацанов, был Цвиц.

Кто скажет: почему погибли ацаны? В чем провинились они? И перед кем?

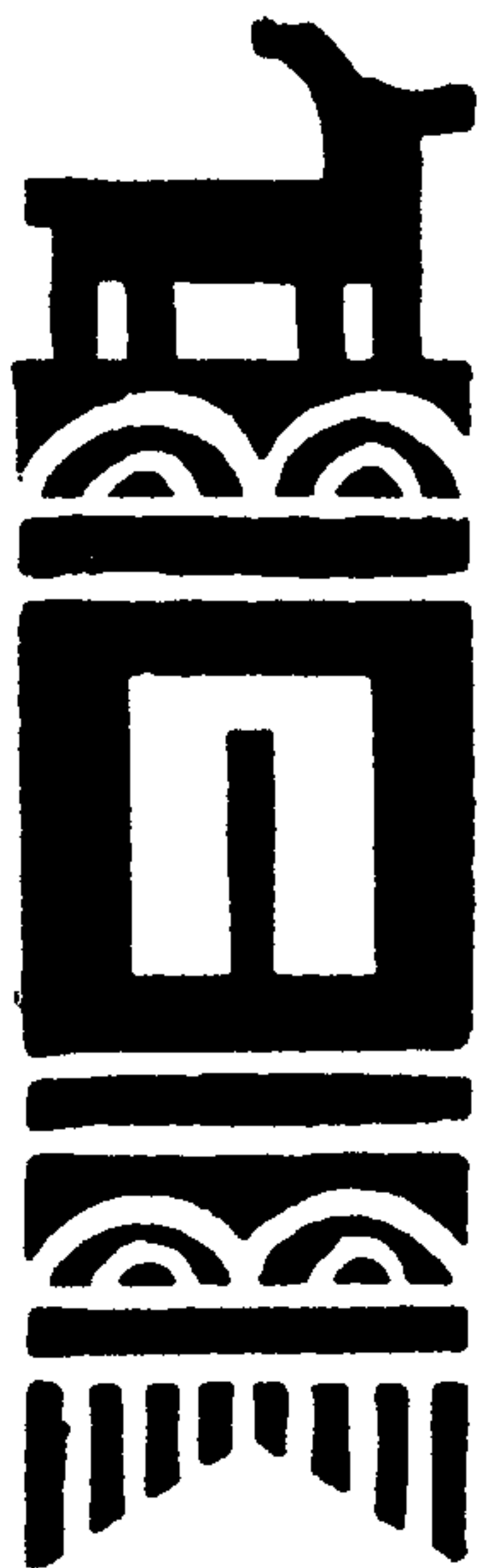
Пережившие этот черный день — остатки каменных построек в горах — торжественно молчат, ибо нет у них души и нет языка. Камни есть камни. И любой из них, каким бы ни был величественным, не сравнится даже с маленьким, самым маленьким человечком.

36

НЕСЧАСТЬЕ САСРЫКВЫ

оседел Сасрыква в битвах с врагами. Его только и видели, что на поле брани. А дома оставалась жена. Она скучала, но не падала духом, ибо была женою одного из великих нартов.

Решил наконец Сасрыква пожить мирно, и понятно почему: враги его ослабли и стали просить мира.

И вот родился у Сасрыквы сын. Сестра братьев аиргь подарила ему крепкого ребенка. И вырос сын, и уже сопровождал отца в охотничьих подвигах.

Однако все случается на свете. Случилось несчастье и с нартом Сасрыквой: случайно он убил сына. Отец решил наложить на себя руки. Мать выплакала все глаза. Но не умерли они: не лишил себя жизни Сасрыква и зрячей осталась жена.

Прошло время, и поутихло горе.

Так бывает всегда. Это — закон.

Но вот родился еще один мальчик у великого нарта. И нарт воскликнул:

— Нет, не суждено погаснуть моему очагу!

Но все случается на свете. И случилось несчастье с великим нартом Сасрыквой опять. Подкрался однажды медведь к дому, схватил в охапку сына Сасрыквы и побежал к лесу.

Сасрыква выстрелил, и грузно повалился медведь. Подбежали к зверю мать и отец, от волнения белые, как молоко,— и что же они видят? Прострелено сердце у медведя, пробита грудь у сына. Стрела, запущенная твердой рукой, оказалась роковой.

Что было дальше? Большое горе. Слезы и причитания. Мать пыталась глаза себе выколоть. Отец молчал, и от этого молчания еще горше становилось у него на душе.

Но что делать? Прошло время, и поутихло горе.

Так бывает всегда. Это — закон...

Однажды во двор Сасрыквы въехали всадники. Они спешили и приветствовали хозяина.

— Мы ехали мимо,— сказали они,— и захотелось нам поглядеть на великого нарта.

Сасрыква пригласил их к себе, а хозяйка его принялась готовить угощение. Шутками да прибаутками гости пытались рассеять тяжелые думы несчастного нарта.

Сасрыква зарезал быков и поставил котлы на огонь. Вода в них кипела и пенилась, и варилось в этой бурлящей воде бычье мясо.

Нарт ходил от котла к котлу. И вдруг откуда ни возьмись появился орел, схватил нарта и понес под облака. И никто не заметил этого.

Орел летел недолго. Он опустился над морем, возле белого дворца, стен которого касались волны. Вышла хозяйка и приняла Сасрыкву, как сестра, трижды обойдя вокруг него и тем самым как бы принимая на себя его недуги.

Усадила она за стол удивленного нарта и угостила его вареным мясом. В то время как смущенный нарт ел мясо, он заметил мальчика, забавлявшегося в углу комнаты. Глаза у него были ясные, как у ястреба, и кожа белая, как молоко.

Загляделся нарт на ребенка, глаз отвести не может. Достал Сасрыква свой нож с белой костяной ручкой и на острие его подает мальчику кусок мяса. Сорвался мальчик с места, побежал к нарту с протянутыми руками. Но вдруг споткнулся и упал на острие ножа. Вскрикнул и умер, истекая кровью.

Выбежал нарт из дворца, хотел прыгнуть в волны и умереть. Но тут его подхватил орел и в одно мгновение доставил к кипящим котлам. Доставил — и исчез. Будто ничего и не случилось...

А мясо тем временем уже сварилось. Его достали, разрезали на куски. Сасрыква сел вместе с гостями. Никто не заметил исчезновения нарта. А сам же нарт хранил молчание. Только одна живая душа — сестра братьев айргь — заметила, что с мужем ее творится что-то неладное. На ее вопрос он ответил:

— Потом...

И вот в конце пира Сасрыква говорит, обращаясь к своим гостям.

— Все бывает на свете, но вот о таком вы слышали?

И рассказал об орле и дворце среди моря и мальчике, который погиб...

Не успел он закончить свой рассказ, как сестра братьев аиргъ — великая жена великого нарта — зарыдала, царапая себе лицо и ключьями вырывая волосы.

— Ты погасил свой очаг! Ты погасил свой очаг! — запричитала она.

И только сейчас открылось всем удивительное дело. Сестра братьев аиргъ — великая жена великого нарта — скрыла от мужа, что ждет третьего ребенка. А когда тайно родила его — отправила на воспитание к той самой хозяйке белого дворца, что красуется среди моря...

Гости молчали. Молчал и Сасрыква.

Свершилось то, что должно было свершиться. Бывают великие несчастья и с героями из героев...

37

СГОРЕВШИЙ В ОГНЕ

Не кончаются тревожные дни — снова война, теперь уже война с великанами, к силе которых примешивались хитрость и коварство.

Великаны разорили нартские села, людей увели в плен. Вернувшись домой из славного похода, нарты обнаружили кровь и разрушение. Не мешкая, бросились нарты в погоню. И они нагнали великанов в степи Ашвады. Это была широкая, безлюдная степь. Здесь и разгорелась битва, конца которой не было видно.

Бились нарты с великанами и год, и два, и пять, и семь лет. Приходили люди на помощь нартам. Гибли одни — являлись другие, помоложе. Это была война, похожая на костер, разложенный в лесу, который то медленно тлеет, то разгорается с неистовой силой, но не гаснет ни на миг.

Война длилась так долго, что утомила великанов. Хотя они и не признавали себя побежденными, но особого вреда причинить нартам уже не могли.

Братья вернулись домой, оставив в степи героя Сасрыкву. Нарт продолжал тревожить великанов, не давая им опомниться и собраться с силами...

Приметил как-то Сасрыква на степной дороге сухое, желтоватого цвета огниво.

«Огниво в степи?» — удивленно подумал нарт.

Не слезая с коня, он поднял добротное огниво и положил в карман.

Едет Сасрыква себе дальше и обращается к своему коню Бзоу с такими словами:

— Скажи мне, добрый друг, скоро ли снимем боевое седло? Долго ли ходить мне в доспехах? Скоро ли будет конец этой войне?

Бзоу понял речь Сасрыквы и отвечал человеческим голосом:

— Конца войне не видно. Она так же длинна, как и моя жизнь. А я буду жить до тех пор, пока вражеская стрела не пронзит одно из моих копыт. Только тогда я погибну. Но ты не печалься, если увидишь меня бездыханным. Смело потроши мое брюхо, набей его сухой травой и зашей попрочнее. Я снова оживу и буду жить до тех пор, пока стрела не пробьет мне брюхо. Вот тогда-то загорится сухая трава, а вместе с травой сгорю и я. И тебе придется выбираться из бушующего пламени.

Так говорил конь Бзоу. И все, что говорил он, услышало огниво, которое на самом-то деле было великаном-оборотнем. Выведав тайну, огниво выпало из кармана Сасрыквы. И великаны узнали все, что хотелось им узнать.

И в первой же схватке великан-оборотень крикнул:

— Стреляйте так, чтобы стрелы коснулись травы!
Стреляйте только по копытам коня!

И мгновенно сто стрел вонзилось в копыта Бзоу. Он зашатался и упал.

Сасрыква живо вспорол брюхо коню, набил его сухим степным ковылем и зашил прочной ниткой, которою зашивал себе обувь в походах.

И ожил славный конь Бзоу!

И с ржаньем бросился на великанов.

По-прежнему лихо разил врагов великий герой Сасрыква. Его шашка сверкала подобно молнии, конь под ним стучал копытами так, будто случилось землетрясение.

И снова крикнул великан-оборотень:

— Стреляйте в брюхо коню! Цельтесь только в брюхо!

И в то же мгновение сто стрел вонзилось в брюхо славного Бзоу. И рухнул конь. И запылал, как костер на ветру.

С трудом выбрался из огня Сасрыква. Протерев глаза рукавом черкески, бросился он на врагов и стал рубить шашкой так, как это умели делать только великие герои нарты.

Один лишь Сасрыква-герой мог выстоять в этой великой битве. Один лишь он мог продолжать битву с великанами, надеясь на помощь тех, кто зрел на земле нартов для боевых подвигов.

Но Сасрыква Сасрыквой остался, не тужит,
Он, как прежде, бесстрашен, с надеждою дружит,

Небосвод ему крышею прочною служит,
А постелью — земля непорочная служит!

Посмотрите — летят его стрелы со свистом,
Целый мир он мечом озаряет лучистым.

Посмотрите, развеял он по ветру горе,
Борода шелковиста, отвага во взоре!

Кто опора его? Наши дети и внуки:
Ждет их, ждет, нерожденных, герой сильнорукий!

Не знали великаны, где то самое место на теле героя-нарта, в котором душа заключена. Поэтому не имели никакой силы ни стрелы их, ни шашки.

И вот тут пришел войне конец: как один полегли великаны в степи Ашвады, даже хитроумный оборотень не избежал печальной участи.

Окончилась война, но горе Сасрыквы разгорелось с новой силой: он оплакивал гибель славного Бзоу.

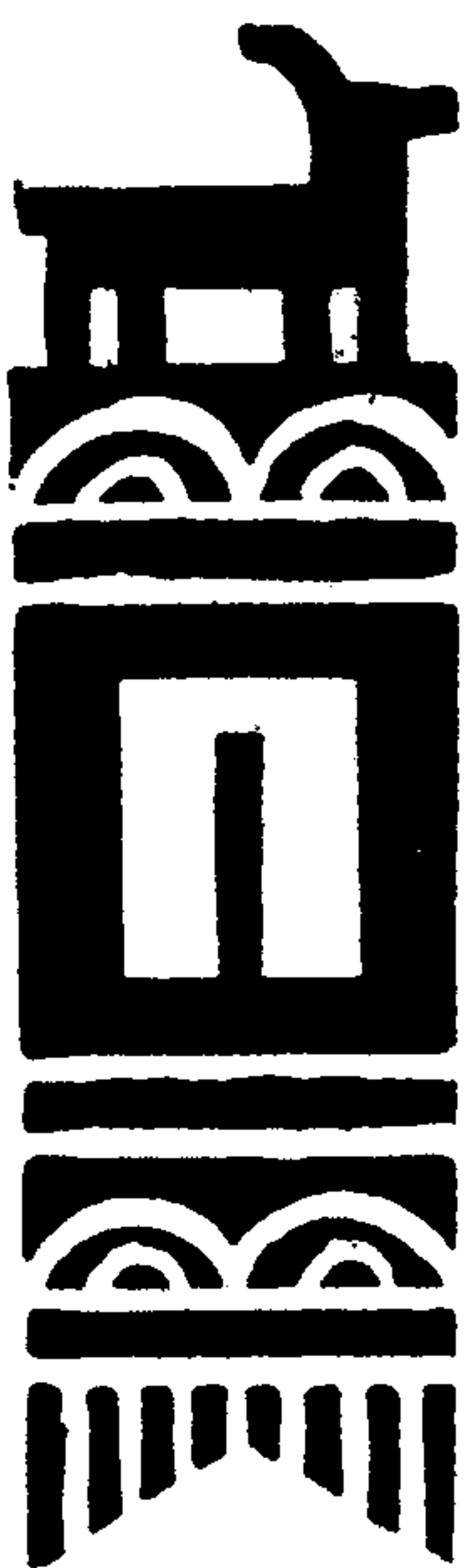
Нарт рыдал над горстью золы, которая была когда-то огнеподобным конем, понимавшим язык, как человек, мудрым и преданным, как человек, и — увы! — тоже смертным, как человек.

38

НАРТ САСРЫКВА И ДИКИЙ КОНЬ

огиб Бзоу — славнейший из коней. Долго, очень долго не мог выбрать себе Сасрыква другого: перед его глазами точно живой стоял его друг, его товарищ в беде — конь Бзоу!

В те времена паслись на воле дикие кони. Только нартская порода коней была приручена. Поэтому всадников было очень немного.

Случилось так, что девяносто девять братьев собрались на берегу горной реки, чтобы держать важный совет. Были среди них и другие люди — из соседних деревень.

Сасрыкву не предупредили о том, что братья его будут держать совет. И младший из нартов огорчился. Не доверяют или за мужчину не считают? Идти или не идти на совет? Хоть и был обижен Сасрыква, тем не менее решил идти.

Вот идет он, а перед глазами точно живой конь его Бзоу — верный друг и товарищ в беде. Вот Сасрыква достиг бурливой реки и надо уж переправляться на противоположный берег. Но как? Ведь нет любимого друга Бзоу!

В это время неподалеку пасся дикий конь. Невзрачный на вид. Из простой породы. Однако конь есть конь, хоть и непородистый.

Подошел к нему Сасрыква и говорит:

— Сделай одолжение, добрый конь, — переправь меня на ту сторону реки.

Нарт полагал, что, подобно нартским коням, и этот понимает человеческий язык. Но то был дикий конь и слов человеческих не понимал.

Сасрыква срезал ольховые ветки, содрал с них кору и сплел из нее узду. Конь, к удивлению нарта, разрешил набросить на себя узду и вел себя очень покорно. А ведь говорили, что дикие кони скорее погибнут, чем подпустят к себе кого-нибудь. Сасрыква был первым на земле, кто осмелился взнуздать дикого коня. Конь этот подчинился седоку, несмотря на то, что узда была ольховая и ни в какое сравнение не шла с уздой из сыромятной бычьей кожи.

Вот Сасрыква направил коня в самый стрежень реки, а затем повернул его против течения. И конь пошел против бурного течения, рассекая грудью воду, подобно быстрой ладье.

Неизвестно, как долго плыли они вверх по реке и какой путь проплыли. Спустя некоторое время конь, подчиняясь седоку, взял круто вправо и выплыл на берег. Отсюда уж было совсем недалеко до нартов, обсуждавших важное дело.

Нарты удивились приезду своего младшего брата. Еще больше поразились они тому, что приехал он на простом, неказистом коне дикой породы. Этот поступок смутил нартов, тем более что видели все это и посторонние.

— Сказал бы нам, — проворчал нарт Сит, — и каждый одолжил бы тебе коня.

А Гутсакья крикнул:

— Не приставайте к нему — он нашел себе самого подходящего!

Сасрыква молча проглотил и эту обиду.

Однако люди из соседних сел совсем иначе восприняли приезд нарта Сасрыквы на необъезженном, диком коне. Они поняли, что любой смертный может вот так же взнуздать дикого коня, который только кажется диким и неподатливым. Они стали просить героя Сасрыкву рассказать им, как удалось ему приручить коня.

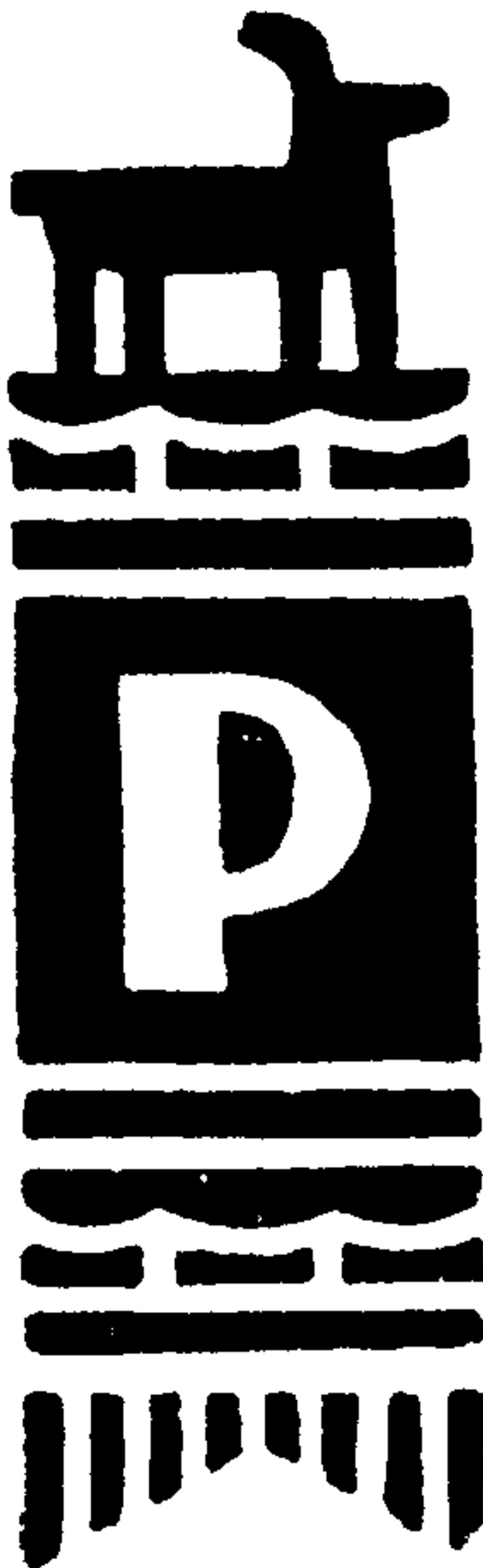
Вот с этого самого дня и началось приручение диких коней.

Разве недостойно все это быть отмеченным как еще один геройский подвиг нарта Сасрыквы?

КАК ПОГАС СВЕТЯЩИЙСЯ МИЗИНЕЦ

Разве не достоин великого сочувствия нарт Сасрыква, оставшийся без наследников? Разве не достоин сочувствия человек, собственноручно погубивший детей своих, рожденных от одной матери?

Сасрыква по-прежнему редко бывал дома: охотился, бродил по белу свету, добывая славу. И очень часто обнажал он меч свой против врагов, и тогда орошалась земля потоками крови.

А жена его сидела дома. Однако очень часто выручала она мужа своего из беды. Мизинец ее излучал яркий свет в ночи, и свет этот не раз сослужил службу великому нарту.

Вот, скажем, возвращается Сасрыква домой после боя. Едет изнуренный, а ночь стоит темная. Густой туман стелется по земле. Трудно в такую ночь без огня. И жена Сасрыквы, славная сестра братьев аиргь, высовывает из

окна свой мизинец, и ослепительный луч прорезает темную ночь, освещая всю дорогу от моста через Кубину до самого порога дома Сасрыквы. И едет Сасрыква по освещенной дороге, точно днем. Добирается до порога своего и говорит жене, славной сестре братьев аиргь:

— Добрый вечер!

Однажды был созван многолюдный сход. Были здесь нарты, да и не только они. И вот в самом конце заспорили на этом сходе нарты со своим младшим братом Сасрыквой. Разгорелся жаркий спор, и Сасрыква не выдержал. Он сказал своим старшим братьям так:

— Какие же вы неблагодарные! Сколько бед я перенес из-за вас, а вы так грубо со мной разговариваете!

Один из нартов сказал:

— Как обнаглел этот Сасрыква!.. Какие же такие ты беды из-за нас перенес? Да разве ты мужчина? Ты лучше бы благодарил свою жену за то, что водит тебя за ручку. Без ее мизинца ты давно бы погиб!

Только этого и ждал насмешник Гутсакья.

— Послушайте меня, великие нарты! — крикнул он. — Слушайте меня все!

Еду я по пятницам
На коне.
Можете по пятницам
Верить мне!
Сын, богатый глупостью глупца,
Хвалится мотыгою отца,
А Сасрыква хвалится
Пальчиком жены.
Над Сасрыквою сжалиться,
Нарты, вы должны!

Сказал это Гутсакья, и нарты покатались со смеху. Никогда не смеялись так нарты. Они хохотали, от хохота у них кружились головы, и падали нарты наземь.

Что оставалось делать Сасрыкве? Пришлось ему оставить сход и идти домой.

— Почему ты такой грустный? — спросила его жена.

— Голова болит, — солгал нарт.

Прошло три дня, настала пора собираться в новый поход. Сасрыква позвал жену, усадил ее перед собой и сказал:

— Свет твоего мизинца не раз спасал меня, но довольно, не хочу я больше помощи твоей.

Жена его, славная сестра братьев аиргь, очень огорчилась.

— Бедный человек, — сказала она, — как видно, братья сказали тебе, что без жены своей, дескать, ты ничего не стоишь.

— Может быть, и сказали, а может быть, и нет, — уклончиво ответил Сасрыква. — Как бы там ни было, больше не смей светить!

Жена возразила:

— Братья умышленно оскорбляют тебя, а ты напрасно отказываешься от моей помощи. Свет мизинца порождается особой силой. Если я помешаю излучаться этому свету, то в конце концов погибну.

— Я сейчас отправлюсь в дорогу, — сказал Сасрыква. — Злые великаны увели часть моих коней на тот берег Кубины. Я должен нагнать грабителей. А встречи с ними, как тебе известно, не обходятся без кровопролития. Но что бы со мной ни случилось, если меня даже на куски разорвут, прошу тебя, не свети мне, не оказывай помощи!

АБ

Но если ты ослушаешься — убью тебя и себя. Клянусь тебе в этом!

Что было делать жене? Пришлось покориться, хотя и знала она, что идет ее муж на верную гибель.

И Сасрыква отправился в путь...

Великаны, перейдя через Кубину, гнали табун коней по долине Ашвады. Обернулись они и увидели: далеко-далеко маячит черное пятнышко, словно родинка на белом теле. Великаны догадались — великий нарт Сасрыква пустился за ними в погоню.

Приготовились великаны к встрече с нартом, засыпали они героя, словно градом, своими стрелами, а потом сшиблись с ним острыми шашками. Битва была невиданной, кровопролитной. Не оставил в той битве нарт Сасрыква в живых ни одного великана, даже горе-вестника не оставил!

Отбив свой табун, нарт возвращался домой.

Когда добрался он до каменного моста через Кубину, была уже глубокая ночь. Густой туман стлался по земле. Если бы поднести раскаленное железо к глазам — и то бы не увидел его. Вот какая была темная ночь!

А дома грустила славная сестра братьев айргь. И думы все о муже. Где он теперь? Здоров ли? С победою ли возвращается? «Наверное, он уже возле каменного моста», — решила она. И как это бывает с женщинами — не вытерпела: высунула-таки мизинец из окна.

Сасрыква в это время подходил к каменному мосту. Но никак не мог на него ступить, к тому же кони пятились назад, иступленно ржали... В конце концов Сасрыква связал коней друг с другом и погнал их вперед.

Вдруг яркое сияние ударило им в глаза. Кони фыркнули, рванули в сторону и полетели в Кубину. На ту пору река была полноводной, бурлили ее угрюмые волны.

И тотчас понесло Сасрыкву и его коней прямо к водовороту.

Славная сестра братьев аиргь видела все, что произошло. Она бросилась к каменному мосту, горько рыдая.

— О, где ты? Жив ли? — плакала она.

Но Сасрыква не откликнулся.

— Я виновница твоей гибели! — вскричала славная сестра братьев аиргь и прыгнула с моста в реку.

Она упала на скалу, острую, как меч, и камень рассек ей грудь надвое.

Так погибла единственная сестра братьев аиргь, лучшая из женщин на земле.

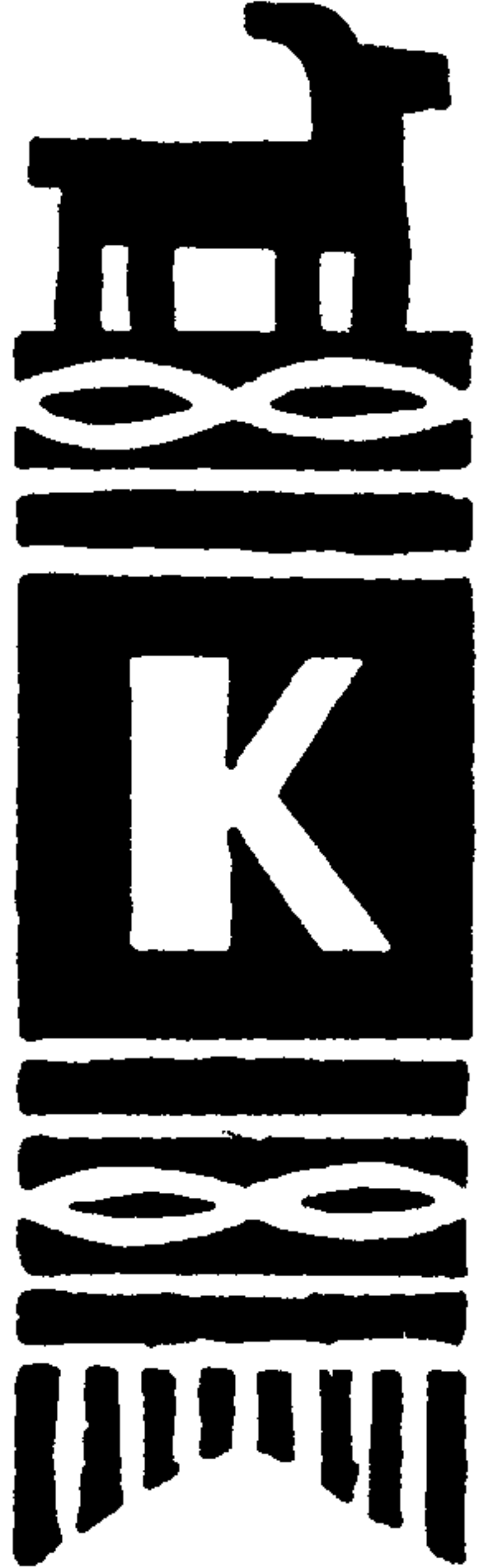
Ну, а Сасрыква, этот великий нарт?

Нет, не погиб он, не взяла его смерть. Он находился в пучине, был на волосок от смерти, но и жизнь тоже была рядом с ним.

Вот как поется об этом в песне.

ПЕСНЯ О ТОМ, КАК САСРЫКВА
СПАССЯ ОТ СМЕРТИ

убань разлилась, наводняя луга,
И тесными сделались ей берега.
Грохочет, вздымает на гребне крутом
Тяжелые камни, большие, как дом.
Гудят ее воды, как будто в грозу,
Становятся озером темным внизу.

То озеро морем шумит, закипая,
Вода словно черная полночь слепая.
Вкруг озера выросли скалы стеной,
И озеро лижет их жадной волной.
Шумит и бушует и ночью и днем,
Как будто кипит над кузнечным огнем,
Как будто бурлит над Айнаровым горном!
Живое погибнет в потоке озерном:

Как только войдешь — так и канешь на дно,
И выброшен будешь с песком заодно.

Сасрыква и кони в ту воду упали.
Несчастных ко дну потянуло вначале,
Потом их взметнуло наверх, и вода
На скалы кидать начала их тогда.
Не вынесли кони такой водоверти
И в озере стали добычею смерти.
Сасрыква не сдался. Запомните впредь:
Сасрыкве не так-то легко умереть!
Вода его била жестоко и люто,
И тяжких ударов нельзя было счесть,
Но с влагой боролся Сасрыква, как будто
Меж ними старинная кровная месть.
Вот озеро в ярость приходит: оно
Врага потянуло на самое дно —
Он всплыл на поверхность, бесстрашия полный.
О скалы разбить его вздумали волны —
Тогда-то он сам устремился ко дну,
В борьбе обессилив убийцу-волну.

Но силы терял и Сасрыква могучий.
Кругом лишь вода, каменистые кручи.
Увы, ни за что удержаться нельзя!
А волны безумствуют, смертью грозя.
Заметили волны, что стал он слабее,
И скопом пошли, извиваясь, как змеи,
И подняли нарта, и стали опять
Сасрыкву на голые скалы кидать,
Взметнулись и вскрикнули многоголосо
И бросили нарта на выступ утеса.

Утес раскололся, а нарт невредим,
Но камни утеса окрасились кровью.
Вода разбежалась разбегом крутым,
Вода подступила к его изголовью,
Сасрыкву она подняла, понесла
Туда, где нагая стояла скала.

Казалось, что ринулись волны на приступ —
И бросили нарта на каменный выступ.
Обрушился выступ, а нарт невредим.
Лишь кровью — горячим потоком густым —
Окрасилась нартскою кровью скала,
Как будто, нагая, плющом обросла.

И кровь человека тогда заструилась,
Упала на озеро красным дождем,
И озеро кровью Сасрыквы покрылось,
Горячие капли глотая с трудом,
Оно пеленою оделось кровавой,
Поверхность озерная сделалась ржавой.
То падает нарт, то вздымается вновь.
От крови сгущается в озере влага.
Нет сил, но жива еще в сердце отвага.
«Еще ты не кончилась, нартская кровь,
Кипи, ты в воде не должна раствориться!»
А кровь застывает в озерной воде.
Встает над селением нартов денница,
Кругом рассвело, а Сасрыква в беде.

Заря золотою легла полосою.
Обрызганы утренней свежей росой,
Направились к травам высоким стада.
А нарты спокойно сидят, как всегда,

И солнце, что издавна людям знакомо,
Сияет над крышею нартского дома.
Прекрасная Гунда была их сестрой.
Она поднималась обычно с зарей,
Спускалась она по долине Кубани:
Ей по сердцу раннее было купанье.
Вдыхая прохладу, вдоль берега шла,
Красивое место она выбирала
И там раздевалась потом догола...
Вовек еще солнышко не озаряло
Невинное тело такой красоты,
Роскошные косы такой густоты!
Она над водою стояла, нагая,
А косы чернели, земли достигая,
И если бы косы она расплела,
Они бы, как буркою, Гунду одели.
Ее красота, и мощна, и светла,
Была для нее словно панцирь на теле!

И вот, как всегда в эту ясную рань,
Она окунуться хотела в Кубань,
Но ей показалась ужасной вода:
Река замутненной бывает порою,
Но красной она не была никогда;
Порою дышала она теплотою,
Но жаркой она не была никогда!
Кицел и бурлил неумемный поток,
Видать, превратилась река в кипяток!

«О горе! Кто гибель обрел здесь, бедняга?
Его поглотила коварная влага!

О, младший из нартов покинул наш дом,
Сасрыква отправился за табуном,
Наверно, погибла душа молодая!» —
Прекрасная Гунда сказала рыдая
И бросилась против течения реки.
Вот озеро камни дробит на куски.
«О горе мне! Скалы стоят предо мною,
Покрыты кровавой густой пеленою!»

«Сестра, о сестра, что светла и добра,
Спасительница, дорогая сестра!
Бесславно, кровавым потоком объят,
Смотри, погибает Сасрыква, твой брат!» —
До Гунды доносится с озера голос.
Взглянула — и сердце ее расколосось:
Карабкаясь вдоль каменистой гряды,
Сасрыква выходит в крови из воды.

«Ты силой прославлен, бесстрашьем
прославлен,
Ужель возле дома умрешь, окровавлен?
Крепись, не пришла твоей смерти пора,
Еще твоей гибели дни не настали!
Не ты ли, едва лишь родился, с утра
Отведал из миски расплавленной стали?
Не ты ль горнового отведал огня?
Едва лишь родился — ты с первого дня
Уже приручил боевого коня!
Сасрыква, скакал ты навстречу победам,
Не раз от людей отвращал ты беду,
Сасрыква, ты гибель нанес людоедам,
Для братьев сорвал с небосвода звезду.

О брат мой, воигель с душой благородной,
Какая с тобой приключилась напасть?
Кубань ты речушкой считал мелководной —
Зачем же признал над собой ее власть?»

«Я сам не пойму, что со мною случилось,
Как видно, бороться душа разучилась,
Я, видно, не тот, что в былые года,
Мне подвигов не совершить никогда.
Как видно, пришел моей жизни конец...
Плоды для деревьев — желанный венец,
А в подвигах счастье находит храбрец.
Как видно, я этот нарушил закон,
Как видно, я этого счастья лишен!
Где Бзоу, мой друг? Больше нет скакуна!
В Кубани моя утонула жена.
Где дети мои? Умертвил я детей.
Не слышу я больше отрадных вестей!
Лишен я удачи, лишен я семьи,
А нарты, а старшие братья мои
Готовят мне гибель и ночью и днем.
Лишь ты — утешенье мне в доме родном.
Единственная, дорогая сестра,
Мила, задушевна, сердечна, добра,
Всех ближе мне, всех ты милее на свете!
Одна у меня ты, одна у меня!
Сестра моя, знай же, что с этого дня
Лишь я за тебя перед всеми в ответе,
Что жить у меня ты отныне должна.
С тобой поделюсь я одеждой и хлебом.
Сестра, у меня ты одна, ты одна,
Одна у меня меж землею и небом!»

«О младший мой брат, я согласие даю,
Отныне вступаю под кровлю твою,
Но братьям об этом поведай сперва,
Не то их осудит людская молва:
Мол, нарты кормить отказались сестру,
И Гунда бежала из дома родного...
О братья, с отрадой за вас я умру,
Боюсь только, в спор не вступили бы снова:
Не надо вам ссориться из-за сестры.
Пойдем же, рожденный для славы и чести!..» —
Сказала, и с братом отправилась вместе
В селенье, где пахарей были дворы.

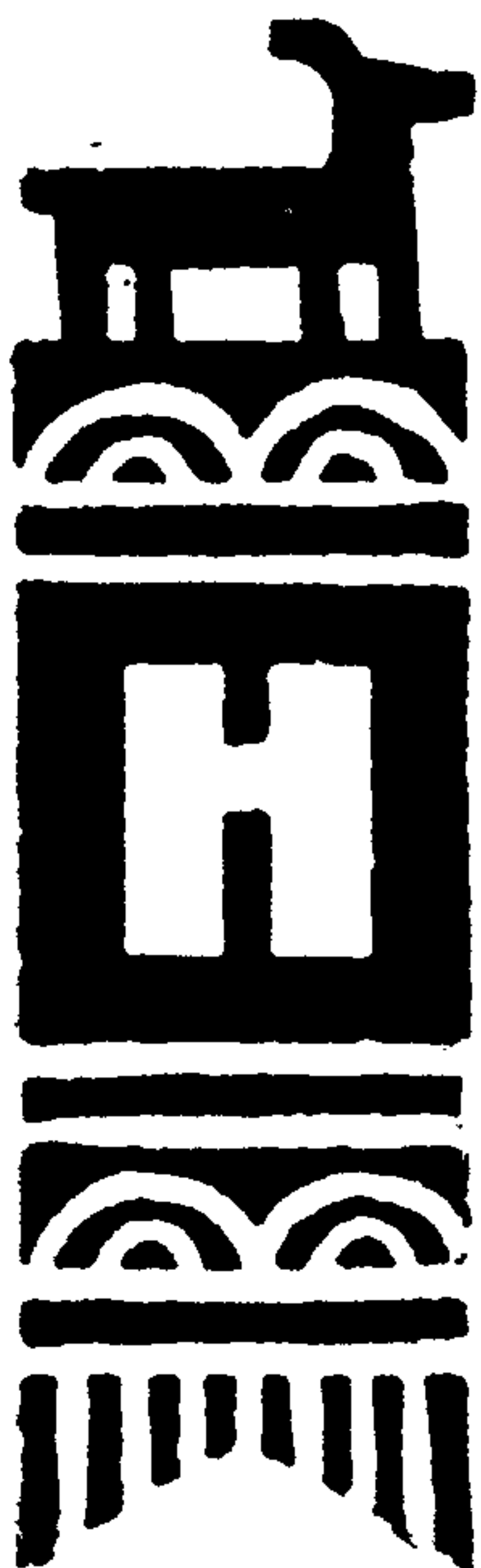
А люди проснулись — и смотрят с горы,
Друг другу кричат: «Непонятное дело —
Кубань покраснела, Кубань покраснела!»

41

УМЫКНУВШИЙ ГУНДУ

е мог Нарджхоу позабыть Гунду. Стояла она у него перед глазами точно живая.

Был он пастухом, жил в лесном шалаше без окон, без дверей и только раз, да и то у нартов, увидел он воочию обыкновенную дверь и в человеческом жилище.

Никому не уступал в храбрости этот Нарджхоу, и нрав его был очень крут, особенно тогда, когда кто-нибудь становился поперек его пути.

Пришел как-то Нарджхоу к своей матери, да и говорит:

— Еду за невесткой для тебя. Кого же мне привезти?

— Есть лишь одна подходящая, — ответила мать, — но что-то не уверена я, получишь ли ты ее...

— Кто же это такая, которую я не могу получить? Где живет она?

Мать объяснила ему:

— Живет она у ста богатырей-нартов. Она им сестра. Высоченная ограда отделяет ее от остального мира, хрустальная башня охраняет ее одиночество. Ты думаешь, что нет человека храбрее тебя. Но ты не знаешь ее братьев! Они нынче все в сборе, и тот настоящий герой, кто отважится умыкнуть их сестру.

Герой Нарджхоу молча вывел отцовского коня во двор. Молча сел на него. Взвилась сыромятная плеть — и Нарджхоу перепрыгнул через высокую изгородь. Еще раз взвилась сыромятная плеть — и Нарджхоу вновь очутился во дворе.

— О мать! — сказал он. — Я еду к ним, я еду за их сестрой, и я получу ее даже в том случае, если они на самом деле таковы, как говорят о них.

Отправился Нарджхоу из тех мест, где восходит солнце, к Гунде Прекрасной, которую уже сосватал Хважарпыс, живущий там, где заходит солнце.

Мчится Нарджхоу легче ветра, копыта коня не касаются земли. И встречает герой на своем пути трех дерущихся. Бились те люди смертным боем. Не давали никакой пощады друг другу.

— Чего не поделили вы? — грозно спросил Нарджхоу. Дерущиеся перевели дух.

— Видишь ли, — объяснили они, — мы получили в наследство от отца саблю, плеть и старую бурку. И не можем поделить их. Вот и душим друг друга.

— Я помогу вам, — сказал Нарджхоу и отобрал у них саблю и плеть, а бурку разорвал в клочья.

— Поняли меня? — спросил Нарджхоу.

— Поняли, — был ответ.

Поехал герой дальше.

Вот перед ним широкое поле Жабра. И что же он

видит? Стоят посреди поля двое мужчин, волосы рвут друг на друге, дубасят друг друга и в пылу неистовой драки вогнали друг друга в землю по самые колена.

— Эй, драчуны! — крикнул Нарджхоу. Остановил их и разнял. — И не стыдно вам? — сказал он грозно.

И поехал себе дальше. Однако эти двое снова полезли в драку. Пришлось герою возвратиться, вытащить дерущихся из земли и дать им по хорошему пинку на память. Помогло.

Едет Нарджхоу дальше, и словно нарочно опять на его пути дерущиеся.

— Чего не поделили вы? — спрашивает герой у незнакомцев.

— Досталась от отца нам цепь, которую над очагом вешают, — объяснили те. — Вот никак не поделим ее.

— И не стыдно вам? — говорит герой. — Образумьтесь!

И только он отъехал, как снова возобновилась драка. Тогда вернулся Нарджхоу к дерущимся, вырвал у них цепь и разорвал ее надвое. И каждому вручил по половине отцовского наследства. Только так и успокоил их.

Тем временем нарты, не подозревавшие, какой гость к ним едет и зачем едет, играли в мяч. А мать их Сатаней-Гуаша уже беспокоилась: она заметила пятнышко на краю равнины и чуяла сердцем что-то недоброе.

— Сыны мои! — крикнула она великим нартам. — Оставьте мяч, оставьте игру, гостя встречайте.

— Появится — встретим, — отвечали сыновья, не прерывая игры.

Гунда сказала своим братьям очень невесело:

— Ох, появится здесь сердитый человек, и ничего хорошего меж вами не будет!

— Кто посмеет прийти к нам с недобрым? — воскликнули братья и тем не менее прислушались к словам

сестры, не заставляя повторять уже сказанное. Они заперли ворота, окованные железом, и на всякий случай подперли их бревнами.

И вскоре оттуда, где восходит солнце, послышалось громopodobное громыхание копыт. Это Нарджхоу направил своего коня прямо на ворота. Конь с разбегу ударил своей грудью, похожей на скалу, по воротам и свалил их, подмяв трех нартов.

— Добрый день, великие нарты! — воскликнул Нарджхоу, спрыгивая с коня.

Нарты молчали: им не понравилось такое вторжение.

— Нравлюсь я вам или нет, — сказал Нарджхоу, — но вот пришел к вам в гости!

С большой неохотой, но все же приняли нарты коня Нарджхоу и привязали к железной коновязи. Конь тотчас же принялся ее грызть и вскоре вогнал глубоко в землю. А затем мотнул головой, да так, что вырвал коновязь из земли и отбросил ее далеко в сторону. И с тревожным ржанием, изрыгая огонь, понесся по широкому нартскому двору. Это тоже не очень понравилось нартам.

— Нарты, — обратился Нарджхоу к братьям, среди которых не доставало Сасрыквы и тех, которые лежали под опрокинутыми воротами, — я приехал сватать вашу сестру, хочу породниться с вами.

Такая прямота пришлась нартам не по душе.

— Садись, поговорим, — сказали нарты и подали гостю скамью.

Присел гость на скамью, а она всеми ножками ушла в землю.

— Я постою, — сказал Нарджхоу.

Он подал свои доспехи и оружие братьям, и те повесили доспехи и оружие на железный шест, врытый в зем-

лю. Но под тяжестью бранных доспехов и оружия шест ушел в землю.

— Ну что ж, — сказал гость, — я это улажу сам.

Нарджхоу вооружился, вскочил на коня и стеганул его плетью так, что искры посыпались.

Не успели братья глазом моргнуть, а герой Нарджхоу уже летел к хрустальной башне, выхватил Гунду Прекрасную, стоявшую у окошка, и вмиг очутился на широком поле. И помчался он к себе, в свои горы, туда, где восходит солнце.

Кинулись братья в погоню, а нарт Кятаван и младший брат его Мыса, обладавшие зычными голосами, принялись кричать Хважарпысу, живущему на высокой горе:

— Уа, услышь нас, герой Хважарпыс! Услышь нас! Если лежишь — подымайся, если сидишь — встань, если стоишь — беги! Уа, Хважарпыс, невеста твоя в опасности!

Услышал этот крик Хважарпыс. Он встал — и был уже на коне! Он уже мчался на коне! Он уже настиг нартов и обогнал их, он мчался, мчался, мчался и был уже недалеко от похитителя и от невесты своей, что была в руках похитителя.

— Эй, эй! — кричал Хважарпыс. — Остановись, если на голове у тебя не женский платок!

Но Нарджхоу летел вперед с Гундой на руках.

— Эй, эй! — кричал Хважарпыс. — Стой, умыкнувший мою невесту! Стой, погубивший меня!

— Стою! — ответил Нарджхоу.

И остановился.

— Отпусти ее, — сказал Хважарпыс, — и мы расстанемся без крови.

— Нет, — сказал Нарджхоу, — быть бою.

И враги без лишних слов стали друг против друга. Приготовили они луки свои для боя, запаслись стрелами.

— Ты стреляй первым, — сказал Хважарпыс.

И полетели стрелы от одного к другому. Летели со свистом. Летели целый день. И все это видела Гунда из безопасного места. Однако почему не сказала она своего слова? Почему молчала Гунда, которая и сама могла бы постоять за свою честь? Может быть, потому, что нравился ей этот герой Нарджхоу? Может быть... Однако истинной причины никто доселе не знает...

Вот кончились стрелы.

— Я наготовлю еще, — сказал Нарджхоу.

— Нет, — возразил Хважарпыс, — с тобою женщина. Стрелы наготовлю я сам.

Кончились и эти стрелы. И наготовил их Нарджхоу.

И снова полетели стрелы от одного к другому. Летели они со свистом. И все это видела Гунда из безопасного места.

Нарджхоу пришел в ярость и ускорил стрельбу. И вот его быстролетная стрела попала в голову Хважарпыса и расколола ее надвое. Хважарпыс схватился за голову и крикнул:

— Если ты мужчина — устроим передышку. Я тем временем сбегаяю к Айнару-кузнецу и скреплю свою голову.

— Хорошо, — согласился Нарджхоу. — У меня в бедре застряла твоя стрела. Пока ты вернешься, я вытащу ее.

Придерживая расколотую голову, Хважарпыс поспешил к Айнару.

— Помоги мне, — попросил Хважарпыс кузнеца. — Я тороплюсь, ибо Нарджхоу ждет меня в Ашвады.

Айнар, не мешкая, принялся за работу. Наложил на рану медные заплаты, вбил гвозди, надел железный обруч на голову и расклинил его железными клиньями.

И снова стали друг против друга Нарджхоу и Хважарпыс.

Запустил стрелу Хважарпыс, и она раздробила руку противника. Запустил стрелу Нарджхоу, и она раздробила колено противника.

Вовсе обессилели герои. Хважарпыс снова был ранен в голову. Не мог уже стрелять и Нарджхоу. Он вместе с Гундой двинулся дальше, но уже не мог достичь перевала Хвymiа и лишился сил на перекрестке семи дорог.

Великая Сатаней-Гуаша, видевшая все и сердцем чувшая все, произнесла такие слова:

— Нарджхоу, отнявший счастье у моей дочери, да превратишься ты в каменную глыбу, и пусть не будет тебе счастья на земле! А ты, Хважарпыс, так несправедливо пострадавший, обратись в прекрасный цветок рододендрон и радуй своим видом людей.

И все вышло так, как сказала великая Сатаней-Гуаша, мать ста братьев-нартов.

На ту пору, когда все это случилось, не было дома героя Сасрыквы. Но как только прослышал он на охоте о том, что сестру его умыкнул Нарджхоу, опозоривший Хважарпыса, Сасрыква бросился в погоню. Он нагнал похитителя в местности Нантвара и ударил его шашкой в то самое мгновение, когда Нарджхоу превратился в камень. И брызнули яркие искры, озарившие с ног до головы великого нарта.

В местности Нантвара стоят и до сего дня каменный Нарджхоу и Гунда, окаменевшая навеки. А Хважарпыс-рододендрон растет у всех ручейков и рек, и люди из гибких стеблей его плетут стены для своих жилищ.

ГИБЕЛЬ САСРЫКВЫ

тальноусый Нарджхоу, с отвагой во взоре,
 Вместе с Гундой достиг перевала Клухори.
 Изваяньями всадник и девушка стали.
 Встал Сасрыква пред камнем недвижным в
 печали.

Совершил бы он подвиг и жертву любую —
 Оживить не сумеет сестру дорогую.
 Не поможет он статуе-Гунде несчастной,
 Он домой возвращается в скорби ужасной.
 Возвращается с горем, стыдом и проклятьем,
 Возвращается к нартам, к прославленным
 братьям.

Возвращается — с чем же пред ними
 предстанет
 И какими глазами на братьев он взглянет?

Прибыл в полдень. Мертво и вблизи и далече.
Где же песни, веселье, горячие речи?
Братья-нарты в молчании, друг перед другом
Восседают на ровном дворе полукругом.
На него и не смотрят — мол, все им едино,
Человек ли пришел, забрела ли скотина.

Братьям-нартам зазорно здороваться с братом:
«Хайт! Ублюдок, рожденный Зартыжвом косматым!
Как посмел ты вернуться к нам? Прочь со двора!
Где сестра наша Гунда, родная сестра?
Может быть, возвратился полдневной порой
Ты с единственной нашей, с прекрасной сестрой?
Ты убил нас: мы живы, но нет нас на свете.
В смерти нашей сестры только ты виноват.
За позор и за гибель ее ты в ответе.
Мы сразимся с тобой, ты нам больше не брат.
Только смерть нас разнимет и суд ее скорый!»

«Что вы, нарты, к чему оскорбленья, укоры?
Наша Гунда, прекрасная Гунда, мертва.
Не помогут сестре никакие слова.
Кто похитил сестру? Кто покрыл нас позором?
Стальноусый Нарджхоу с губительным взором!
Не скакал, а летел он по скалам крутым.
Как же вы поступили с ним, нарты лихие?
Из ноздрей скакуна его взвихрился дым —
Вы в дыму закружились, как листья сухие!
Он ворота разрушил, он землю потряс —
Придавили ворота железные вас!
Он присел на скамью против нартской семьи —
Сразу в землю вошли ножки длинной скамьи,

И скамью эту вытащить вы не сумели!
Как мужчины, вы встретить врага не посмели
Ни с оружием в руках, ни с отвагой своей.
Вы решили, предательски двигаясь к цели,
Отравить его ядом морских красных змей,
Но забыли, что он вас хитрей и сильней!
А когда он увез нашу Гунду-сестру,
В беспорядке за ним вы погнались, как пчелы.
Он скакал впереди — стальноусый, веселый,
Взвился ветер от бега коня поутру,—
Как вы падали, нарты, на этом ветру,
А теперь вы меня же сочли виноватым!»

Так Сасрыква сказал своим братьям в упор.
Между ними пошел нескончаемый спор,
Угрожали друг другу блестящим булатом.
«Эй, ублюдок, рожденный Зартыжвом косматым!
Ты сильнее, что ли, нас? Но с каких это пор? —
И обидный они завели разговор:
— Если вправду воитель ты непревзойденный,
Подвиг ты соверши — мы признаем тотчас,
Что Сасрыква — наш брат, по закону рожденный,
Храбрый, истинный нарт, он отважнее нас!
И тебе мы не скажем ни слова попрека,
Мы хозяйство оставим, уедем далеко,
Мы покинем навеки родные места!»

Согласился Сасрыква, чья совесть чиста.
«Если так, то пойдём». И пошли по теснине,
И пришли наконец к неприступной вершине.
До чего высока: в небосвод голубой
Упирается эта гора головой!

Нарты подняли камень, огромный, как дом,
На вершину его водрузили с трудом.
«Ты послушай: с вершины низринется камень —
Этот камень коленом своим ты разбей.
Вспыхнут искры — взойди на вершину сквозь
пламень,
И тогда в правоте убедимся твоей,
Скажем: истинным ты оказался мужчиной,
Победил ты всех нартов, храбрец молодой!»

И Сасрыква пошел, встал пред горной вершиной,
И низринулся камень падучей звездой,
Но Сасрыква бесстрашно подставил колено,
И ударился камень, огромен, тяжел,
На куски раскололся, разбился мгновенно,
На вершину, сквозь искры, Сасрыква взошел.

Пали духом отважные нарты отныне:
«Победил он», — сказали друг другу в унынье.
И хотя не настали еще холода,
Братья в теплые бурки оделись тогда,
Башлыками окутали всадники лица
И поехали, сами не зная куда,
На чужбине далекой задумали скрыться,
Убежать от попреков, уйти от стыда.
Только б встречные их на пути не узнали!
Скачут всадники, скачут в великой печали,
Вот неделя, вторая и третья прошла,
Вот и месяцам трудным не стало числа.

Видят: старая ведьма несется верхом.
Оказалось, что конь ее был петухом,
Стременами — колючки, а плеткой — змея.

«Добрый день, дорогие мои сыновья», —
Поклонилась им ведьма, но сделались глухи,
Ничего не промолвили братья в ответ,
Молчаливо проехали мимо старухи,
Но проклятая крикнула всадникам вслед:

«То не вы ли, сестру свою Гунду утратив,
Девяносто и девять прославленных братьев,
Поскакали по странам чужим наугад?
Не у вас ли сестру отнял младший ваш брат?»

Друг на друга в смятении нарты глядят:
«Мы решили, что жить на чужбине мы будем,
Там, где наше обличье неведомо людям,
Но старуха узнала, как видите, нас.
Подождем, остановимся, спросим, — быть может,
Эта старая ведьма в беде нам поможет!...»
Вышел Сит и повел по порядку рассказ:

Как Сасрыква сестру у них отнял вначале,
Как Нарджхоу увез их сестру на заре,
Как сестра и седок изваяньями стали,
Как на горном застыли они перевале,
Как Сасрыква гибель принес их сестре,
Как решили покончить с Сасрыквой
надменным,
Как поставили камень большой на горе,
Как Сасрыква разбил этот камень коленом,
Как, сквозь искры, взошел на вершину горы,
Как Сасрыкву они победить не сумели,
Как покинули родину с этой поры,
Как блуждают они по вселенной без цели...

«Погубить помощи нам Сасрыкву-врага —
Как кормилица, станешь ты нам дорога!»

Тут колдунья, сидевшая на петухе,
Захихикала голосом тонким: «Хе-хе!
До чего же Сасрыква умен и хитер,
Победил он вас, хитростью выиграв спор!
Тяжкий камень ударил он левой ногою,
А она-то железная, эта нога!
Ни за что бы ногой не ударил другою —
Неужель неизвестна вам слабость врага?
Как на свет он родился, пылая, как жар,
Закалил его в кузне могучий Айнар,
Закалял он дитя, что сверкало, как пламя,
Но сжимал его правую ногу клещами.
Только эта нога, что клещами сжималась,
У воителя незакаленной осталась.
У Сасрыквы душа — в этом правом колене...
Возвратитесь, о нарты, в родное селенье,
Если камень коленом ударит он правым,
То погибнет! Ступайте, желаю добра вам!»

Ведьма в лес погнала своего петуха,
Полетела туда, где дорога глуха.
Братья-нарты взглянули на мир веселей
И, ликуя, домой повернули коней.
Бурки скинули, сняли свои башлыки,
Гордо плечи расправили, как смельчаки,
Что врага победили в сраженье жестоком.
Едут — видят: под деревом старым, высоким
Спит беспечно Сасрыква, лежит на спине
Возле самой дороги, в тени, в тишине.

Разбудить не осмелились младшего брата,
Ибо знали: он верен обычаю свято —
Как заснет, трое суток проспит напролет,
Как проснется — три ночи, три дня не заснет.
Кто Сасрыкву разбудит, нарушив обычай,
Станет сразу же гнева и смерти добычей.

Ночь прошла, и вторая, сидят до утра,
Братья-нарты безмолвно сидят у костра.
Вот Сасрыква проснулся — и слышит он слово.
Братья молвили: «Спор продолжается снова.
Уговор между нами, Сасрыква, такой:
Ты ударишь не левой, а правой ногой.
Не исполнишь — так нам покоришься по праву...»

Та затея Сасрыкве пришлась не по праву,
Но отказ он считал недостойным мужчины.
«Ставьте камень, — сказал, — на макушку
вершины!»

Нарты на́ гору подняли камень с трудом
И столкнули, и камень взметнулся над бездной,
А Сасрыква навстречу рванулся бегом,
И ударил он камень ногою железной,
Сквозь осколки и пламя на гору взобрался —
Невредимым и целым Сасрыква остался!

Братья-нарты молчат, покраснев от стыда.
В путь пора, чтоб уже не вернуться сюда!
На конях полетели, — но как полетели:
Полетели гораздо быстрее в этот раз!
Бурки снова надели, — но как их надели:
Затянули гораздо тесней в этот раз!

Башлыки завязали, — но как завязали:
Завязали гораздо плотней в этот раз!

Вот и едут и едут в угрюмой печали,
Целый год они едут, судьба их плоха.
Видят: ведьма спешит, оседлав петуха.
«Что случилось, друзья? Вы внушаете жалость!»
«Что случилось? Да худшей беды не случилось!
Вниз мы бросили камень, но камень летящий
Смело встретил Сасрыква как нарт настоящий.
Он разбил этот камень коленом своим,
Разлетелись осколки, а нарт невредим!»

«Что я слышу, о нарты, скажите на милость!
Умереть бы мне, с вами напасть приключилась!
Самый младший из вас — мне понятно сейчас —
Самый крепкий из вас, самый ловкий из вас!
Опозорил он братьев у всех на виду,
Он ударил не правой ногою, а левой,
А не то он попал бы, обманщик, в беду!»

Братья-нарты, полны удивленья и гнева,
Повернули коней, поскакали домой.
«Эй, Сасрыква, — они закричали, — постой,
Ты не только ублюдок — и лжец ты лукавый,
Гнусный плут, не мужчина ты с этой поры!
Мы сказали, чтоб камень, летящий с горы,
Ты ударил не левой ногою, а правой,
Но, обманщик, ударил ты левой ногой!
Званье нарта обязан ты вновь доказать,
Мы с вершины горы сбросим камень опять,
И его ты разбей — только правой ногой!»

Недоволен Сасрыква был речью такой,
Если правду сказать, он смутился чуть-чуть
И стеснилась предчувствием гибели грудь.
Но позор на себя не навлек бы отказом!
Вновь низринулся камень падучей звездой.
«Будь что будет!» — воскликнул и двинулся разом,
И ударил не левой, а правой ногой.

Но Сасрыква теперь не разбил этот камень,
На вершину горы не поднялся сквозь пламень.
Камень круглым остался и вниз покатился...
Нет, Сасрыква не даром вначале смутился:
Без ноги оказался воитель стальной!
Как подрубленный ствол, храбрый нарт покачнулся,
И свалился Сасрыква на землю спиной,
И, казалось, от боли весь мир содрогнулся.
Был в отчаянье горный хребет, потрясенный,
Повторял он Сасрыквы предсмертные стоны.
Братья поняли: скоро Сасрыква умрет,
И коней повернули, помчались вперед,
Умиравшего пожалеть не хотели,
А сказали друг другу: «Достигли мы цели!»

Ой, Сасрыква несчастный, что всюду прославлен!
На спине он лежит, недвижим, окровавлен!
Смерть крадется к нему, смерть возьмет его вскоре!..
Все живое, узнав о неслыханном горе,
Птицы, дикие звери и богатыри
Устремились к нему до рассветной зари.
По горам, по лесам, по равнинным просторам,
Соболезнуя, двигались люди, которым
Сделал нарт молодой хоть немного добра.

Грудью к небу лежал он, лежал до утра,
Кровь Сасрыквы покрыла траву пеленой.
Выходил из ноги, из оторванной, гной.
Отделилась нога от бессильного тела,
И толпа приходила и тяжело скорбела.

А когда загорелась на небе заря,
Коршун вдруг появился, угрюмо паря.
Опустился к Сасрыкве. Несчастный спросил:
«Ты зачем прилетел? Прилетел ты откуда?
Иль проведал ты, коршун, что стало мне худо?»
«Прилетел я, узнав, что лежишь ты без сил,
Что, Сасрыква, пора твоей смерти настала,
Я напьюсь твоей крови теперь до отвала!»

«Что же, пей сколько хочешь, решившись на это,
Только в самые жаркие месяцы лета
Будешь мучиться жаждою ты на лету,
Будешь, алчный, вынашивать яйца во рту,
Ты высиживать будешь спиной коршунят —
Весь твой род будет этим заклятьем заклят!»

Самка коршуна крови его до отвала
Напилась и взлетела, а солнце сверкало.
Но проклятие нарта Сасрыквы сбылось,
Как сказал, так навек с той поры повелось:
Ныне в самые жаркие месяцы лета
Самке коршуна хочется пить на лету,
Допоздна ищет капельку влаги с рассвета,
Ныне стала вынашивать яйца во рту
И высиживать стала спиной коршунят.

Кровь Сасрыквы струится, и раны горят.
Прилетел к нему ворон, закаркал, жестокий.
«Эй, откуда ты, ворон,— Сасрыква спросил,—
Ты, наверно, узнал, что пришли мои сроки?»
«Я узнал, что Сасрыква остался без сил,
Чтобы выклевать очи его, я примчался».
«Что ты, ворон, стыдись, я еще не скончался,
Как же смеешь ты выклевать очи мои?
Ты бы лучше помог мне — лежу я в крови,
Ты придвинь ко мне, ворон, отбитую ногу».
«Эй, подальше упала б нога на дорогу —
Было б лучше мне, вдоволь поел бы я мяса!»

Проклял ворона бедный Сасрыква тогда:
«Да не будешь ты радостен с этого часа,
Пусть тебе от птенцов твоих будет беда,
Пусть летят за тобой от рассвета до ночи,
Чтоб твои ненавистные выклевать очи!»

И проклятие нарта Сасрыквы сбылось.
Как сказал, так навек с той поры повелось.
Самка ворона выведет малых птенцов —
Те за нею со всех устремятся концов,
Чтобы выклевать очи у матери жадной!..
Черный ворон к Сасрыкве присел, возле ног,
Человечьего мяса поел, сколько мог,
И наверх полетел он, в простор неоглядный.

Эй, Сасрыква отважный, Сасрыква-храбрец!
Эй, лежит, ожидает он, скоро ль конец!
Сколько доброго сделал он в прежние дни,
Так ему ль умирать без друзей, без родни!

Но Сасрыква не умер еще, не замолк,—
В это время к Сасрыкве приблизился волк.
«Волк, зачем прибежал ты,— Сасрыква спросил,—
Иль дошло до тебя, что лишился я сил?»
Волк сказал: «Да, услышал я, нарт-удалец,
Что лежишь ты в крови, что пришел твой конец,
И печаль в моем сердце тогда поселилась...
Почему же нога от тебя отвалилась?»

Оказал он Сасрыкве зубами подмогу:
К телу нарта приставил отбитую ногу.

«Волк, сегодня ты сделал мне доброе дело,
Пей же кровь мою вдоволь и ешь мое тело!»
«Я пришел не затем, чтобы так поступить,
Чтобы есть твое мясо и кровь твою пить,
Для того я из леса отправился в путь,
Чтобы помощь тебе оказать чем-нибудь».
«Если так, то ко мне подойди на мгновенье,
От Сасрыквы услышишь ты благословенье:

Да спина твоя спереди будет сильна,
Сзади книзу опущенной будет спина.
Пусть, когда наступаешь ты с гневом во взорах,
Будет слаб, как дыхание утра, твой шорох,
А назад побежав, пусть начнешь ты шуметь,
Как шумит и свистит моя крепкая плеть.
Если ты устремишься, к добыче спеша,
Пусть отцовскую смелость почует душа,
А когда ты захочешь назад возвратиться,
Робость матери пусть в твое сердце вселится.
Так же крепкими пусть твои будут бока,
Как мизинец Сасрыквы, чья сила крепка!»

И коснулся он волка мизинцем слегка —
С той поры стали крепкими волчьи бока.
Стала спереди сильной у волка спина,
Стала сзади опущенной книзу она.
С той поры, как нагрянет он с гневом во взорах,
Словно утра дыхание, слаб его шорох,
А помчится назад — начинает шуметь,
Как шумит и свистит богатырская плеть.

Ой, Сасрыква, чья храбрость не знала предела,
Ой, Сасрыква, чья слава повсюду гремела!
Нет вблизи человека, чтоб слово сказать.
Богатырская сила уходит из тела, —
Друга нет, чтоб предсмертное слово сказать!
Приближается смерть, и в глазах потемнело...

В это время увидел он трех голубей,
Были сводов небесных они голубей.
Покружились и сели, с тоской поглядели.
«Голубки, вы откуда сюда прилетели?»
«Мы узнали, что гибель Сасрыквы близка,
И в сердцах голубей поселилась тоска.
Понесем по вселенной правдивые были,
Мы расскажем, как братья тебя погубили.
Мы спешили, вздыхая на быстром лету,
Чтоб, Сасрыква, присесть к твоему изголовью!..»

«О, спасибо вам, голуби, за доброту!
Вы присели на землю, покрытую кровью,
Ваши лапки окрашены кровью моей.
Пусть, пока меж людьми существует вражда,
Будут красными лапки у всех голубей,

Но когда прекратится вражда навсегда —
Станут светлыми вновь, как в былые года!
Вы примчались, как вестники горя сюда,
Но в грядущем, исполнены к людям участия.
Превратитесь вы в радостных вестников счастья!»

Голос нарта звенел все слабей и слабей —
Умирающий благословил голубей.
Шумно крыльями птицы взмахнули, взлетели,
Покружились — и скрылись далёко отселе.
И летят до сих пор, и для блага земного
Всем приносят Сасрыквы предсмертное слово.

Где же нарт? Что же стало с Сасрыквой? Навеки
Опустились недвижные веки...
И земля ему стала постелью широкой,
Небо синее — кровлей надёжной, высокой,
Реют голуби — вестники горя и славы,
Тихо плачут над нартом деревья и травы.
Только звезды, развеяв печаль и тревогу,
Озаряют Сасрыкве дорогу...

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ш. Инал-Ипа.</i> Слово о нартах	5
--	---

ПРИКЛЮЧЕНИЯ НАРТА САСРЫКВЫ И ЕГО ДЕВЯНОСТА ДЕВЯТИ БРАТЬЕВ

1. Имя ее Сатаней-Гуаша	15
2. Песня о матери нартов	18
3. О том, как появился на свет герой Сасрыква	21
4. Песня о том, как родился Сасрыква	30
5. Огнеподобный конь Бзоу	39
6. За что почитали нартов	48
7. Нарты у чернолицых людей	55
8. Как появились у нартов песня и свирель	59
9. О том, как женился нарт Дыд	66
10. Герой Башныху	72
11. Удачливый Кун	75
12. Уахсит — сын Сита	79
13. Гунда Прекрасная	89
14. Сын собаки и племянник нартов	94
15. Необычайное превращение	100

16. Побежденные женщинами	106
17. Подвиг Куна	110
18. Сватовство несчастного Алхуза	117
19. Мужество мстителя	124
20. Женитьба нарта Куна	131
21. Сасрыква сбивает звезду	136
22. Одна лиса и сто человечков	146
23. Сасрыква спасает своих братьев	151
24. Сасрыква убивает дракона	160
25. Новые удивительные приключения Сасрыквы	169
26. Победивший Гунду	179
27. Почему нарты пошли походом на великанов	182
28. Великий кувшин	187
29. Поединок с Алтаром Толумбаком	194
30. Сильнее сильного	201
31. Несравненная невестка нартов	207
32. Удивительнее удивительного	217
33. Герой Получерный-Полуседой	222
34. Взятие крепости Гуинтвинт	228
35. Черный день аданов	235
36. Несчастье Сасрыквы	238
37. Сгоревший в огне	243
38. Нарт Сасрыква и дикий конь	247
39. Как погас светящийся мизинец	250
40. Песня о том, как Сасрыква спасся от смерти	256
41. Умыкнувший Гунду	264
42. Гибель Сасрыквы	272

**ПРИКЛЮЧЕНИЯ НАРТА САСРЫКВЫ
И ЕГО ДЕВЯНОСТА ДЕВЯТИ БРАТЬЕВ**

Абхазский народный эпос

Редактор Л. Осипова

Художественный редактор Г. Кудрявцев

Технический редактор С. Розова

Корректоры Т. Козменко и А. Паранюшкина

Сдано в набор 28/VI 1961 г. Подписано к печати 3/XI 1961 г. Бумага 70×108¹/₃₂—
9 печ.л.=12,33 усл. печ. л. 10,28 уч.-изд. л.
Тираж 30 000. Заказ № 1936. Цена 1 р. 13 к.

Гослитиздат

Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19.

**Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова**

Московского городского совнархоза.

Москва, Ж-54, Валовая, 28.

25